

ИЮЛЬ-АВГУСТ **7-8** литературно-художественный
1999 и краеведческий журнал

ЧЕРЕМШАН

В номере:

«И перезвон колоколов
печальный» -
отчет о Крестном ходе
по Волге.

Евгений ЛАРИН.
«Дневник сердца».
Интимная лирика.

Валерий ГОРДЕЕВ.
«Черный полдень».
Приключенческая
повесть.

ЧЕРЕМШАН

июль-август

1999

Литературно-художественный
и краеведческий журнал
Димитровградской горадминистрации
и Димитровградского отделения
Союза писателей России

В НОМЕРЕ:

«И перезвон колоколов печальный».

Отчет о Крестном ходе по Волге. 4

Николай Высотин. «Я уйду в одиночество». Стихи. 10

Валерий Гордеев. «Черный полдень».

Приключенческая повесть. 15

Дебют. **Денис Трудников.** Стихи. 33

Геннадий Генераленко. Три рассказа. 36

А.П. «Жажда у фонтана». Из Франсуа Вийона. 60

Вячеслав Первушин. «Dakota». Рассказ четвертый. 78

Елизавета Парфенова. Стихи. 89

Записки Хранителя.

Анатолий Жуков. Из неопубликованного... 93

Евгений Ларин. «Дневник сердца».

Зарубки памяти в стихах. 110

Вадим Баранов. Заметки об А.Ширяевце. 138

Инга. «Ветка омелы». Поэтическая сказка. 147

О нас пишут. 158

«Мелекесские дивы». Фотовернисаж. 159

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ:

**На наш журнал
можно подписаться
только в его
редакции, с любого
месяца. Стоимость
одного номера -
5 рублей. На год -
50 рублей.**

**Главный редактор Валерий ГОРДЕЕВ.
Компьютерный дизайн: Т.Царева.
Техническое оформление: А.Ефремов.**

**Редакция извещает о том,
что с согласия авторов их
произведения временно
публикуются на
безгонорарной основе.**

ПОДА

"МЕЛК600"

**Компьютерное
обеспечение редакции
«Дмитровград-панорама»**

© «Черемшан» 1999

Адрес редакции: 433510, Ульяновская обл., г.Дмитровград, ул.Юнг
Северного флота, 107. Телефон: 3-11-50.
Сдано в набор 17.08.99. Подписано в печать 1.10.99. Формат 60х90/16.
Усл. печ. л. 10. Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ № 4854
Цена свободная. Отпечатано в Дмитровградской гортипографии,
433510, Ульяновская обл., г.Дмитровград, ул.Юнг Северного флота, 107.

И ГРЕХИ ИХ ТЯЖКИЕ ПРОСТИ ИМ, ГОСПОДИ...

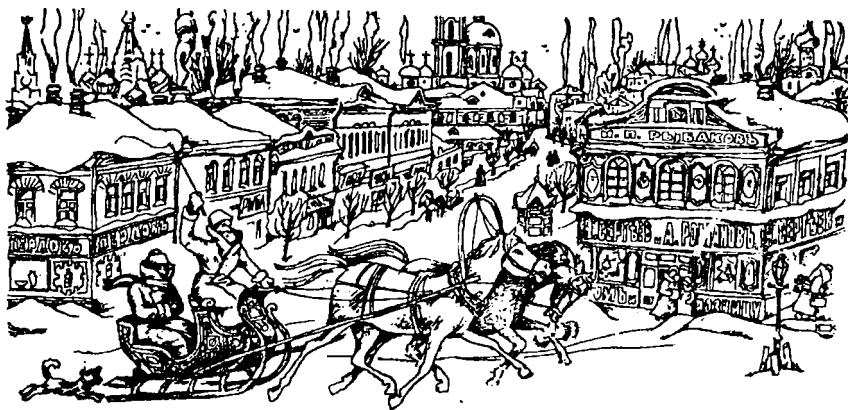
Эти стихотворения-молитвы были переписаны Великой Княжной Ольгой в изгнании в Тобольске. Они обнаружены позднее в принадлежавшей ей книге, найденной в доме Ипатьева в Екатеринбурге после убийства царской семьи Романовых.

МОЛИТВА

Пошли нам, Господи, терпения
В годину буйных, мрачных дней,
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.
Дай крепость нам, о, Боже правый,
Злодейство ближнего прощать
И крест тяжелый и кровавый
С Твоею кротостью встречать.
И в дни мятежного волнения,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и оскорбленье,
Христос, Спаситель, помоги!
Владыка мира, Бог вселенной,
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной
В невыносимый, страшный час.
И у преддверия могилы
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы -
Молиться кротко за врагов.

ПЕРЕД ИКОНОЙ БОГОМАТЕРИ

Царица неба и земли,
Скорбящих утешенье,
Молитве грешников внимли:
В тебе - надежда и спасенье.
Погибли мы во зле страстей,
Блуждаем в тьме порока,
Но... наша Родина... О, к ней
Склони всевидящее Око.
Святая Русь - Твой светлый дом
Почти что погибает,
К тебе, Заступница, зовем:
Иной никто у нас не знает.
О, не оставь своих детей,
Скорбящих Упованье,
Не отвори Своих очей
От нашей скорби и страданья.

И ПЕРЕЗВОН КОЛОКОЛОВ ПЕЧАЛЬНЫЙ...

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА.

Руководителям органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

По инициативе Международного фонда единства православных народов и при поддержке Патриарха Московского и всея Руси Алексия II в Тверской области 20 июня т.г. начался Крестный ход по Волге, Днепру, Западной Двине. Цель акции - продемонстрировать единство трех славянских народов, оказать морально-нравственную поддержку, благотворительную помощь детским домам, домам инвалидов и престарелых, другим социально незащищенным категориям населения.

Учитывая важную политическую и социально-гуманитарную направленность инициативы общности и церкви, прошу оказать содействие и посильную помощь в ее реализации на территории Вашего региона.

*Заместитель Председателя Правительства Российской Федерации, председатель Комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве Российской Федерации
В. Матвиенко.*

Подобного рода обращение к досточтимому православному священноначалию и духовенству регионов России подписал Председатель Государственной Думы Г. Селезнев. Именно этими документами закончилась подготовка участников Крестного хода по водам трех славянских рек. Первые же шаги хоруговеносцы и священнослужители сделали в районе села Волговерховье у истоков великих рек, собрав первые живительные струи родников, с которых и есть начало Волге, Днепру, Западной Двине, в специально освященные сосуды, которым предстоял нелегкий и долгий путь по территории России, Украины и Белоруссии.

Главные спонсоры Крестного хода: Правительство РФ, «Газпром», ЗАО «Корпоративное развитие традиционных технологий в регионах», - выделили участникам Крестного хода специально сконструированный катамаран, на котором была установлена сборная часовня. Именно так, лодками и катамараном, начался ход по верхневолжским ручьям и речушкам - от села к селу, от церкви к церкви.

В Верневолжье была произведена закладка будущего храма - Славянский дом, а в селе Коковкино установлен святой крест Стерженский. На всем пути от Пено-Селижарово до Твери в главный ход вливались местные крестные ходы сельских приходов и церквей, шли торжественные богослужения, молебны, освящение вод.

В Тверской области в крестном ходе приняли участие архиерископ Тверской и Кашинский - Виктор, губернатор области Ю. Краснов,

зам. председателя Законодательного собрания А.Грибов. Здесь же, в Твери, участники Крестного хода поселились на специально зафрахтованный теплоход «Святой князь Владимир-креститель» со встроенной на нем часовней и с плавучим храмом-алтарем. Именно на нем предстояло паломникам пройти 7000 километров от истока - до Ярославля, Костромы, Нижнего Новгорода, Чебоксар, Казани, Ульяновска, Самары, Волгограда, Астрахани, через Волго-Донской канал до Ростова-на-Дону, затем по Украине и Белоруссии и завершить Крестный ход на пристани у храма Христа Спасителя в Москве, где мэр столицы, Патриарх Алексий II, президенты России, Украины и Белоруссии должны принять в свои руки священные воды православного единства наших народов.

Я не могу описать весь путь паломников до нашего Ульяновска, ибо присоединился к участникам Крестного хода в речном порту областного центра. Но то, что я увидел, услышал в ходе моего путешествия на участке Ульяновск-Тольятти-Самара, постараюсь обобщить и передать нашему читателю. Как человек верующий, но не церковный, я не всегда и не во всем согласен с действующей и ныне церковной атрибутикой, порой излишне консервативной в своих требованиях. Потому во всякого рода чудеса, иногда возникающие в храмах, верил мало. Однако прикосновение мое к такому святому и богоугодному делу, как Крестный ход, резко поколебало мое неприятие дел чудесных.

Видимо, только если многие, очень многие верующие люди исто-во просят в своих молитвах благодати, это многотысячное желание может действительно превратиться в реальность. Так было в Костромской области, где стояла небывало жаркая погода. Засуха на корню убивала урожай. Потому, когда на главной костромской площади - Сусанинской - была совершена соборная молитва архиепископом Костромским и Галицким - Александром, с участием в ней всего областного и городского руководства, десятков тысяч костромичей и паломников, в которой они просили о даровании истинного покаяния, умножения любви среди всех людей, о ниспослании властям мудрости и даровании плодов земных, на костромскую землю, наконец-то, упали первые капли долгожданных дождей...

Особо многолюдно было в дни Крестного хода в Нижегородской губернии и Республике Чувашия (97% жителей Чувашии считают себя православными). В Нижнем Новгороде во время обеденного молебна, при совершенно безоблачном небе и в 35-градусную жару, над прихожанами и паломниками, над храмом встала яркая радуга, которую запечатлели на фотопленках все журналисты, сопровождающие Крестный ход.

А в Чувашии паломников поразило то, что между мирскими властями республики во главе с президентом Н.Федоровым, верующи-

ми и священнослужителями царит полное согласие и понимание. Сотни новых храмов воздвигаются по городам и селам. Сотни старых - передаются РП Церкви и совместно с ней реставрируются. Теплоход с паломниками провожали сотни тысяч жителей Чувашии, выстроившись по волжским берегам. Перезвон колоколов береговых храмов соединялся с мелодиями звонарей теплоходной часовни. И в это время на берега обрушился ливень. Стены дождя стояли справа и слева от «Св. князя Владимира», а он шел, рассекая воды, в пространстве, куда не упала ни одна капля, хранимый Господом от стихии небесной...

В плавание по Волге из Твери теплоход с паломниками напутствовал губернатор Тверской области В.Платов.

Ранним утром, на траверзе Ульяновска в храме теплохода замиrotочила обычная иконка с ликом Николая-Чудотворца. Весть об этом следующие Крестным ходом монахи разнесли по всем палубам, и к храму потянулись люди. Первым из них удалось собрать капельки чудесного мирра, развести с водой, освятиться им. Если бы на теплоходе, который я встречал в тот час в речном порту областного центра, среди паломников не было моих друзей-журналистов, писателей, работников Международного фонда единства православных народов, если бы я не знал их так давно и хорошо, не был убежден, что это люди здорового (и неординарного) ума и чести, - не мог бы поверить в данное чудо. Но - все было так. И, обнимаясь со старыми друзьями, я явственно ощущал слабый запах ладана, исходящий от них. Я не мог не верить им - с полным пониманием серьезности и величия происходящего.

Видимо, потому Крестный ход по Ульяновску, установка Святого креста на улице Гончарова, посещение паломниками госпиталя ветеранов войны и детской больницы, храмов и женского монастыря в Ульяновском районе, села Языково (телефильм об этом войдет в многосерийную телефильм о Крестном ходе, снимаемую руководителем личной телередакции «Исток» при Святейшем Патриархе всея Руси Б.Конуховым), молебны, концерты хоров Ульяновской епархии, консерватории и паломников - мужского хора Московской

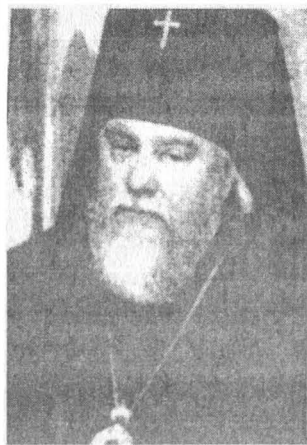
На Большой Волге в Твери Крестный ход возглавлял сам Владыко Тверской и Кашинский Виктор.

духовной академии, - было проведено очень торжественно. Храм на теплоходе посетили зам. губернатора В.Рогов, депутат Законодательного собрания области Е.Головко, митрополит Симбирский и Мелекесский - Прокл, кавалер церковного ордена Св. Даниила генерал-майор В.Орлов, представители городской мэрии и администраций районов г. Ульяновска. Поздно ночью «Св. князь Владимир» под

печальный перезвон отошел от причала и взял курс на г.Тольятти.

Здесь следует сделать небольшое отступление. Среди участников Крестного хода кроме семинаристов, монахов, послушников, верующей паствы много людей сановных и именитых, дела, общественная инициатива, набожность которых, да и сами имена уже придают мероприятию необычность, особую чтимость и даже святость. Среди руководства особо выделяется отец Алексей, священник одного из тверских приходов, ректор богословия Тверского университета - Алексей Андреевич Злобин. Да, да - тот самый, что открыл свою походную часовню в осажденном здании Верховного Совета России в октябре 1993 года. Тот, что в час штурма Белого дома крестил депутатов-атеистов, что с крестом в руках вышел навстречу грохоту танковых пушек и пулям озверевших омоновцев, призывая

Владыко Симбирский и Мелекесский - Прокл лично принимал участие в Крестном ходе и духовных мероприятиях в дни пребывания паломников в Ульяновске

их милостью Божией к гуманности. В Ульяновске на встречу с ним приехала его крестница, депутат расстрелянного парламента В. Домнина.

Священник из Валаамского прихода, пастырь заблудших душ всех сидящих в тех лагерях эзков - отец Бонифаций; издатель газеты «Воскресная школа» - отец Киприан; иеромонах Свято-Данилова монастыря - отец Киприан; отец Олег - священник одного из казанских приходов, несмотря на гонения властей Татарии на православных, в чем убедились участники Крестного хода, сел на теплоход со своей матушкой и внуком; отец Алексей из Чувашской епархии, плакавший у изголовья обреченных (раковых) ребятишек в ульяновской детской больнице, молящийся перед Богом о них, крестивший их на больничной койке; секретарь Московской Духовной Академии, профессор-богослов - отец Платон.

Из светских в Крестном ходе особо выделялись депутат Госдумы России, председатель объединения «Регионы России» и депутатской группы «Новая региональная политика», член президиума Политсовета общественно-политического блока «Вся Россия» В. Медведев, чья книга «Время созидать!» так и начинается словами: «Я верю в Бога!»; президент Международного фонда единства православных народов, советник Председателя Госдумы России В. Алексеев; исполнительный директор Международного фонда, издатель нового журнала «К единству!» (печатающегося в ульяновском Доме печати), кавалер высшего церковного ордена Св. Андрея Первозванного, наш земляк А. Дмитриев; журналист, исполнительный директор Московского отделения Международного фонда, полковник внутренних войск в отставке В. Афанасьев; депутат парламента Белоруссии, личный посланник президента А. Лукашенко - Н. Дубовик; писатель Н. Переяслов.

Достаточно сказать, что президентом Европейской Межпарламентской Ассамблеи Православия ныне является член Политсовета ЦК КПРФ, депутат Госдумы В. Зоркальцев, чтобы представить уровень, на котором шло общение участников марша единства славянских народов с высшим руководством регионов, с населением Поволжья.

И в этой связи станет понятно мое разочарование от посещения Тольятти, который я про себя окрестил «городом безбожников». В процессии к храму здесь принимало участие не более десятка местного люда. Чуть больше народа было на установке Святого креста на центральной площади города, где депутат гордумы (один из официальных лиц Тольятти) обещал, что со временем они установят на этом месте часовню. И когда в храме, где мы разгружали подарки и библиотеку для местной богадельни, прислужница поведала, что все двери они оборудовали амбарными замками, ибо тольяттинские «лихие люди» воруют по ночам даже из алтаря, стало понятным,

почему в баре речного порта города установили супермощные колонки и всю ночь атаковали наш теплоход ритмами бесовской заморской музыки; почему напоказ себя при свете неона святым отцам выставляли собравшиеся со всего Тольятти «ночные бабочки»; почему к борту «Св. князя Владимира» под сень его часовни подруливали крутые «мерседесы» и «тойоты» с любителями сфотографироваться на фоне «экзотики». И хотя шеи их украшали золотые, величиной с собачьи, цепи - креста на них, явно, не было. Как и Бога в душах их...

Возвращаясь к чудесам, творившимся в Крестном ходе, я поведаю один самарский эпизод, свидетелем которого был. От борта теплохода круто на берег возносилась бетонная эспланада-дорожка, по которой спешили пассажиры речного порта. Одна из женщин, тащившая чемодан и плотно набитый полиэтиленовый пакет в другой руке, замотанно глянула сверху на теплоход, увидев на нем часовню с крестом, плюнула с досадой: «Какую только напасть не понастроят нынче!...»

В тот же миг пакет в ее руках с треском лопнул, по эпланкаде вниз хлынул поток черной смородины (видимо, ее дачный урожай на варенье). Крупные черные ягоды кроваво лопались под ногами ниже идущих людей, падали на причал. А тетка, горестно охая, пыталась спасти хоть ягодку, неся за свое богохульство заслуженное ею наказание Божие.

Сегодня теплоход с участниками Крестного хода, истершими в кровь подошвы ног, уставшими, но счастливыми от исполненного, пришвартован в порту казачьей станицы Ростова-на-Дону, под перезвон колоколов старинных русских храмов. И звон этот торжественно-печален, ибо здесь, пройдя весь путь по Волге, православные паломники делятся на три группы. Одна идет крестным ходом по братской Белоруссии. Другая, через приднепровские города, автобусами - до Киева. Третья, пересев на российский военный корабль, - Азовом и Черным морем к Севастополю. Правда, к великому сожалению, в море Черном их ждет украинский миноносец, зафрахтованный националистами-униатами (раскольниками веры православной), чтобы в пику великому делу единения провести свою акцию по запугиванию населения и паломников. Но я верю, что Христос, вера в которого крепила дух моих братьев во время всего тернистого пути, в котором они несли свой Крест и Благую весть, даст им силу и терпение, промысел Божий. 5 сентября Крестный ход финишировал у стен Храма Христа Спасителя в Москве.

Р.С. А жаль, что мы в Димитровграде потеряли уже свой речной порт, и Черемшан уже не судоходен, как в былые времена... Нам всем, в нашем древнем Мелекесе, сегодня так не хватает мира, терпения, слова Божьего, которые могли бы привнести паломники Крестного хода в честь 2000-летия со дня рождения Христова...

Главный редактор.

Я УЙДУ В ОДИНОЧЕСТВО...

Николай ВЫСОТИН

Николай Высотин родился в 1965 году в городе Кизиле Пермской области. В середине 70-х переехал вместе с семьей в Димитровград. После окончания Димитровградского механико-технологического техникума работал в Самаре на молочном заводе. Демобилизовавшись с армейской службы, Николай возвратился в Димитровград, где работает в НИИАРе оператором. В 1997 году закончил заочно филологический факультет Ульяновского государственного университета.

Первые стихотворные опыты его начались с 9 лет, тогда же появились и первые песни. Впервые стихи Высотина были опубликованы в 1991 году, тогда же Николай стал одним из основателей модной в городе рок-группы «Вход и Выход». Сегодня Высотин известен в Димитровграде как самобытный бара, исполнитель песен в стилях блюза, кантри, баллада, альтернатив. Один из соавторов вышедшего в 1993 году музыкального альбома «Холодный блюз».

В творческом репертуаре Николая не только собственные стихи, но и песни на произведения А.Гротуса, А.Степановой, П.Звягина, М.Панкратовой, А.Саморокова и других наших земляков. Произведения Высотина публиковались в городских СМИ.

СМЕШЕНЬЕ

Меня преследует лед.
Меня преследует снег.
Кто грезит, кто меня ждет?
Как приподнять тяжесть век?
Меня преследует тень
Неотвратимой судьбы.
В ночь сердца падает день.
Мечты ложатся в гробы.
Жестокий мир облаков
Вершит мирские дела.
Глухому - слитки ветров.
Малюет светлое мгла.
Бежит за мыслью судьба.
В ее зрачках тишина.
Извечный символ - борьба,
Смешенье неба и дна.
Меня преследует лед.
Меня преследует снег.
В какие выси плывет
Мой златотканый ковчег?

1996г.

Истлеть на дне своей души,
Истлеть в гробу своих мечтаний
И, как себя, других смешить
Сентенциями воспоминаний.
И, как себе, другим вредить
Своей нечаянной привычкой.
Как двери в счастье приоткрыть
Ключом тревог и бед отмычкой?
Возможно ль дух свой покорить,
Чтобы сравнимым стать с мечтою?
Любовь со злобой примирить,
Как тучу с ясной синевою?

24.08.96г

ДВА БОГА

Два бога, созерцающих друг друга,
Сидят на двух созвездьях двух небес.
И скоро им придется очень туго.
Навряд ли будет чей-то перевес.
И даже если пересмотрит кто-то,
То чаши двух небес сыграют так:
Одна - сорвется вниз вполне охотно.
Другая - высь расколет в пух и прах.
Тогда уж победителей не будет.
И, в перевозданный хаос стронув небеса,
Те боги вмиг исчезнут, как и люди,
Исчезнут будни, как и чудеса...
Два бога, созерцающих друг друга,
Сидят на двух созвездьях двух небес.
Им невдомек, что скоро - Сатьи-Юга,*
А Кали-Юга* сгинет, как и бес...

18.09.98г

* По преданиям заканчивается Кали-Юга - темная эпоха, и скоро начнется светлая эпоха - Сатьи-Юга.

ОБМАНУЛО

Я грызу это хитрое небо.
Как достучаться до той стороны,
Где спрятался главный гром,
И, может быть, думает бог?
Видно, небо опять обмануло меня.
А может быть, это - не небо?
Небо мое начинает неметь.
Это мой ветер скрылся бесследно,
Чтобы расставить для неба сеть.

5.11.98г

ВСЕ ТО ЖЕ

Все те же мысли - лучи и листья.
Все те же люди - творцы и судьи.
Все те же розы - воспыхнув, вянут.
Все те же звезды - немые страны.
Все те же песни о том же смысле.
Певец-кудесник, как пращур мыслит.
Мне б не избитые разъять пределы.
Веками скован я, вернее, тело.
Как прозреваю знак: незнакомый,
Душой взмываю в край невесомый.
Но для того лишь, чтобы спуститься
И вновь до боли - собою сниться...

1991 г.

К ГЁТЕ

Ты говоришь, что ночи лучше дней?
А как же быть, когда опять ничей?
Опять чужой, опять не ко двору?
Один стою на ледяном юру,
Молю, кричу в небесную дыру,
Чтоб поскорей заслали мне Фортуну.
Небось еще не старый я, а юный.
Еще способен создавать картины,
На коих распускаются павлины -
Цветками чудодейными. Такие
Лишь дни несут на вытянутых руках.
19.07.98 г.

С КАЖДОЙ СТРОЧКОЙ

Оставь меня с мыслью (наври мне!), что я еще жив!
Оставь меня с небом и с тем, что пока далеко!
Тот слыл очевидцем, а этот подумал, что дым.
Кто утра окно распахнет, настоящего утра окно?
Оставь меня с линией ветра, уйди в свой притон!
Оставь меня с кошкой, что чаще орет где-то в три.
Грабители мне сообщили, что я на крючке.
Любимая словом одним растоптала стихи.
Изгои пространства смеются с надеждой в лицо,
Что я еще здесь и смогу накормить их огнем.

Но бред одиночества я выпускаю в эфир.
И с каждой строчкой меняется мой псевдоним.
У доктора* было их сорок; наверно, он прав.
Сегодня я - дождь, чтобы завтра стать ржавой водой.
Пастушка, не бойся! Оставь меня с ветром берез!
Оставь лишь свирель! С ней я справлюсь с лисицей-судьбой.

1997 г.

* У Чехова было сорок псевдонимов.

В ИХ ПОЛЕТАХ

«Круглые плафоны фонарей
Я видел в тихом сумраке аллеи...»
Мечты лунообразных фонарей
Меня так неожиданно позвали.
Мне в их полетах стало веселей.
Не мне, быть может, дали эти дали?
Быть может, сердце - солнцем возожгли?
Не их мечты, подобья их - с луною,
Что, как монета желтая в пыли
Лежит, пока не стронется стопою...

15/16.09.98 г.

ДУБЛЬ

Нынче взгляд тускло-стеклянный,
Мысли уже никуда.
День, что старик окаанный,
Ржавая в жилах вода.
Нынче согнулись колени,
И неуклюж пируэт.
Будь ты хоть бездарь, хоть гений,
Смерть тебе скажет: «Привет!»
Будь здесь хоть мир, хоть сраженьё,
Двойственность сводит с ума:
Пусть избежал поседенья
И на висках - не зима,
Все ж голова стала круглой,
Шаром бильярдным - она.
Жизнь загнала ее в угол
Кием судьбы. Сатана
Вечно тягается с Богом
На полигонах души.
Хочется стать осьминогом.

*А на какие шиши?
Словно разорванный рубль
Меж синевой и землей,
Рею шестнадцатый дубль
В съемках судьбы роковой.*
9-11.01.98 г.

СТРАНА ОДИНОЧЕСТВА

*Я уйду в Одиночество, в эту страну нелюдимую,
Где никто никогда не дождется тревожных шагов,
Где никто никогда не услышит слова, говоримые
Неизвестным хранителем тихой обители снов.
Я уйду в Одиночество, в это прибежище славное,
Где смогу вспомнить все, что когда-то безбожно забыл,
Где седая душа обретает движение плавное
Нисходящих откуда-то быстрых уверенных сил.
И решетку окна разрезает клинок тонкий месяца,
Звезда Рыцарей Света* срывает безумье оков.
Этот мир, накопивший проблемы, улыбкой засветится,
Пусть за тысячу лет от него нахожусь я в стране облаков...*

** Звезда Рыцарей Света - Сириус, помогает одиноким превозмочь
свою судьбу.*

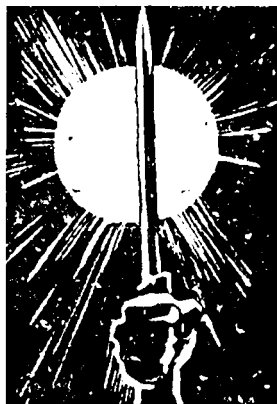
идея 1993 г.

Валерий ГОРДЕЕВ

ЧЕРНЫЙ ПОЛДЕНЬ

Приключенческая повесть
(журнальный вариант)

**ЛИЧНОЕ И СЕКРЕТНОЕ ПОСЛАНИЕ ОТ ПРЕМЬЕРА И.В.СТАЛИНА ПРЕМЬЕР-МИНИСТРУ
Г. У.ЧЕРЧИЛЛУ**

«... Вчера я смотрел вместе с коллегами присланный Вами фильм «Победа в пустыне», который производит очень большое впечатление. Фильм великолепно изображает, как Англия ведет бой и метко разоблачает тех подлецов - они имеются и в нашей стране,- которые утверждают, что Англия будто бы не воюет, а только наблюдает за войной со стороны.»

Глава I

«... И как трудно было сопротивляться британской машине, когда ее пускали в ход, чтобы что-либо навязать! Только убедившись на собственном опыте, можно представить себе, какую целеустремленность, какое разнообразие приемов, какую настойчивость, сначала любезную, затем требовательную и, наконец, угрожающую, могли проявить англичане для достижения поставленной цели.»

Шарль Де Голь. Военные мемуары, т. I.

Фактически период с 1929 по 1939 годы, последнее десятилетие перед началом второй мировой войны, было десятилетием ограниченных войн, если говорить о масштабах этих стычек, наскоков, агрессивных вылазок вооруженных сил или экспедиционных корпусов разных стран на такой маленькой планете, как наша Земля. Но очень важно знать и понимать, что поля битв этих локальных войн были не полигонами испытаний военных доктрин или мощи армий, а прежде всего создавали возможности противникам опробовать и автоматизировать поля боев, развивать оперативно-тактические решения, планировать быстротечные схватки разведывательных служб.

В своей книге «Признание шефа разведки» американский репортер Боб Вудворд обронил фразу: «Из тех проблем, что существовали в разведывательной трясине, Сирия была особенно трудной». Это признание знатока многих секретов ЦРУ не относится к

периоду, который будет изложен в настоящей повести, однако оно необходимо нам для дальнейшего понимания того, что происходило на Ближнем Востоке в 1938-1944 годах, где по сути дела Англия в одиночку противостояла нескольким разнородным силам зла, национализма, англофобии и т.д., - возглавляли которые мощные армейские группировки гитлеровского рейха.

Если летом 1939 года в США были разработаны различные варианты плана под кодовым названием «Рейнбоу», в которых формулировались общие цели и задачи американских вооруженных сил в случае войны, предусматривавшие в том числе оборону Западного полушария от Бразилии и Гренландии на востоке до острова Мидуэй в Тихом океане на западе, то и предусмотрительность же английских политиков была не хуже. Индия, Иран, Ирак, Афганистан - находились под пристальным вниманием английских разведывательных служб. В Саудовской Аравии, Йемене, Палестине, Сирии и Египте были задействованы на этот период как экспедиционные корпуса, военная администрация, так и действующая армия.

Планы предусматривали также, что США, Англия и Франция будут действовать совместно, обеспечивать оборону Западного полушария путем заблаговременного выдвигания сил в восточную часть Атлантики, Каир, на Европейский и Африканский континенты.

Почти от мечети Аль-Азхар начинается главная улица каирского базара. Шум и гортанные крики зазывал у входа в лавочки не могут утопить в своей цветастой непроницаемости даже тысячи вывешенных здесь ковров. И если хочешь скрыться от пристального взгляда - лучшего места не найти во всем Египте, чем базарные кварталы Муски...

Этот человек мало чем отличался от окружающих его потомков древнего египетского народа роме, населяющих ныне эту сказочную страну. Ловко продвигался он по извилистому проходу между лотков и ящиков с товарами, случайно соприкоснувшись в толпе с прохожим, уважительно прижимал правую руку к левой стороне груди, где бьется сердце, этим традиционным на арабском востоке жестом выражая свое извинение. Достигнув полуподвального помещения, где выставлена медная чеканка, прохожий скользнул вниз по ступеням, где его поджидал дородный хозяин магазинчика. Он обменялся с ним многозначительными взглядами и так же ловко скрылся в соседней комнатке, вход в которую был полускрыт потертым персидским ковром.

Там гостей ждали. Полуразвалившись на ярко красных атласных подушках перед столиком на низких ножках, с чашечкой кофе в

руке сидел полноватый человек лет тридцати в европейском костюме.

- Сэр Макдаун, - воскликнул вошедший, - вы ли это? Простите за несдержанность, - снизил он тон, - но никак не ожидал увидеть здесь вас.

Полный господин живо встал со своего места за столиком, шагнул навстречу вошедшему, искренне потряс протянутую ему для приветствия руку, даже полуобнял своего визави:

- Гордон! Старина Гордон, как же я рад видеть вас в добром здравии, как рад, что мне поручено выйти с вами на связь!

Оставив вошедшего, он жестом пригласил его занять место у столика. Неслышно в комнату прошмыгнул хозяин магазинчика, поставил еще одну чашку с кофе, также молча скрылся за ковром.

Встретившиеся на улице Каира были офицерами «Джей-Ай-Би» - объединенного разведывательного управления Британского королевства. Причем, Питер Гордон всего два дня как прибыл из района боевых действий в сирийских долинах, а на связь с ним прибыл руководитель сектора, который готовил Гордона к работе нелегала, - майор Эммануэль Х. Макдаун, не только старший по должности, но и симпатизирующий Гордону человек.

Все откровеннее в борьбе за мировое господство Германия открыто вступала в бои на стороне Италии. Борьба эта шла за протекторат над богатейшими районами средиземноморья, Ближнего Востока. Британское королевство, используя свое военное присутствие в этих районах, торопливо теснило своих противников от Греции и Португалии, Ливии и Сирии, Египта и Судана...

Однако не все складывалось так однозначно. Например, в Сирии вторжению британского экспедиционного корпуса противились не только части Муссолини, но и определенные, хорошо вооруженные отряды противников Англии - местных влиятельных вождей, знати.

Приятели и сослуживцы, встретившиеся в магазинчике в центре Каира, покончили с дружеской беседой и кофе, и вместе расшифровали письмо Гордону от шефа их отдела ближневосточных проблем с инструкциями.

«Гриф повышенной секретности.

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА-ЗАДАНИЕ АГЕНТУ.

ДЛЯ «ХАМСИНА».

В связи с резким изменением обстановки в районе вашей деятельности и некоторой переориентацией приоритетов для Италии и Германии, - считайте свою основную служебную миссию в месте вашего пребывания законченной. В связи с угрозой со стороны германских войск для нас в районах Португалии, Азорских островов, Ливии, - вам следует переориентировать легенду по варианту N 2.

Необходимые документы, материальные объекты на месте внедрения и подготовка окружающей вас среды - произведены.

Вам необходимо внедриться в руководящие круги прогермански настроенных лидеров националистов в Северной Африке. Вариант прикрытия и вариант внедрения N 2 - рекомендованы вам ранее и должны быть задействованы через 48 часов после прочтения инструкций.

Приоритеты для сбора информации:

1. Данные о контактах вождей с немецкой агентурой.

2. Сведения военно-оперативного характера для штаба действующей армии.

3. Контакты в сфере вашего действия с разведками третьих стран, их интересы, люди, методы.

4. Вживание в среду, - вплоть до выдвижения в лидеры противостоящих нам группировок с целью разложения их изнутри, внесение раскола в союз подобных формирований, провокации.

Подробные разработки на месте с известным вам представителем.

Мастер

Пустыня словно всасывает в себя людей, дерзнувших скитаться по ней. Жара иссушает и коней, и людей. Словно звенящий тонко от жары воздух окутывает вас и снаружи, и изнутри, кажется сам начинаешь тонко звенеть в образовавшемся вокруг тела твоего вакууме. Однообразный пейзаж расплывается перед глазами, горло перехватывает от сухоты, першит от забирающихся в него микроскопических миллиардов песчинок...

Всадников было трое. Белые галабии - длинные прямые рубахи, платки, закрывающие головы и рты, винчестеры за плечами. Арабы не спешили. В этом районе к северо-западу от Бенгази могли оказаться разведывательные отряды как немецкие или итальянские, так и английские. Над полосой разделения войск не редки были и боевые самолеты противников, обстреливающие даже малочисленные разъезды.

Всадники двигались к песчаному гребню приподнимающему горизонт. За ним были дороги к морю, к людям, к жилью. Предводительствовал в группе Шукра аль Хэсси, - один из отпрысков обширного, богатого и влиятельного рода ливийцев, осевшего на сирийских Голанах. Его спутники знали цель их путешествия - достигнув побережья, попытаться сгруппировать вокруг себя земляков из поморских селений, создать в Ливии еще одно подразделение этнического родственное всем Хэсси, способное даже к боевым действиям. Майор Макдаун с удивлением узнал бы в Шукре - руководителе этой миссии - своего приятеля и подчиненного - Гордона. Но теперь это был исчерпанный солнцем, жестокий и немногословный кочевник, от диковатого вида которого иногда шарахались даже его соплеменники. Мастерство перевоплощения разведчика было близко к совершенству, достойно великого Лаоуренса, хотя и ставка в этой игре была предельной - жизнь.

«В период войны 1914 года итальянцы лихорадочно искали новые источники энергоресурсов. Близ Триполи были произведены обширные исследования как почвы, так и грунтовых вод, что привело к неожиданным открытиям следов метана, а значит и нефти.

Профессор Ардито Деспо в 1935 году исследовал на следы нефти артезианские колоды. Им в 1937 году был представлен обширный доклад итальянскому правительству о запасах сырой ливийской нефти. Ливия была условно разделена профессором на 12 геологических зон перспективных в нефтеносном отношении. Зона под условным обозначением «Сирт» обозначена там как самая перспективная.

Попытки итальянцев наладить промышленную добычу нефти в пустынных районах не позволили достигнуть результатов ввиду того, что оснастка, технический уровень и поколение буровых установок не были приспособлены к суровым природным условиям Ливии, не могли достигнуть глубинных пластов нефтеносного характера. Кроме того, высокопарафинированная нефть быстро выводила из строя трубопроводы, «засаливала» подъемные механизмы, клапаны.

Район «Сирт» заслуживает внимания с точки зрения использования его как запасного резервуара военно-стратегического и промышленного сырья».

Выписка из докладной записки отдела ближневосточных проблем в Форин Оффис.

«СТРОГО СЕКРЕТНОЕ И ЛИЧНОЕ ПОСЛАНИЕ ОТ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА Г. УИНСТОНА ЧЕРЧИЛЯ ПРЕМЬЕРУ СТАЛИНУ

...6. Не беспокойтесь по поводу мошенника Дарлана. Мы бросили во Французскую Северную Африку большую англо-американскую армию и прочно овладеваем этой территорией. Благодаря отсутствию сопротивления со стороны французской армии, а теперь благодаря ее возрастающей поддержке, мы идем, возможно, на 15 дней впереди плана. Крайне важно овладеть тунисским выступом и военно-морской базой Бизерты в самый ближайший момент. Авангардные части нашей 1-й армии, вероятно начнут свое наступление немедленно. Как только мы закрепимся там с преобладающими военновоздушными силами, мы сможем донести войну до Муссолини и его фашистской банды с такой интенсивностью, которая еще пока что невозможна».

«ЛИЧНОЕ И СЕКРЕТНОЕ ПОСЛАНИЕ ПРЕМЬЕРА РАДИНА ПРЕМЬЕР-МИНИСТРУ Г. ЧЕРЧИЛЮ.

...Что касается Дарлана, то мне кажется, что американцы умело использовали его для облегчения дела оккупации Северной и Западной Африки. Военная дипломатия должна уметь использовать для военных целей не только дарланов, но и черта с его бабушкой...»

«ЛИЧНОЕ И СТРОГО СЕКРЕТНОЕ ПОСЛАНИЕ ОТ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА Г. У. ЧЕРЧИЛЯ ПРЕМЬЕРУ СТАЛИНУ.

...2. На тунисском выступе державы оси удерживают свое предмостное укрепление, которое нам почти удалось захватить при первом натиске. Дело выглядит теперь так, что бон здесь будут продолжаться в течение января и февраля. Я надеюсь, что армия генерала Александера овладеет Триполи в начале февраля. Весьма вероятно, что Роммель отступит в направлении тунисского выступа со своими силами, которые достигают приблизительно 70 тысяч германских войск и такого же количества итальянцев. Две трети всех войск состоят из административно-снабженческих частей. Война на африканском побережье обходится противнику очень дорого ввиду тяжелых потерь, которые он несет при перевозках и в портах. Мы сделаем все возможное для скорейшего окончания этой операции».

«И.В. СТАЛИН У. ЧЕРЧИЛЮ.

Весьма благодарен Вам за Ваши добрые пожелания по случаю моего рождения. Пользуясь случаем, чтобы передать Вам и дружественной английской армии искреннее поздравление в связи с новыми победами в Ливии».

С. Кондрашов: «Контурь времени»

«В октябре 1912 года после непродолжительной войны Турция уступила Ливию Италии. Позднее, особенно при Муссолини, на плодородное побережье десятками тысяч хлынули итальянские колонисты, арабы безжалостно гонялись с лучших земель, кото-

рые, кстати сказать, до сих пор принадлежат итальянцам, строились по единым проектам деревни поселенцев и к тысячелетним оливковым деревьям, кое-где сохранившимся еще с древних времен, добавлялись новые плантации.

Турция уступила Ливию итальянцам, но ливийский народ не уступил. Два десятка лет ливийцы ожесточенно сражались против колонизаторов, и на долю итальянских усмирителей выпало много жертв и мало лавров. Легендарным борцом за свободу был Омар Мухтар, именем которого названы теперь центральные улицы Триполи и Бенгази. Лишь в 1931 году после многих карательных экспедиций престарелый и больной Омар Мухтар был, как эпический повстанец историческая хроника, «окружен, ранен, схвачен и повешен».

В годы второй мировой войны Ливию не раз накрывал смертоносный вал. В провинции Киренаика шли самые кровопролитные на африканском театре войны сражения, которые были прелюдией к битве при эль-Аламейне между Восьмой армией Монтгомери и Африканским корпусом гитлеровского фельдмаршала Роммеля. Бенгази по три раза переходил из рук в руки, его бомбили более тысячи раз, и до сих пор незастроенные пустыри и память жителей хранят воспоминания об ужасном времени.

Победа пришла в Ливию с большим опозданием. С 1942 года по 1951 год страна находилась под англо-французской военной администрацией».

Глава II

В кабинете Сталина были кроме хозяина - Председатель Совета обороны и нарком внутренних дел. Докладывали - начальник разведуправления Генштаба генерал Голиков и комиссар госбезопасности Михеев - начальник управления контрразведки РККА. Стенограмма встречи не велась ввиду чрезвычайной секретности темы. Речь очень подробно шла об активизации немецкой разведки в приграничных районах Киевского и Западного особых военных округов. На столе были разложены карты, схемы, диаграммы. В руках у разведчиков - папки с шифровками, анализом агентурных данных, планами и мероприятиями операций, контриг.

Сталин, обычно живо интересовавшийся данным вопросом, как и многими другими проблемами, глубоко и всесторонне вникающий в их суть, - выглядел необычно рассеянным, словно какая-то затаенная мысль не давала покоя, уводила от темы сегодняшней встречи.

За кремлевскими окнами и стенами набухал теплом и почками май. Улицы Москвы еще приводились в обыденный вид после Первомайского парада и народных гуляний. До начала вторжения гитлеровских войск и начала войны оставалось чуть больше года...

Хозяин страны и главного кремлевского кабинета приподнял руку над столом, останавливая доклад Михеева. Ворошилов настороженно оторвал взгляд от карты, выпрямился на стуле.

Сталин медленно провел ладонью по лицу, как бы сгоняя усталость, сосредотачиваясь на терзавшей мозг мысли, глухо и нервно спросил:

- Как вы думаете, комиссар, если немцы решатся на военные действия в приграничных районах Западной Украины и Белоруссии, как такое развитие событий скажется на оперативной обстановке?

новке в Северной Африке? Будут там активизироваться немецкие части, смогут ли устоять англо-французские экспедиционные корпуса? Как англичане отреагируют на складывающуюся обстановку, смогут ли оперативно усилить свою группировку? Ввяжутся ли в конфликт американцы? И станет ли это войной?

Присутствующие смотрели теперь на молодого комиссара из контрразведки. В нависшей тишине разливалось недоумение. Поворот беседы в совершенно неожиданное русло и вопрос Сталина к контрразведчику-особисту сбивали с толку даже Лаврентия Берия. Хозяин задал сразу столько головоломок, что не хватило бы и всего аппарата советников и помощников Берии, чтобы вот так сразу проанализировать два совершенно разных направления работы, до сей поры никак не увязывавшихся друг с другом.

Михеев машинально закрыл лежащую перед ним папку с документами, встал, отодвинув стул от стола.

- Сидите, сидите, Анатолий Николаевич! - остановил его Сталин. - Я просто хочу чтобы вы поразмышляли вместе с нами над поставленными вопросами. Вы можете их увязать с темой вашего доклада?

- Попытаюсь, товарищ Сталин, - снова усаживаясь к столу, произнес комиссар.

- Вот и хорошо. Давайте размышлять, время нас сегодня не терпит, - Сталин перевел взгляд на Берия, как бы приглашая того к разговору.

Берия вызов принял.

- Я считаю, что вопросы эти нам придется увязывать с положением на Аппенинах, Балканах, с обстановкой в Греции, Турции, Испании и Португалии. Это уже межконтинентальный театр военных действий, складывающийся как из основного театра военных действий, так и из локальных боевых операций, товарищ Сталин. Если прорабатывать проблему в деталях нужно время и специалисты. Думаю, даже моя разведка и они, - Берия кивнул в сторону Михеева и Голикова, - одни не смогут внятно увязать эти вопросы.

- А я считаю, Лаврентий Павлович, что и нам, и разведчикам иногда полезно делать этикие разминки для ума. - Сталин встал из-за стола, махнул досадливо рукой на попытавшихся вскочить на ноги военных, медленно, словно разминая ноги, двинулся вокруг стола для заседаний, продолжая разговор. - В этой проблеме очень важно увязать стратегию поведения тех или иных сил при данном развитии обстановки.

У немцев, в случае втягивания их восточных группировок в конфликт на наших границах, видимо, будут ослаблены «мышцы» на северо-африканском направлении. Англичане, французы, да и

американцы, не столько, чтобы помочь нам, сколько из желания упрочить свои позиции, отвести удар от метрополий, оградить от немецкого и японского проникновения на их территории в Атлантике, предпримут штурм на рубежах соприкосновения с противником... Вот только предпримут ли? И если - да, то как отреагирует на это восточная часть вытянутого кишкой немецкого межконтинентального вала армий?

И опять же, если предполагать, что конфликт на наших границах неизбежен, если Гитлер пойдет на разрыв договоренностей с нами. А разведданные говорят о таком возможном ходе событий. - Сталин остановился напротив Михеева, выдвинул стул, присел к столу, сложив обе руки прямо на разложенных здесь картах. - Так как, товарищ Михеев, вы не исключаете подобное развитие событий?

- Так точно, товарищ Сталин, не исключаю, - глядя прямо в глаза хозяина, ответил комиссар госбезопасности. - Ни я не исключаю, ни наши аналитики. Последние агентурные данные и доклады чекистов из округов говорят за то, что немцы активно прощупывают наш передний край, готовят массовые заброски своих разведчиков, ведут агентурную работу среди населения в приграничных районах, проводят теракты против наших военнослужащих, забрасывают оружие. Одним словом - разведка боем в предположе. Я не могу утверждать, что их руководство пойдет на разрыв наших договоренностей, не располагаю такими данными, но серьезность обстановки не исключает, видимо, и такой вариант.

- Значит есть повод для размышления над моими вопросами! - перебил Михеева хозяин. - И здесь прав ты, Лаврентий Павлович, вопросы эти следует объединить в целое, проработать масштабно, наверное, следует подключить сюда и работников наркомата иностранных дел с их информацией...

Сталин перевел взгляд на Голикова, тот подхватил тему разговора:

- Мы выделили ближневосточную проблему, товарищ Сталин, как одно из приоритетных агентурных направлений. И если подойти к проблеме с точки зрения стратегии, я бы отметил немаловажный фактор для противостоящих там сторон - наличие обширных запасов нефти, особенно в районе Ирака, Ливии, Саудовской Аравии, а также контроль над Суэцким каналом в Египте. Считаю, что если немцы ввяжутся в конфликт с нами, то для нас наиболее выгодным будет развитие событий на Ближнем Востоке не в их пользу. Тогда стратегические запасы промышленного сырья и топлива, морские порты и базы станут сильными раздражающими факторами для вермахта, им придется усиливать южное

направление техникой, живой силой. Наши люди сообщают, что сколько-нибудь значимой поддержки немцам от итальянцев ждать не приходится. Италия крепко увязла в противоречиях с Грецией и на Балканах. Там их основные интересы. Вот вопрос, как поведут себя англо-французские группировки в этом районе, насколько они способны к атакующим действиям и на какую глубину территорий, что будут предпринимать их правительства в ситуации, когда и мы и они втянемся в конфликт с немцами, кого они поддержат и насколько...

Голиков, как и его собеседники, выдержал паузу:

- Я, товарищ Сталин, принимаю все ваши замечания к немедленному исполнению. Через неделю буду готов сформулировать ответы более точно, с фактами в руках. Буду готов доложить вам мероприятия, оперативные разработки.

Ворошилов, до этого не вступавший в разговор, видимо заинтересованный его докладом, спросил:

- А что, комиссар, и там есть твои люди, если так уверенно докладываешь об итальянцах?

- Так точно, товарищ маршал, есть. - Лицо Голикова затвердело. Он стал скуп на слова, давая понять, что в разговоре затронута информация, о которой не может спрашивать даже Председатель Совета обороны.

Сталин, любивший заниматься даже эпизодами из разведработы, естественно, знавший подробно о работе разведчиков в разных странах, иногда требовавший докладывать ему о судьбе даже одного конкретного агента, - хорошо понимал, что и одно слово, случайно оброненное, пусть на совещании такого ранга, может привести не только к гибели или расшифровке одного внедренного агента, но и к провалу целой цепочки разведчиков, всей операции, может быть утеряна и ценная информация, и люди, и дальнейший доступ к той или иной проблеме.

Хозяин встал и вновь прошагал по кабинету к своему столу, пристально осмотрел сидящих перед ним, пристукнул по столешнице рукой:

- Итак, соберемся здесь через неделю и еще раз послушаем разведчиков, да и товарища Молотова. Поразмышляем над фактами. Пока все свободны. Вас, товарищи, прошу еще задержаться, - он указал пальцем на Михеева и Голикова.

Когда Ворошилов и Берия вышли из кабинета, Сталин опустил на стул, вяло пошарил рукой в нагрудном кармане френча, вынул вчетверо сложенный лист бумаги, не глядя на контрразведчиков развернул его, еще раз пробежал взглядом по тексту, который почти уже помнил наизусть, и, вздохнув облегченно, словно

передавая вот уже сутки мучившую его мысль-занозу, протянул листок в сторону Михеева, взглядом приглашая его к чтению этого документа. Начальник управления контрразведки, взяв в руки эту страничку с машинописным текстом, хотел здесь же у стола хозяина прочитать ее, но Сталин жестом остановил его, отсылая на место:

- Читайте оба. Мне важно знать мнение профессионалов...

«Из доклада посла по особым поручениям в НКВД тов. Рачинского А. Г.

«...Английское правительство передало займ Турции в размере 50 млн. фунтов стерлингов на военные расходы и закупку военной техники. ...Италию пытаются все еще удерживать в состоянии нейтралитета, идут в этом на ряд экономических уступок. В том числе английским военно-морским флотом, курсирующим в Средиземном море, осуществлен беспрепятственный провоз немецкого угля на итальянских судах в порты Италии.

...Англичане твердо убеждены, что время работает на них. Считая, что ресурсы Британии и ее колоний, а также Франции неизмеримо больше, чем немецкие, они не стремятся во что бы то ни стало расширить их добычу в Северной Африке. Вероятный ход событий: всяческое натравливание немцев на нашу страну. И это было бы наиболее выгодной сделкой для Англии и Франции. Они смогли бы использовать свое влияние на обе стороны: как нашу так и Германскую, после обескровления обеих в военном конфликте.

...Подтверждение тому - морские операции английских крейсеров против наших судов с грузами из США. Недавно были задержаны в открытом море на пути во Владивосток наши пароходы «Селенга» и «Маяковский». Англичане уверяют (!) нас в том, что танки на этих судах, закупленные в США, предназначены нами для передачи Германии и продолжают удерживать в плену наши пароходы.

...На сегодняшний день все боеспособные части англичан сконцентрированы в колониях. Правительство Британии опасается нападения немцев на страну. Поэтому считают, что в случае нападения немцев на Францию, англичане не будут упорствовать в помощи ей, а постараются извлечь из поражения французов максимальную для себя выгоду: приравняв их технику, флот и дивизии, вывезти их и сконцентрировать в северной Африке, где они в случае решения Гитлера напасть на Британию, могли бы нанести ощутимый и предупреждающий удар...»

- А теперь я хотел бы знать то, что мне знать можно, об источнике информации из интересующего нас района. Только о нем, без каких-либо имен, паролей, связей, явок, вербованных лиц... - Сталина забавляла, как человека увлекавшегося нелегальной работой, вся эта разведывательная кутерьма. Хотя он считал шпионаж высокого уровня - делом настоящих мужчин, делом партийным, государственным, но никогда не доверял разведке, считая людей этих хоть и важными, но маленькими винтиками в большой политической игре. Людьями, в силу немасштабности своего мышления, политического непрофессионализма, не способными давать точные прогнозы, увязывая аспекты всех проблем в идеологию руководства страны.

Эта недоверчивость хозяина, как мы знаем, сыграла с ним роковую роль в июне 1941 года. Фашистские войска застали врасплох не только руководство армией, но и Сталина...

Михеев и Голиков, заметив улыбку, скользнувшую в устах Ста-

лина, переглянулись: кому начинать? И комиссар безопасности, хотя и не знал деталей дела, как старший среди них двоих взял инициативу в свои руки.

Но хозяина мало заботила общая канва рассказа об источнике информации или подходы к ближневосточным и африканским проблемам. Ему была интересна судьба разведчика, его способности и возможности проникновения в секреты высших сфер политики и штабов региона.

А это уже было известно только Голикову. Он владел всей информацией по нелегалам, но и в отличие от своего коллеги не осторожничал, считая откровенность и честность главными качествами коммуниста, тем более перед лидером партии большевиков.

- Прежде всего я хотел бы отметить, товарищ Сталин, что внедрение нашего нелегала, его легенда и подготовка, - это еще одна блестящая работа бывшего начальника разведупра Берзина, чьи воспитанники сегодня занимают самые выгодные с точки зрения нашего дела посты и положение во многих странах мира. Работают давно и блестяще.

Данный же человек в интересующем нас регионе внедрен туда не нами, а английской военной разведкой, как их агент. Имеет чин капитана британских вооруженных сил. К англичанам же внедрял его Берзин. Туркмен по национальности, блестяще образован. Владеет семью языками в совершенстве, но специализировался в арабском, получил даже духовное мусульманское образование...

«Из рассказа курсанта Шихберды Аннаклычева начальнику разведывательного управления РККА Я.К.Берзину. 1924 год.

«Я родился в 1904 году в семье дипломата. Мой отец Аннаклыч был родом из селения Балш на западе Туркмении. Во время присоединения Ахал-текинского оазиса к России и боя у Геоктепинской крепости его родители (мои бабушка и дед) погибли. Его самого - девятилетнего мальчика-сироту - подобрал раненного и голодного русский дипломат Родофиников и отправил в свою семью в Санкт-Петербург. Тогда многие офицеры и члены дипломатической миссии так поступали, наверное, замаливая грехи за эту бойню в Туркмении... Даже сам руководитель этой военной экспедиции генерал Скобелев подобрал в крепости девочку, она воспитывалась в его семье под именем Татьяны Текинской...»

Моего отца учили наравне с родными детьми Родофиниковых, дали блестящее образование. К 1891 году он владел пятью языками

ми в совершенстве: туркменским, русским, английским, фарси и арабским. Специализировался на фарси и был принят на работу в отдел переводов департамента иностранных дел. В 1900 году получил должность референта товарища министра. А через год был направлен в посольство в Персии советником по вопросам культуры.

В Тегеране встретился со своей будущей женой - моей матерью Раша аль Хэсси - она была из знатного сирийского рода священнослужителей. Вышла замуж за английского подданного Чарльза Гордона, работавшего в Дамаске. Он был специалистом по истории Востока, но, видимо, был связан и с разведкой. В 1900 году они переехали в Тегеран, где Гордон неожиданно умер. В 1903 году отец и мать поженились, а через год родился я и родители вновь вернулись в Санкт-Петербург. Потом меня отдали в гимназию. К тому времени я уже разговаривал на туркменском, арабском и персидском языках, чуть хуже - по-русски и английски. Кроме гимназии, обучение шло и дома под присмотром и руководством матери.

В 1915 году жизнь в городе стала тяжелой, шла война. Мать настояла, чтобы мы с ней уехали в Дамаск к ее родне. Дед настоял, чтобы меня отдали в духовное училище получать мусульманское образование. А через год, видя мое неусердие там, мать, поскольку она носила фамилию Гордона и считалась английской подданной, увезла меня в Лондон, где определила в колледж с военным уклоном обучения, там не надо было платить, после смерти ее первого мужа ей полагались некоторые льготы. В 1917 году меня перевели из колледжа в разведывательную школу, видимо, заинтересовавшись моим знанием нескольких языков. Через четыре года я был направлен в Россию с заданием через отца попытаться проникнуть на работу в наркомат иностранных дел.

Встреча с отцом, который всецело принял сторону революции и по-прежнему занимался дипломатической работой вместе с Чичериным, многое изменила в моей судьбе. Он не торопился ни помогать мне в выполнении задания, ни сообщать о моем амплуа в ЧК считалось, что я вернулся к нему из Дамаска, куда к тому времени опять перебралась мать. Отец устроил меня на курсы дипработников при наркомате, а через год в 1923 году меня неожиданно призывают в РККА и отправляют на курсы командиров РККА в Омск. Затем скоропостижно умирает отец. И я, чувствуя себя давно уже россиянином, не желая работать против своей и его родины, пришел в особый отдел ОГПУ с заявлением о своем задании. Теперь вот - курсант нашей школы разведки...»

Глава III

Берберский шатер то надувался от порыва налетающего с бережья ветра, то, глухо хлопнув, опадал, сморщивался складками. На расстеленных верблюжьих кошках за суфой посреди шатра отдыхали двое. Старший - бербер с посеребренной проседью бородкой, - был вождем племени «хамсинов», - так называли их за способность неожиданно и неотвратно налетать из пустыни, как одноименный свирепый ветер. Второй, прибывший из Триполи младший представитель рода хэсси - досточтимый Шукра, через свою тетку Ренду приходящийся троюродным племянником самого святого Омара - предводителя всех арабов-ливийцев, павшего в священной войне детей Аллаха против неверных «итало»...

Судя по тому, что вождь принимал гостя лично и в своем шатре, угодливо сам подливая ему в плошку охлажденное, бродящее, шипучее верблюжье молоко, утоляющее жажду и пьянящее, - можно было понять, сколь высоко положение Шукры среди некоторых ливийских племен. Шукра отдыхал полуприкрыв веки, расслабившись, о чем-то думал. Вождь с достоинством ждал предстоящего разговора, не торопил высокого гостя вопросами - обывач не позволял - следил только, чтобы Шукре было сытно, приятно, удобно.

А гость мысленно восстанавливал картины последних дней, перебирал в памяти факты, события, добытую информацию, - анализировал добытое. В Триполи он встречался с людьми, ведущими тайную борьбу за свободу Ливии, с авторитетными в арабском мире, влиятельными сидди-господами. Они на виду, сотрудничают с итальянской администрацией, немцы ведут с ними переговоры, пользуются их влиянием в обществе, но... все-таки это истинные хозяева этой горькой, но родной им земли. Этого народа с тысячелетней историей. Это от них Шукра узнал, что Гитлер напал на «Русию» - так называли арабы Советский Союз, что его войска рвутся к «Мос-кие» - столице Руси...

Перебирая в памяти детали жизни последних дней в Триполи, Шукра еще раз припомнил текст своей шифровки, которую повез его аскер - воин в обратный путь до Каира. Он вручит ее хозяину магазинчика чеканки на базарной улице Каира. Первую половину этого послания, где говорится об укреплении итальянцев на побережье, где есть сведения о арабских отрядах и их мощности, готовых вести борьбу с немцами, - хозяин магазинчика передаст, скопировав, Макдауну или его людям. А вот послание целиком, сложным путем, через Палестину, уйдет к радисту, который через эфир отправит его в Европу - в Москву...

Да, Шукра понимал всю тяжесть положения и своей родины и Англии в этой развернувшейся войне с Германией. Он понимал, что в самой Британии сейчас мало кадровых войск, они сосредоточены здесь - против корпуса Роммеля. Что Франция уже практически потеряла свои боеспособные части в боях с немцами, а те разрозненные дивизии, что удалось эвакуировать в Англию, на Ближний Восток пока деморализованы, плохо вооружены. Конечно остается еще часть французского военного флота в портах Англии, даже сверхсовременная подводная лодка (о ней частенько говорили морские офицеры-итальянцы в Триполи) «Сюркуф», - но это небольшая часть флота. Остальной же, ударный военно-морской кулак Франции в портах Александрии, Ороне, Мере эль Кабире, Дакаре, Алжире третьего июля был потоплен адмиралами Жонсу и Соммервилем частично добровольно, частично расстрелян английскими крейсерами. Корабли теперь не достанутся немцам, но и англо-французской группировке не послужат...

А это значит, что Советскому Союзу в войне с Гитлером приходится надеяться только на свои силы. И ждать активных боевых действий в районе даже Северной Африки не приходится. Англичане остерегаются танковых ударных групп Роммеля...

Вот почему свою задачу Шукра видел сегодня в том, чтобы активизировать арабские племена, их антиитальянские и антинемецкие настроения. Вновь вернуть, хотя бы именем Омара Мухтара, динамику борьбе за освобождение священной земли арабов от неверных. Конечно, вспыхивающие в пустыне и горах мятежи или налеты конницы берберов на укрепленные базы на побережье - не более чем осиные укусы для Роммеля. Но они могут подстегнуть к атакам экспедиционные корпуса англичан. Вот почему он был так настойчив в своем донесении Макдауну... Ведь любое движение в сторону Ливии будет воспринято немцами как полномасштабное наступление, а значит с востока сюда будут перебрасываться дополнительные ресурсы, которые уже не будут противостоять Красной Армии.

Вот и вождь «хамеинов», что принимает Шукру у себя в шатре, тоже будет задействован в этой операции «Священная война», которую пытается начать в Ливии троюродный племянник святого Омара. Хотя вождю никогда не узнать и не понять, что сотня его воинов с саблями и винтовками, могущая погибнуть под пулеметным и минометным огнем любого из фортов на побережье, - способна вызвать сильнейшие подвижки целых механизированных корпусов и армий в разных частях света...

Шукра оторвался от своих мыслей, приподнялся, сел. С благо-

дарностью взглянул на вождя «хамсинов», все так же молча и терпеливо заботящегося о госте. Выказывая ему душевное расположение и благодарность, разведчик прижал правую руку к той половине груди, где билось сердце, склонил голову, заговорил:

- Уважаемый вождь, к вам меня послал дед мой, досточтимый Мухаммед, с наказом, чтобы в трудную минуту я положился только на вас, уважаемый, и только вашу помощь принимал. Он почитает вас как своего друга и благородного человека.

Момент этот пришел. Я в трудном положении, потому обращаюсь к вам, достопочтенный вождь, как к родителю своему, ибо в мире этом мне уже не к кому прийти больше с сыновней покорностью. Отец и мать мои уже покинули мир наш, пусть Аллах упокоит их души, дед, как мне недавно сообщили, уже готов к встрече с всевышним...

Шукра склонил голову, скорбно замолчал. По щеке его заскользила слезинка, он пытался скрыть свое состояние перед вождем этим молчанием, за крепко стиснутыми зубами...

- Я весь внимание, сын мой, - промолвил тронутый таким откровением и проявлением чувств вождь, - я принимаю тебя, как родное дитя, и готов дать тебе и совет, и защиту!

Шукра готов был к такому разговору:

- Отец, вы знаете, что сейчас у нас, арабов, мало возможностей продолжать борьбу. На наших землях столкнулись самые страшные в мире военные силы: немцы и англичане. Священная война с неверными может быть продолжена, если мы поддержим англичан, с которыми полмира. С ними и договориться легче. Значит - нужно делать все, чтобы они победили немцев.

Мне сейчас очень трудно, отец. Часть моего сердца далеко отсюда - в холодной Руси, где покоится прах моего родителя. Но там идет война - немцы как азраилы, черным крылом накрыли эту землю, истребляют ее людей... Разве могу я быть от этой борьбы в стороне, мудрейший!

Мне очень нужна ваша помощь, ваши воины, ваши связи, - тогда мы сможем быстрее освободить наши земли, помочь другим народам в их справедливой битве с сынами Гитлера. Я буду зорек, как сокол, хитер, как каракал, жесток, как крокодил, но мне нужно, чтобы и на побережье, и в горах, и в пустыне - люди знали о том, что вы - мой духовник, отец, чтобы даже камень у дороги давал мне укрытие, мне нужна вера, даже тогда, когда я надену мундир немецкого солдата или буду сыпать яд в наши колодцы - все должны быть убеждены, что я - все делаю только на благо арабов, с воли и по указанию всевышнего...

Старик одобрительно покачивал головой. Слова этого юноши

говорили о его горячем и честном сердце. Помыслы его были чисты. Желания - правоверны. За его словами была сила воина и мудрость предводителя. Вождь неожиданно потянулся худыми темными руками к Шукре, привлек его голову к своей груди, ласково заговорил:

- Ты прав, сынок! Сегодня арабам тяжело в этом мире, но есть народы, которым еще тяжелее. И всем нам на севере и на востоке нужно вести одну священную войну. Только тогда каждый из нас добьется своего освобождения.

Твои мысли и слова - это правда большого и справедливого воина. Но один воин в степи даже коня своего не устережет. И здесь ты прав. Тебе нужна помощь, нужны надежные люди. Я верю, что ты не подведешь меня и их. Что ты настоящий мусульманин и сумеешь даже во время битвы заслонить слабого брата по вере, закрыть глаза и успокоить душу молитвой павшему герою. Так всегда поступал твой дядя - великий воин Омар. Так жил в этом мире твой дед. Я знал и твою мать - Рашу - благородную и достойную женщину. Я верю, что и отец твой был достойным человеком, правоверным последователем пророка Мухаммеда. Мир праху их!

Это и дает мне право на то решение, которое я принимаю. Я вручаю тебе наше знамя священной войны правоверных, верю, что ты далеко пронесешь его.

Вождь отстранил от себя Шукру, выпрямился, пошарил рукой за пазухой, вытянул из-под широкой рубахи какой-то предмет на тесьме, снял его с себя и подал в ладонях гостю:

- Это старинный амулет счастья. Давным-давно наши предки нашли этот осколок небесного камня, посланного Аллахом в пустыню. С тех пор он - символ власти и повиновения всех бедуинов. Любой в наших краях знает, что обладатель этого амулета - определен советом старейшин по воле Аллаха в повелители. Передо мной амулет носил святой Омар - твой дядя. Я - передаю этот символ власти - тебе, Шукра. Да будет праведным твой путь! Теперь ты будешь повелевать людьми, воинами, теми, в ком живы заветы предков, кто чтит волю всевышнего, у кого сердце не трусливого шакала, а - льва. Но и те, кто отошел в сторону от наших традиций, стал безбожником или предался неверным, - не будут чинить тебе препятствий, сын мой. Они слишком хорошо понимают, что хозяин амулета - избранник богов и народа. Только коварство может остановить тебя, как остановило святого Омара. Зорче всматривайся в людей, Шукра, познавай их помыслы, разгадывай черные души, - тогда ты сохранишь себя и нас от позора, от предательского удара в спину.

А теперь о главном: в пустыне появился человек, он - от немцев. Он хорошо знает и наш язык, и наши обычаи. Благородно ведет себя по отношению к арабам. Хорошо платит за помощь. Он ищет хорошие дороги, удобные урочища, отмечает на картах колодцы. Я думаю, он определяет места, где немецкие воины могут быть предпочтительнее английских в сражении. Мои люди помогают этому человеку. Найди его, помогай ему. Ты многое узнаешь из им задуманного. Тогда тебе легче будет с ними бороться, тогда англичане смогут их одолеть.

Да пусть Аллах осветит твой путь, сынок! Я верю в тебя.

Глава IV

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ ГОРДОНА - ЦЕНТРУ.

«От Эль-Аламейна до Александрии - всего 60 миль. Это один танковый переход Ромеля. Подумайте о срочности эвакуации...»

«Сплошной линии фронта в Ливии никогда не было. Роммель принял старинную тактику «гусиного лагеря», его армия гигантским табором перемещалась в пустынном пространстве, окружность его составляли танки и бронемашинны, а внутри «лагеря» двигались штабы, артиллерия, ремонтные мастерские, службы радиоперехвата, походные госпитали...»

Авиация маршала Кессельринга, базируясь на аэродромах Сицилии, заранее протюжила фугасками английские позиции, досталось и Тобруку, но Меллентин сказал Роммелю, что в Тобруке еще Муссолини выстроил такие бетонированные бомбоубежища, что англичане не дрогнут...

5 июня Роммель разрезал британские дивизии на отдельные части. Борьба завершалась приказом по английской армии: «Как можно скорее отрываться от противника...»

В политической неразберихе все смешалось - даже Роммель стал вдруг союзником самого Аллаха...

Британские штабы сжигали секретные документы, крыши Каира и его парки густо засыпало слоем пепла, словно Везувий погребал новую Помпею.. По улицам, отчаянно звоня, мчались переполненные трамваи, которые вели яркие каирские красотки, а пассажиры (сплошь арабы и негры) кричали из окон прохожим - назло своим колонизаторам - англичанам:

- Нажимай, Роммель! Свободу Египту... великий Аллах!»

«Барбаросса» В.С.Пикуль

«У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941-1942 годах... Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство...»

СТАЛИН И.В. «О Великой Отечественной войне Советского Союза».

«Черчилль был потрясен. В Африке англичане оказались теперь на рубежах, которые они занимали два года тому назад. Продолжение противником своего наступления могло бы привести к разгрому всех английских войск в Египте, к захвату Суэцкого канала, Ближнего Востока, его важных нефтяных источников и завершиться соединением с немецкими армиями, наступавшими через Кавказ или через Балканы.

Чарльз Б.Макдональд. «Тяжелое испытание».

ЦЕНТР - ГОРДОНУ

«Необходимо срочно спланировать и провести в тылу Роммеля широкомасштабный диверсионный акт по уничтожению его складов с горючим, боеприпасами, желательно и штабов. Подробный план и координация действий с армейской разведкой - личным контактом связников через «Вождя».

ЦЕНТР - «КЛИНКУ»

«Вам нужно активно оказывать содействие в работе ваших прежних наставников. Цель - помочь удержать их позиции в Египте, не дать Роммелю выйти на соединение с южными армиями Восточного фронта. Очень важна ваша информация о том, что делается в штабе Роммеля. Успехов.

Дядя Степан».

Продолжение следует.

Денис ТРУДНИКОВ

«ЗРЕЛИ МЫСЛИ О ПРОТЕСТЕ...»

Денис Трудников родился в 1979 году в Мурманской области. Учился в школе в Мончегорске, где был одним из редакторов городской школьной газеты «Однако». Учился в Санкт-Петербурге, в Димитровграде живет с 1998 года, работает в НИИ-ИАРе.

Первые литературные серьезные работы Дениса выходили в местных изданиях. Он пишет стихи, пробует писать прозу, авторские песни (тексты к ним и музыку). Денис исполняет сам, играет на фортепиано и гитаре. Нынешняя публикация в «Черемшане» - первая серьезная проба пера Трудникова.

ИХ ВАЛЬС

- Помутнело стекло. Так случилось не раз.
- Мелекесский Монмартр - иллюзорный восход,
- В трех соснах заблудились шесть нот:
- Искалеченный вальс предвесенних проказ.
- Без случайных минут, мимо моющих дев,
- Без претензий на завтра и слов в пустоту,
- Он был цел. Он летел по мосту,
- Но она отошла от окна, побледнев.
- Вот тебе и кино, вот тебе и роман -
- Заколдованный город, «вокзал для двоих»,
- Что скользит за улыбкой чужих.
- Как увидеть у них тетиву и капкан,
- Темный луч, женский снег, берега без границ?
- Хочешь - жди, хочешь - плачь, сон - единственный друг.
- Резкий звук тени, замкнутой в круг, -
- Как какой-нибудь знак промелькнет меж ресниц.
- Он вошел в реку трижды и вышел сухим.
- С похорон Костромы возвратился святым.
- Началось: ветку дуба скрыл дым.
- Началось: вспыхнул полдень, пролились стихи,
- Помутнело стекло... Так случилось не раз.
- Мелекесский Монмартр - любопытный Восход,
- В трех соснах потерялись шесть нот:
- Приглашение на жизнь.
- Приглашение на вальс.

Легкие воды и небо - под гжель,
Песок и железо взяла акварель.
Звезда, покотившись, упала без сил...
Того, что мы знали, никто не спросил.

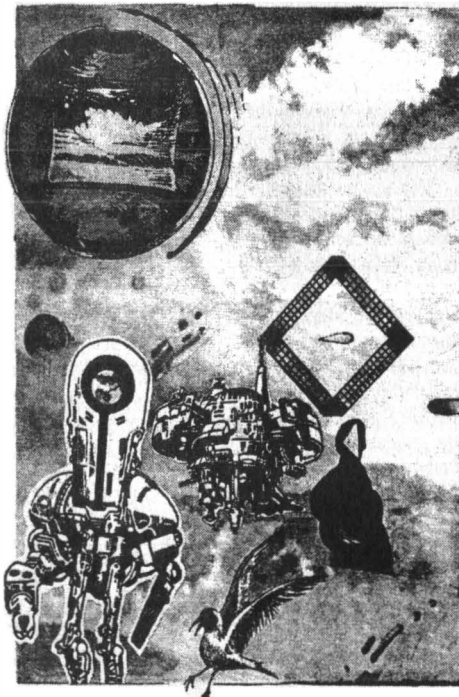
Имя ей - тайна на каждом углу,
А он безымянный у нас на полу,
Когда она дома - покой, тишина,
Ему нужно много. Но тишь не нужна.

Не им и не нам не понять до конца,
Сплошного везенья, загадки кольца.
И больше не скучно - роса между строк,
Железо и небо.
Вода и песок.

ДАРОМ

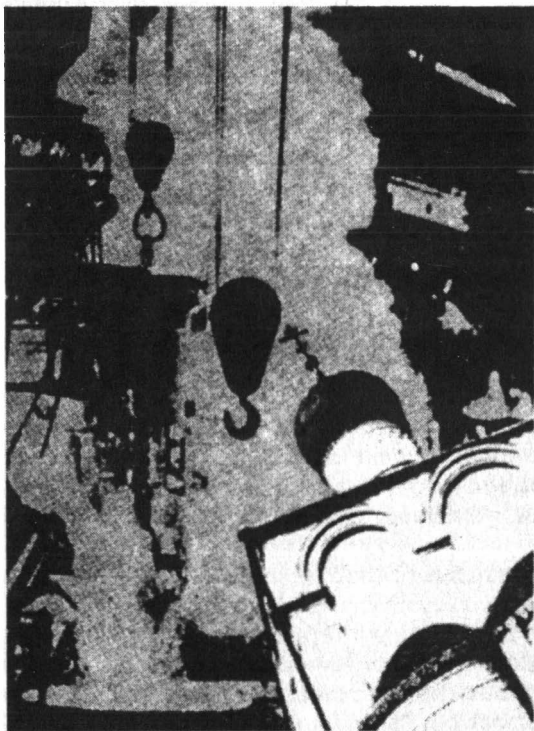
Благородная Немая
Восхищалась, понимая
Смысл книг, и метила поля.
С юбилеем! С легким паром!
Ничего не будет даром:
Удивляйтесь тяжести рубля.
Мы проснулись от испуга.
Не узнать никак друг друга.
И не надо сильного врага.
Все, что хочешь, все, что можешь, -
Разобравшись, что дороже,
Поменяли форму берега.

Чувство долга не тревожит,
Забирайте это тоже.
Было жалко, а теперь прошло...
Видишь, как деревья гнутся,
Чашки бьются, бьются блюда,
С нами плохо. С ними - хорошо.
Втихомолку, в темном месте,
Зрели мысли о протесте,
Отвергая пух и тополя.
Благородная Немая
Восхищалась, понимая
Смыслы книг, и метила поля.

ЕЙ

Чтишь сторону цветня, жалеешь и цедишь
В разбитых клепсидах суровую воду.
И тот, кто решится стать мятой бумагой,
Заставит тебя доверять отраженью.
Блуждающей крышей, муслиновым платьем
Запрыгает полдень, топча орхидеи.
Но странно не то, чем кончается жажда,
А то, чем становятся после заката.
Фальшивьте, оркестры, шепчите, газеты.
Играет актер погорелого театра.
На Башне Ветров полный штиль и печали.
Мы смотрим, как ты погружаешься в завтра:
Лимонная краска, худые деревья.
Расстроенный. Суженый. Ряженный. Мертвый.
Но разве узнаешь на ощупь причины
Твоих остановок и наших вопросов?

Геннадий ГЕНЕРАЛЕНКО

ТРИ РАССКАЗА

ОТ АВТОРА

События и люди, описанные в этих рассказах, выдуманы. Любое совпадение случайно. Действительность бывает гораздо интереснее любого литературного произведения. У каждого своя правда, а божественное знание не достижимо.

Слезы Гелиад

Белесый луч прожектора прошелся по карьере и заметался на одном месте. Злобно залаяли собаки и вверх явно слышался топот десятка ног.

- Это за нами, - прохрипел Том. - Надо сдаваться.

- Лежи, скотина, удавлю здесь же! - Женька крепко сжал рукоятку швейцарского ножа.

- Это за нами, - в панике бормотал Том, но от земли не отрывался.

Его куртка на глазах пропитывалась потом, и лицо, уткнувшееся в грунт, чуть-чуть подрагивало.

Охрана уже достигла дна карьера, когда в метрах ста пятидесяти от лежащих с земли, поднялся мужчина и поднял руки вверх. Через минуту собаки набросились на поднявшегося и закрутились в страшном хороводе, пытаясь вцепиться прямо в горло. Подоспевшие охранники не стали оттаскивать собак и добавили бе-

долаге резиновыми палками. Метрах в трех от задержанного остановился охранник с карабином, передернул затвор и ждал, видимо, лечь, потому что мужик рухнул на землю. Его обыскали и надели наручники, разочарованных собак оттащили и повели на поводках к сторожевым вышкам.

- Комбат, - просипел Женька и стал отползать к проделанному ими проходу в колючей проволоке.

Том немного отстал, но полз умело, и ничто уже не напоминало о случившейся трагедии. Ничего, только страх - удушливый, мерзкий и липкий. Впереди еще проволока, посты на дорогах и проводящие рейды окрестные жлобы в расчете на легкую добычу. Хотелось курить, но еще было нельзя.

Стоящие в карьере машины стали казаться совсем крошечными и исчезли после того, как двое измученных парней перевалили через высокий отвал грунта. Спортивная сумка с грузом была тяжела, и Женька уже прикинул в уме сумму денег и даже перевел по курсу в доллары и марки. Ходить в карьер было опасно, могло завалить в отвале, как Семена и Лидию, они спали вместе, и вместе погибли в одной яме.

Могли загрызть собаки или застрелить охранники, так погибли Барбос и рыжий парень без имени и клички. Но чаще всего дорога была в следственный изолятор, куда и попался избитый и покусанный Комбат.

Женька не сразу пошел в карьер, долгое время он мыкался по берегу и ловил сачком камень, но здоровье его подводило, и он часто простывал. Пробовал просто перепродавать камень, но для этого нужны были солидные деньги, а мелкой скупкой, можно было заработать только на еду и одежду.

Если все пути у автомобилистов ведут в Рим, то здесь все дороги ведут в карьер. Камнем Женька заболел, когда учился. Его взяли уборщиком в серебряный цех и он не столько убирался, сколько глазел на происходящее. Отливки и холодная штамповка завораживали, рассматривать серебро было интересно. Серебро вкупе с камнем было настолько восхитительным, что он стал учеником мастера и научился полировать и калить камень, опрашивать его и разбираться в фактуре и цвете.

То что продавали в магазинах, было откровенным барахлом и не стоило внимания. Были мастера и специалисты, но раньше они были на строгом учете, а теперь работали под крепкими крышами или на солидные конторы с соответствующими вывесками.

Недоученный Женька с позором был выгнан с комбината, когда в его шкафчике для рабочей одежды обнаружили слиток серебра граммов на триста и пару хороших камней. Напрасно он

божился и клялся. Его персонально бил начальник охраны, но признания не получил. Кто подкинул свой груз Женьке, осталось тайной, покрытой мраком.

Полгода Женька лил кольца и нанизывал бусины в подпольном цехе при свете тусклой лапочки, с тревогой ожидая наезда или обыска. Обыск не замедлил себя ждать и Евгений Андреевич Милин, русский, 1970 года рождения, уроженец города Калининграда, не женатый, временно не работающий, ранее не судимый, два месяца провел в СИЗО Ленинского района, где окончательно надсадил и без того слабое зрение. О ювелирке пришлось забыть и, помыкавшись по рынкам и палаткам, вновь прибил к камню.

Отойдя на безопасное расстояние, они закурили - Женька «Ротманс», а Том сигарету с краснодарской коноплей, которую получал от родни «Моментальной почтой». Почта была не скоростной, просто конопель скрывали в тюбики из под клея «Момент». Стойкий запах клея отбивал запах конопли, Том почти ничем не рисковал.

Женька пробовал дурь один раз и сразу опий, его полдня колбасило и он видел такие страшные картинки, что больше не хотел связываться, несмотря на рассказы о розовых слонах и пластиковых девочках.

Опий дал ему муж сестры Аленки - мужик был давним опиистом и по большому счету мудаком. Сестра работала в цветочном салоне и выписывала для своей половины из Голландии кроме роз и гвоздик, сухоцветы, среди которых всегда был ящик-другой сушеного мака.

Дома муженек персонально молол траву на мясорубке «Мулинекс» и потреблял свое варево в туалете, где и закрывался в ожидании прихода Санта Клауса. Женька был натуралом, пил водку и иногда по пьяной лавочке в гостях бил наркомана спертным боем. Аленка в драки не вмешивалась, она иногда кидала внутрь, ела пару марок кислоты в ночном клубе и тогда, как заведенная, дергалась до утра на своих огромных башмаках-копытах.

Дождавшись рассвета в древнем «опеле» Том и Женька отправились в город, на ходу жуя бутерброды с колбасой и прихлебывая чай прямо из остывшего термоса. На узкой трассе Том разгонялся до ста двадцати и кричал что-то проезжающим навстречу дамочкам. На скорости его услышать было невозможно и Том не стеснялся в ругательствах. Женька подставлял свое лицо ветру и, закрыв глаза, слушал «Першенал Джисус».

На Московском проспекте Женька вылез из «опеля» Тома и отправился на свою квартиру. Том помахал ему рукой и, запев

под «Депеш Мод» свою любимую песню: «Я люблю тебя, лайф», рванул дальше, игнорируя правила дорожного движения.

Женька снимал квартиру напротив школы милиции и его всегда умиляли невыспавшиеся курсанты по утрам трижды оббегавшие свою «Альма Матер». Трехкомнатную квартиру ему и его приятелю сдала веселая рыбацка, бывшая буфетчица-проститутка из ресторана «Ольштын». Им вышла большая скидка потому, что они ее подвезли пьяную до дома, внесли тело в квартиру и по ее настоящему требованию остались с ней до утра. В дни получения денег она всегда являлась с бутылкой коньяка на предмет обследования квартиры и, выпив граммов триста, заставляла кого-либо мять ей груди. Честно говоря, груди у нее были «обнакновенные» и баба была довольно пошлая, но съезжать с квартиры не хотелось и, по взаимной договоренности, миссию убления проводили по очереди. Раз в два месяца, чтобы не травмировать себе нервную систему.

Приняв душ и переодевшись в рубашку Батона, Женька сел на диван и стал перебирать камни, любясь и сортируя их по цвету и калибру. Затем, вздохнув, упаковал в пакет кучку поменьше и отправился к железнодорожному вокзалу. На площади перед вокзалом стоял памятник Михаилу Калинину, который показывал рукой на надпись: «Вас приветствует янтарный край». До Калинина Женьке не было ни какого дела, а вот в доме по соседству был тайный пункт приема сырья от ловцов и грабителей карьера.

Открыл дверь на условленный стук Бешенный Билли. Билли прозвали бешеным неспроста. Пытаясь откосить от армии, он попал на три месяца в психушку и увильнул от погон. Вот только теперь, пообщавшись пару минут с обнаженной женщиной, он кидался на нее, рвал зубами и впивался пальцами в горло. До убийства не доходило, но после двух-трех таких закидонов окрестные дамочки переходили на другую сторону, едва только завидев Билли. Билли вообразил себя гомосексуалистом и привел домой парня веселой наружности. Когда парень разделся и полез целоваться, Билли одним ударом отправил того в травматологию. По этой причине Билли жил один и, видимо, уже привык к своей не слишком большой популярности.

В квартире стояли двое весов: одни торговые для камня и аптекарские для химии. Билли покупал камень и продавал наркоту в промышленных объемах. Взвесив принесенное, он долго считал граммы и без помощи калькулятора обозначил сумму. Женька кивнул и забрал положенное. Билли поколебался и вынул еще сто марок

- Не лишнее, на бирже янтарь вверх пошел, второй день прет.

Немчура кислоты заказала пять тонн и японцы тоже восемь. Наверное будут деловой камень переводить. - Билли сплюнул на пол.

- Деловой на кислоту? - недоверчиво протянул Женька.

Янтарная кислота используется в радиотехнике, раньше на нее пускали пыль и совсем не пригодный камень. Использовать подпочный камень было святотатством.

- Охрану усилят, на карьере, вот помани мое слово - Билли взял в руки большой камень и протянул Женьке. - Красавец, последний от Комбата.

- Нет теперь Комбата, - Женька смотрел на молочно-белый янтарь, как кролик на удава.

- Знаешь, почему его называют «слезами гелиад»? - спросил Билли и, не дожидаясь, ответил, - на каждые триста килограмм добытого ложится человек.

Женька купил этот камень для уважаемого человека за восемьдесят марок, но не для прибыли, а так из любопытства.

От Билли он направился к гостинице «Калининград», где в летнем кафе заказал кружку пива «ЕВ» и стал внимательно рассматривать проходящих мимо девушек. Его половая жизнь в отличие от Билли было гораздо приятнее и содержательнее. Помимо случайных связей Женька дружил с двумя сестрами-близняшками, милыми и забавными проектировщицами мощной строительной фирмы. Девицы тоже любили Женьку, и он решил для себя жениться на первой из них, которая забеременеет.

На солнышке Женька придремал, и разбудил его Батон. Батон был чисто одет и выбрит, что само по себе было редкостью. С Батоном была молодая женщина с изящным торсом и непристойными, в размере XXL, грудями. В придачу к большим сиськам Батон получил девочку лет пяти, которая прижимала к груди грязного утенка и громко требовала мороженого. Вместо мороженого она получила подзатыльник от мамыши, и вся компания пошла кормить лебедей на королевский пруд.

Батон, видимо, был рад грудям и при каждом удобном случае старался прижаться к своей подруге. Раньше механик рыболовного флота ходил в море и последний раз пробыл там около года. Судно арестовали за неоплату горючего, и Батон шесть месяцев мыкался в Перу. За этот год батоновская жена выносила и родила сына от Батона и подхватила СПИД не известно от кого. Батон отвез новорожденного к батькам на Украину, но с женой не разводился, ожидая, пока она умрет тихой и естественной смертью.

К кормящим лебедей подошел еще не старый, но седой человек. Женька извинился и отошел с седым на скамейку. Седой был ювелиром по прозвищу Фаберже. Когда разрешили выезжать и

выставляться, все, что было сделано за десять последних лет, с триумфом проехало по Германии. Все украшения были проданы с аукциона, но, проклятого и не русского. Почувствовав недомогание, Фаберже обратился к врачам, которые определили лейкоз, потребовалась пересадка костного мозга, десятки переливаний крови и хороший уход. Фаберже выдернули с того света, но все его деньги остались в лапах эскулапов.

Женька показал камень, и Фаберже одобрил. Сто марок и камень поменяли своих хозяев. Немного поколебавшись, Фаберже достал из пластикового пакета представительский футляр красного дерева. В футляре на черном бархате важно лежало дивной красоты золотое кольцо с янтарем.

- Восемь месяцев работы, - улыбнулся Фаберже, забирая кольцо.

- Музейная вещь, - со вздохом ответил Женька.

- Двадцать два года, - Фаберже помрачнел. - В наши музеи вещь может попасть только через пятьдесят лет после изготовления. От моих первых опытов прошло только двадцать восемь.

Фаберже распрощался с Женькой, пожелав удачи, и посоветовал бросить карьер. Женьке тоже не нравилось лежать на спрессованном веками песке, но он мечтал. Он мечтал о маленькой законной мастерской на пару рабочих мест, с выставочным залом. Женька хотел носить белую рубашку и не пахать на чужого дядю. Его мечта должна стать явью через год активной работы.

Женька вернулся в квартиру, где обедал и спал. Он хотел сделать еще один рейс в карьер и уехать со своими близняшками в Палангу на три дня. Он спал и не знал, что Том не приедет сегодня к карьеру.

Том курил на балконе, когда к его дому подъехала машина с ОМОНОм. Когда милиция выбила железную дверь, Том бросил купленную по случаю у военных гранату Ф-1 в прихожую и деловито перегнулся через перила балкона. Позже соседи показали, что последними словами Тома были: «Я люблю тебя жизнь».

Харкающий кровью в СИЗО Бешенный Билли успел смыть кокаин в унитаз, но сегодня никому не было дела до отравы. Всех интересовал солнечный полудрагоценный камень третьей категории, резко подорожавший на мировом рынке.

К вечеру Женька сам добрался до карьера в поселке Янтарный. В электричке он задремал и видел дивный сон. Там - в далеком поднебесье плакали обнаженные девы и их слезы превращались в ослепительной красоты бусины.

Дождавшись ночи, Женька проделал лаз в колючей проволоке и медленно, но верно пополз по откосу. Женька не брал все под-

ряд, и поэтому всегда проводил много времени в карьере. Камни, которые он добывал, стоили дорого и покупались охотно.

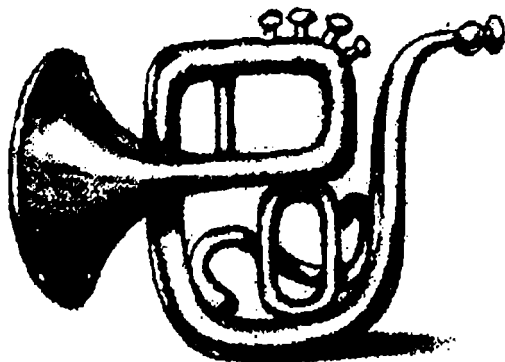
Белесый луч прожектора прошелся по склонам карьера и опустился до самого дна выработки. Луч прошел правее и затем резко дернулся в то место, где лежал Женька.

Послышался лай собак и топот ног. Женька встал и бросил сумку. До боли сжал в руке швейцарский нож с широким армейским лезвием и ждал развязки. Он выставил левую руку вперед и когда пес впился в нее зубами, ударил зверя в горло, резко дернув нож вниз и вправо. Вторую собаку, вцепившуюся ему в ногу, он ударил коленом, и сука жалобно завизжала.

В пылу драки с собаками он не заметил, как охранник опустился на одно колено и выстрелил из карабина. Сильный удар в грудь откинул Женьку на драгоценный грунт. Евгению хватило сил перевернуться на живот и закрыть лицо руками. Подбежавшие охранники били тяжелыми армейскими ботинками уже мертвое тело.

Через неделю после этих событий тогдашний премьер-министр Евгений Примаков передал на восстановление Янтарной Комнаты тонну конфискованного и изъятого янтаря.

Фаберже поднес к лицу восхитительный молочно-белый янтарь. Он уже придумал, что сделает с камнем. Этот экземпляр нельзя было испортить, нужно только подчеркнуть его достоинства. Нужно только подчеркнуть. На эту работу у Фаберже уйдет одиннадцать месяцев.

Двуликий ЯНУС

В славном водолечебном городе Баден-Бадене умирал человек. Все самые современные таблетки и умные аппараты не могли более поддерживать жизнь в еще не старом теле.

Вначале больной был как бы еще не очень больной. Назначенные препараты пил неохотно и все норовил уцепить крепкую португальскую девку-медсестру за грудь. Медсестра по причине жаркого лета носила маленький снежно-белый халатик прямо на литой торс, безо всякого намека на нижнее белье. Но пациенту становилось все хуже и хуже. От этого было грустно всем: доктору дорогой частной клиники было жаль недополученных денег, родственникам - неплохого отца и примерного мужа, партнерам - хваткого и умелого бизнесмена. Португалка тоже жалела слабеющего мужика, который по поступлении подарил ей двести марок.

Даже старшая сестра, агент спецслужб, жалела, что скрытые микрофоны хоть и работают на совесть, но информацию приносят крайне скудную. Боли усиливались и отборный мат страдающего русского перекрывал шелест кондиционера и передачу «Европорта».

Больной впадал в беспамятство, лицо его осунулось и заострилось. Товарищи по бизнесу принесли по старинному русскому обычаю водку и апельсины и прямо в палате стали разливать ее в пластиковые стаканчики для таблеток.

Выпили за здоровье литр на четверых, включая больного. Затем переключились на неформальное обсуждение крупных проектов по лесопилохимматериалам, и недужный дал пришедшим пару дельных советов.

Главный вопрос висел в воздухе и никто не решался его задать. По нависшему молчанию больной сам определил момент и назвал фамилию. Фамилия была ничем не знаменитой в среде предпринимателей и уголовников. Но умирающий мог захватить с собой полсотни человек в ад или рай. Пришедшие знали, что рай им не светит и поэтому оттягивали встречу с апостолами...

На похороны усопшего кроме сибирских родственников пришло еще три тысячи человек. Спецслужбы были стянуты в огромном количестве, в их снаряжение входили водометы и слезоточивый газ. Цветочные магазины получили фантастическую прибыль. Приехавшие русские были строги и серьезны. Восемь ресторанов варили борщ, собирали столичную водку по всем окрестностям. Главным вопросом в разговорах была фамилия. Известная никому. Неизвестный. К этой фамилии могла прилепиться только одна кличка «Неизвестный Солдат».

Профессор-археолог Александр Неизвестный был широко известен в узких кругах. С двенадцати лет Неизвестный знал поименно всех римских кесарей. Жизнь в черноморском городке давала пищу воображению и уму. Старые монеты были у каждого и мраморные статуи подпирала сараи. Недолгая оккупация, когда немцы собирали осколки статуй и прочую генуэзскую дребедень, открыли глаза народу.

Некоторые немцы давали за горсть монет спирт взрослым или шоколад детям. За крупные куски мрамора или небольшие бронзовые вещицы - консервы и сахар. Потом пришли советские войска и самых активных сдатчиков расстреляли перед лицом трудового народа.

После войны партии археологов сменяли друг друга как осы на арбузе. В силу того, что дом Неизвестных стоял в удачном месте, две комнаты из трех сдавались аспирантам. Саша засыпал под рассказы о пирамидах фараонов и мавзолеях Тамерлана.

Александр еще с малолетства отличался характером. С матерью он был ласков, в ватаге ребят - отчаянно бесбабашен.

В институте он учился лучше всех и был удачлив в любви. В экспедициях находки Неизвестного сделали бы честь Шлиманну. Ходили смутные слухи, что Неизвестный продал свою душу дьяволу за успех и удачу. На экзамены к Неизвестному шли как в омут. Уверенные и независимые - легко, лодыри и слабые - как на Голгофу. Глядя в глаза бестолковым девицам, он говорил о замужестве и, ставя «три», выгонял из аудитории. Девицы, напившись шампанского и водки на радостях, попадали в объятия студентов, беременели и выходили замуж, наплевав на древности.

Перекопав в свое время кубометры дикого грунта, Неизвестный находил амуницию и золото скифов. Тогда он брал череп в руки и глядя в пустые глазницы говорил о бедном Йорике. Пришедших на раскопки деревенских детей от четырнадцати лет - поил рислингом, а взрослых расхитителей и охотников за античностью

бил нещадно и собственноручно. Зимой он садился за монографии и отвечал на вопросы авторитетов Британского музея.

В один из далеко не прекрасных дней профессор шел по переулку с кефиром из «гастрономии и бакалеи разной». Следовавший за ним джип внезапно остановился, из него вылезли два амбала бритоголовой наружности. Спросив закурить, они стали издеваться над Неизвестным. Неизвестный поставил кефир и поллитровую банку огурцов на петербургский асфальт, внезапно напал на амбалов и, видимо, причинил им некоторую боль.

Лежащих амбалов он пнул еще по разу ногой и проверил их карманы. Из недр бандитских штанов в потертое пальто Неизвестного перекачивали пухлый бумажник и револьвер системы "наган". Немного подумав, профессор поднял свой пакет и, достав банку с огурцами, обрушил ее на лобовое стекло неповинного джипа.

Ведущие за Неизвестным скрытую видеосъемку, чуть не перхнувшись от проявления геройства и вандализма. Кадры избияния младенцев собрались смотреть все, кто был допущен к информации. Впервые за месяц наблюдений проявилось нечто криминальное и неожиданное в деле под кодовым названием «Неизвестный Солдат».

Неизвестный, придя в свою квартиру, открыл холодильник и поставил в его пустое чрево кефир. На секунду задумавшись, сунул в морозилку наган, проверив предварительно наличие патронов и качество смазки. В дверь позвонили и со смутной тревогой Неизвестный пошел открывать. На пороге его обиталища стояли две миссис, созревшие для половой жизни, одна, поменьше, была студенткой третьего курса, а побольше - четвертого.

Пришедшие принесли с собой небольшой кокетливый торт и бутылку шампанского под незатейливым названием « Императорское». Ни один русский император не пил означенного поила никогда в жизни да и способ непрерывной шампанзации был открыт в 1932 году. Последний император к этому времени уже три пятилетки лежал в уральском болоте.

После нескольких минут праздного разговора о погоде и скромной коллекции антиков профессора, девицы были готовы для заявления. Они признались, что давно обе влюблены в Александра Михайловича, обе хотят замуж или по крайней мере - сделать ему или от него ребенка... Неделька началась на славу.

Машинально открыв шампанское, Неизвестный начал было нудить о всей серьезности их заявления, но, поняв комизм ситуации, просто выставил их за дверь, заявив, что нахождение в одной аудитории уже можно рассматривать как близость. Тортик был

отдан в руки просящих сердца, а шампанское, по причине вскрытости, осталось за холостяком. Студентки, ожидавшие более бурной реакции, удалились, обсуждая возможные последствия своего визита.

Через несколько минут в дверь сильно постучали, и раздраженный слишком буйным днем археолог открыл дверь еще не пенсионного возраста майору милиции в штатском. Визит блюстителя был сильно некстати. Незнакомый помнил каждую секунду о стволе, лежащем в морозильнике.

Майор достал из папки протокол и стал расспрашивать о родственниках за границей, о связях с сообществом расхитителей родины и прочей ерунде. На все вопросы следователь получал ответ: нет, не состоял, не участвовал и не привлекался.

Мент заметно нервничал и стал срываться на высокие тона, не зная, что орать на закаленного институтом и землекопанием человека дело безнадежно глупое. Незнакомый по привычке стукнул рукой по столу и пробка вылетела из бутылки шампанского с характерным звуком. Майор схватился за сердце и упал на пол.

Вскоро, примерно через полтора часа, приехала скорая и констатировала смерть. Забирать "жмура" они с собой не хотели, и профессор употребил все свое красноречие и сто долларов из бумажника бандюг. При виде двух зеленых - по пятьдесят - санитары подхватили труп, как родного, и понесли в машину. В машине покойника положили рядом с бабкой сердечницей, которая сперва было испугалась, затем бодро прочитала молитву, подходящую к случаю, успокоилась, резонно заметив, что труп ей "в сыновья годится или даже во внуки"...

Наблюдавшие за происходящим две группы слезки были заинтригованы, если не сказать большее. Бандиты доложили, что "Неизвестный Солдат" убил мента, оперативники ФСБ были менее категоричны в оценках. Но факт - налицо: вошел человек на своих ногах, а вынесли его за руки - за ноги. В личном деле Незнаменного появились новые записи, и они были далеко не радостные. Вскрытие констатировало смерть от обширного инфаркта, но в стенной газете УВД написали: «умер на боевом посту».

Чтобы прийти в себя и успокоиться, археолог сел за письменный стол и продолжил свои записи для будущего фундаментального труда.

«...Я - Ваше зеркало... Угол падения равен углу отражения... Соразмерность ожидания и получения эффекта находятся в прямой зависимости от степени прилагаемых усилий индивида... Религии цивилизованного типа четко различают дуализм понятийного уровня «добро и зло». Правомерность божественного промыс-

ла не поддается обсуждению теологами. «Все в руке божией» и, руководствуясь постулатом человека по образу и подобию божьему, можно прийти к выводу - человек несет в себе самовоспроизводство и саморазрушение.

Ххмерские храмы Бантуи Ду и норвежские скальные руны не пересекаются в исторических планах, но изучение барельефов..."

...Неизвестный работал долго и только иногда отрывался и пил шампанское из граненого стакана. Когда уже ночь покрыла город, археолог лег на диван, ожидая нового дня и развития событий.

Развития событий на следующий день не последовало. По крайней мере неделю Александр Михайлович жил спокойно. За эту неделю прошли совещания в синдикатах «Химлес» и ФСБУВД. Один из боссов "Химлеса" упорно игнорировал мнение покойного руководителя, остальные склонялись к исполнению последней воли. Все желания усопшего, по которому еще не справили и сорока дней, были оплачены вперед. Даже надгробие, исполненное Зурабом Церетеони, выглядело немим укором и несло неясную угрозу.

Археолог обнаружил за собой слежку и теперь постигал, с ловкостью, достойной лучшего применения, азы шпионажа. Отрывать от слежки было несложно, нужно было только понять динамику и характер поведения агентов. Вернувшись вечером домой, Неизвестный не стал подходить по обыкновению к окну, а взял из морозильника пистолет и, не включая света, сел напротив двери.

Через пару минут в замке что-то лязгнуло, и дверь открылась. Неизвестный поднял пистолет и произвел три выстрела по силуэту. Вошедший упал на колени, уронив пистолет-пулемет израильского производства. Буквально через несколько секунд появились еще двое, но в их действиях не было агрессии. Не говоря ни слова, они закатали труп в ковровую дорожку, забрали пистолет и велели вымыть руки от порохового нагара. Хлопнула дверь подъезда, и стоявшая около него машина рванула по вечернему городу.

Бежать в неизвестность было глупо и Неизвестный открыл тетрадь и принялся записывать. «...Адекватность наказания никогда не потрясала воображения человека, в случаях с распятием

Христа, незаконным линчеванием святого ковбоя Джонни и несправедливо забитого кольями святого конокрада мы видим классическую линию несправедливо осужденных и вознесенных до ранга божеств, в сущности предназначение которых было рождение для смерти. Лучше, если смерть не входит в обычную практику эпохи и служит исключением для особо торжественных случаев. Ацтеки, широко практиковавшие жертвоприношения слыш-

ком частым ритуалом, сделались заложниками своих верований. Ужас жертвоприношения сменился просто массовым заклинанием жертв в угоду верхней части социума. Наказание должно быть адекватным и настигать преступника быстро и эффективно. Око за око, зуб за зуб (см. своды законов Иудеи). Формирование и исполнение клановых и местных обычаев кровной мести прекращается, если наказание вынесено по всем правилам религиозных предписаний. Основное требование таких предписаний - зеркальная копия проступка и производство экзекуции положенным способом...»

Утром профессор обнаружил в конверте под своей дверью сертификаты акций на его имя - парфюмерного производства, золотого рудника и свидетельство на полное владение солидным похоронным бизнесом в Швейцарии. Справка о состоянии счетов свидетельствовала о солидном капитале скромного археолога.

Бросив конверт себе в стол, он сделал новую запись:

«...и тогда они принесли младенцу Христу благовония, золото, ладан. Данные предметы несут ассоциации божества, царя, смертного. Образ неожиданно возникающего божества и царя неизменен и присутствует в эпосах киргизского и скандинавского типа.

Чудесное обретение Соломона, спасенного царской дочерью, пришествие Кеотцалы с длинной бородой и белой кожей, прибытие Одина из Вольгавы - суть одна. Обретение ожидаемого, исходя из исторического контекста эпохи. Явление духовного лидера должно сопровождаться адекватными действиями или проявлениями чуда. Универсальным мотивом является спасение царя от смерти или геройское истребление неприятеля».

Время поджигало и пора было на лекцию. Размышляя о странных событиях последнего времени, Неизвестный никак не связывал все происшедшее со спасением в туркменской экспедиции четверть века назад рабочего.

Исследуя старый шурф, отходящий от основного горизонта выработок, рабочий попал под завал, и Александр Михайлович - тогда просто Михалыч - саперной лопаткой перекидал двадцать кубометров песка и глины, стоя на коленях и исходя удушливым, едким потом. Спасенного уставший Неизвестный шесть километров тащил до лагеря на спине.

Потом были новые экспедиции и новые рабочие. В шагах двадцати позади археолога шел крепкий юноша, и по серьезному выражению лица провожатого было ясно, что он персональный охранник очень важного человека...

В аудитории было шумно, Незвестный зычным голосом начал декламировать и все смолкло, стали конспектировать. Читая лекцию на память, Александр Михайлович Незвестный остановился рядом с девушкой, домогавшейся его руки.

- Скифские и ранние сарматские захоронения отличаются от классических могильников той эпохи жестокостью и чрезвычайным богатством принадлежностей и утвари. В порядке профилактики разводов был обычай убивать жен вождей и верховных священников и помещать их среди коней, собак и запасов, необходимых покойному для загробного путешествия...

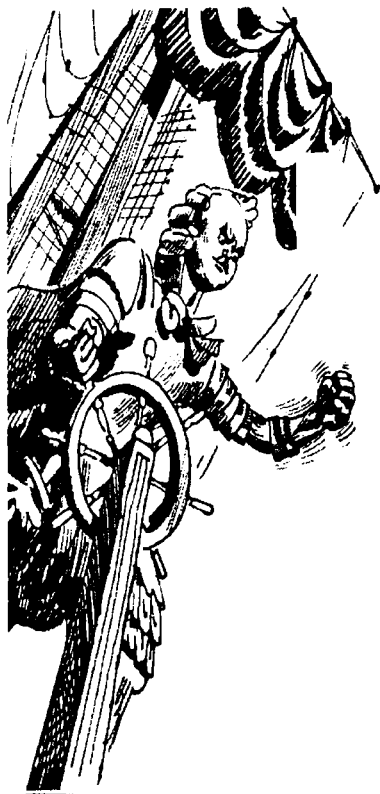
Студентка, ни минуты не раздумывая, громко возвестила о своем согласии, и смех аудитории скрыл образовавшуюся паузу.

Старший следователь прокуратуры, полная тетка по кличке «Фемида», принимая дело на Незвестного Александра Михайловича, русского, внимательно прочитав материалы, вздохнула и фломастером перечеркнула надпись «Незвестный солдат» и затем четким и уверенным почерком вывела «Двуликий Янус».

Двуликий Янус - божество римского Пантеона богов. В его честь печатались монеты и строились храмы. Янус имел два лица, направленные в прошлое и в будущее, он заведовал временем и был совершенно независим от других богов. Наказание для богов и смертных, определяемое Двуликим Янусом, было адекватно проступку и провинившийся карался незамедлительно.

36 мм

Болталин, Крошка Енот, Томин, он же Том, профессор Неизвестный и Теньков сидели в большой воронке, оставленной авиационной бомбой, и ели тушенку. Сосредоточенно облизав ложку и с сожалением посмотрев в банку, Болталин размахнулся и выбросил банку далеко вправо. Банка стукнулась о камни, издав слабый шум, и компания услышала выстрел с той стороны.

Крошка Енот выразительно посмотрел на Тенькова и тот, оставив тушенку недоеденной, вытер пальцы о бушлат и открыл коробку. В боксе лежал прибор ночного видения и оптический прицел. Теньков нацепил прибор на голову и стал внимательно осматривать местность. В далеком зеленом поле он увидел две тени, возившиеся около старой, раскидистой абрикосы. Теньков поднял два пальца, и Крошка Енот поднялся по стенке воронки и, перевалившись через край, исчез в темноте. Болталин откинул

плащ-палатку и, потянув похожую на него какую-то трубу, вроде студенческого тубуса, поднялся в полный рост. Снарядив, как оказалось, огнемёт, он сунул в свои бездонные карманы пистолет, две обоймы патронов и протянул Тому швейцарский нож.

- Держи, шкет, будет чем банку открыть. Бери, у меня еще есть.

Теньков уже угнездился на краю воронки и ждал сигнала. Через минуту напряженного ожидания в черное небо взвилась зеленая, с ядовито-люминисцентным светом ракета. Двадцати секунд, что она освещала местность, хватило, чтобы уточнить диспозицию.

Хлопнул выстрел, и Теньков удовлетворенно хмыкнул. В ночи раздалась автоматная очередь. Болталин в два прыжка выскочил из ямы и, пробежав десять метров по скалистому грунту, опу-

тился на одно колено и вlepил из огнемeта по стоявшему рядом с абрикосой джипу. Снаряд, предназначенный обычно танкам, разодрал внедорожник изнутри с огромной радостью. Рваные обрывки машины разлетелись как кегли, сбивая ветви деревьев и дробно барабана по крышам горских домов. Теньков сделал еще один выстрел и снял оптику со снайперской винтовки Драгунова. Затем он отсоединил магазин и добавил в него два патрона.

Из темноты появился Крошка Енот и радостно заявил Тенькову:

- Мудель, их там было четверо, с тебя поллитру.
- Откуда четверо?
- Один стоял в дверях дома и курил, его я снял очередью, двух ты видел, и один сидел в джипе.
- Не пол-литра, а литр, - уточнил Болталин, вернувшийся к воронке.

- Почему литр? - изумился Теньков.
- Поллитру на пятерых - несерьезно.

Крошка Енот нащупал свою тушенку и продолжил трапезу с видимым удовольствием. Том не снимал ночной бой. Ничего толком из ночных съемок не выдавить, только перевод пленки. По прибытию в Чечню он в первом своем ночном бою истратил две пленки, но ничего стоящего не получил. Вспышки и силуэты. Таких снимков можно было наделать, не выходя за пределы студии. Нужно ждать утра и тогда отрабатывать по полной программе.

У Тома в чехле, закутанная для верности в полотенце, лежала великолепная камера с изумительными объективами. На вопрос где взял, Том обычно говорил - снял с убитого немца. Все принимали это за шутку, но это была чистая правда. Том работал подручным у корреспондента журнала «Штерн». По совместительству корреспондент был шпионом. Шпиона интересовали методы борьбы с комбатантами и действия в горных районах мобильных групп десанта. Немец лез в такие гиблые места, что когда его убил снайпер, Том не расстроился. В том, что камера немца перешла его брату по профессии, Том не видел ничего плохого, как не видел ничего плохого в изъятии тысячи баксов в свою пользу. По раскладу немец оставался должен еще двести зеленых и Том списал убытки на войну.

Профессор Неизвестный тихо беседовал с Болталиным.

- ... Вы православные и наверняка носите кресты. Данная война является продолжением экспансии чистого ислама. Ислам никог-

да не прекращал попыток расширить свое господство на всю прилегающую территорию. События последних двадцати лет свидетельствуют о реванше ислама. Гражданская война в Ливане, Боснийские войны, Афганистан, Таджикистан, Чечня, Дагестан, - все идет к подтверждению моих слов. С падением Византии ислам перебросился в Европу на Балканы. Турки дважды осаждали Вену, и только сила Австрии и генералиссимус Евгений Савойский не дали Европе превратиться в Пакистан или Ирак в его нищете и серости. Петр I, наш царь, взял Азов, и в мире это приветствовали очень широко, освобождение Балкан от турок в прошлом веке нашими войсками воспринималось как подвиг перед историей. Если бы не большевики, Босфор и Дарданеллы были бы русскими, читайте материалы по первой мировой войне. Возможно, было бы образование Византийской области со столицей в Константинополе. Исторический шанс был упущен, и поэтому мы сидим в этой яме.

- Чисто - радио! - с уважением отметил Крошка Енот. - Профессор, а чиво Вам на этой войне?

- В 1993 году в районе селения Ногай-Юрт проходили раскопки раннехристианских поселений. Все уже было упаковано в ящики и готово к вывозу, когда резко обострилась обстановка и все пришлось оставить. Оказалось, что маркированные ящики нашли здесь и мы должны доставить их в тихий Питер.

- Рисковать жизнью из-за костей? - Крошка Енот пожал плечами.

- Рисковать из-за денег? - тем же тоном переспросил профессор. - Ваша миссия сродни той, что выбивала сарацин из Испании, что водила в крестовые походы подростков и крестьян. Без вас Краснодар и Ставрополь получают паранджу и намаз. Казаки, над которыми смеются в столицах, гораздо правильнее понимают происходящее, чем толстолобики в Москве. Для покоренных территорий лучше поголовный атеизм, чем чистый ислам. Сейчас я не беру исторически мягкий ислам татар и родственных им народов. Христианство утратило свои позиции с прекращением проповеди. Все священники учатся в семинарии по канону, а раньше монастыри основывались в глухих местах, и монастырь был оплотом и защитой местному населению. Иезуиты в нашей литературе описаны только черным цветом, а между прочим, они основали государство Парагвай и привели всю Латинскую Америку к более или менее традиционному христианству и цивилизации. Пока католики несли цивилизацию мечом и крестом, не было возможностей резни. Реформация в Европе была спровоцирована на деньги турец-

кого султана. В этом виноваты французы и их борьба против Венеции. Венеция господствовала на Средиземном море, и турки просто подкупили Дом Анжу. В те времена и случились Авиньонское пленение престола папы Римского. Пример из недавней истории. Англичане ушли из Индии и что? Пакистан и Индия готовы забросать друг друга атомными бомбами. Только поддержка Индии Россией и Китаем, который, кстати, не любит Индии, сдерживает Пакистан от широкомасштабной войны. Мы покинули Афганистан десять лет назад, а они продолжают резать друг друга с прежним пылом. В Африке ни одна бывшая колония не стала богаче и счастливее после ухода колонизаторов.

- А что делать? - монолог профессора слушали уже все. - Вот был снимок Томина, где водитель распят на бензовозе, обошел весь мир. Что бы вы сделали, застав происходящую расправу?

- К стенке, и лоб зеленой намазать, - бухнул Теньков.

- Ответ неправильный, надо вешать. По верованиям ортодоксальных мусульман душа попадает в рай в случае убийства пулей, мечом, стрелой и прочими способами, повешенный же идет в ад прямым ходом. Восстание сипаев было прервано после того, как англичане выстрелами из пушек разрывали тела мятежников.

- Из пушек? - переспросил Крошка Енот. - Это круто! Нужно рекомендовать нашему ротному. Только вот веревки не напаче. Если только тросом давить и машиной. Народ, вишь, малохольный пошел. Увидит иной солдатик жмура и рвотой давится. А я с покойниками с малолетства, мой батянька на кладбище работал. Уж я насмотрелся на всяких...

- Есть еще одна штука - политкорректность. Придумана неграми и разными меньшинствами, чтобы белые чувствовали себя ущемлено. Например, пить яблочный сок можно, а апельсиновый нельзя - на бразильских плантациях работают дети. В состав любого жюри должен входить инвалид, независимо, нужен он по профессиональным качествам или нет, но он - инвалид. К примеру, огонь на олимпиаде в Барселоне зажигал лучник, красиво, спортивно и эстетично, в Атланте это делал Мохамед Али - инвалид с трясущимися руками и нарушенной координацией движений. Политкорректность!

- Бредятина, - пробурчал Болталин, закуривая приму-люкс.

Светало. Утром Томин отснял несколько кадров с Крошкой Енотом, тот хотя старался выглядеть монстром, но фотоаппарат фиксировал где-то нескладного, сильного и доброго вольнонаемного солдата.

Нашлись профессорские ящики, и Болталин реквизирует ГАЗ-66, помнивший съемки фильма «Кавказская пленница».

Разведка, погрузка и снаряжение транспорта в дорогу заняли большую часть утра. Обыскав убитых, Крошка Енот с видимым удовольствием нашел сотовый телефон и немедленно позвонил маме. Наболтавшись со старушкой, он устроил прямо-таки междугородний переговорный пункт с льготным тарифом.

За две сигареты Болталин разговаривал с домом пятнадцать минут, профессор позвонил знакомым "за спасибо". Том тоже позвонил матери, но дома ее не застал. Теньков обещал Крошке Еноту шоколадку из ближайшего ларька, и все были довольны подвернувшимся случаем поговорить с родными.

Телефон запиликал, и Крошка стал разговаривать с каким-то чеченом. Разговор, видимо, не получился, так как абоненты быстро сбились на матерную брань, и телефон замолчал. Крошка выбросил трубку, по опыту зная, что телефон отключат очень быстро, но утешал себя тем, что счет придет на убиенного им чечена. Болталин сел за руль, профессор в кабину, а остальные залезли в кузов, говоря, что лучше плохо ехать, чем хорошо идти.

...Том попал в зону боевых действий от скуки, он приехал в Краснодарский край с мамой на похороны своей двоюродной тетки. Никого из родственников не зная, он нашел общий язык только с одной из кузин, которую и фотографировал на фоне сельского пейзажа. Ухажеры девицы решили избить Тома, но сила искусства победила "питекантропов", и битва не состоялась. От скуки он поехал в Краснодар, где на фотовыставке и познакомился с немчурой. Немец и зазвал его снимать батальные сцены, обещая солидное вознаграждение.

К фото Том пристрастился еще в детстве, его снимки случались довольно приятными и неожиданными. Его сравнивали с молодым Надаром, и это льстило. Громадной удачей было пристроить фотографию соседки в «Шпигель». Кормящая мать была помещена на обложку и принесла ему немалый доход. Том пытался сотрудничать с "кислотными" журналами, но они требовали жесткого подхода к натуре и жаждали провокаций. Их провокации были не серьезнее, чем резанная лягушка на тарелочке. Это хоть и помогало жить, но было откровенно скучным. Том ездил с оперативными группами милиции на выезд и ему посчастливилось заснять момент убийства заложника психбольным и немедленную смерть психа. Журнал «Фокус», тоже из благополучной Германии, купил репортаж и предложил поработать на юге России...

В кузове грузовика Том придремал, и разбудил его взрыв и сильный толчок. Грузовик наскочил на мину, их спасло только то, что мина была противопехотная.

Пассажиры покинули транспорт и изготовились к бою. Внезапно, хотя все ждали, раздались выстрелы, и Крошка Енот схватился за левую ногу. По брючине поползло мокрое темное пятно.

- Твою мать! - сердито выругался Крошка Енот более от злобы, чем от боли и дал длинную очередь.

Стрельба участилась и перешла в беспорядочную канонаду. Том в перестрелке вспотел от напряжения и как-то незаметно для самого себя отснял длинную пленку. Профессор спокойно курил и разглядывал облака в пронзительно сером кавказском небе.

Болталин сильно ушиб грудную клетку, когда взрывом бросило на руль, но он выбрал позицию за колесом машины и поддерживал Тенькова короткими очередями. С момента взрыва прошло не более пары минут, и комбатанты уже понесли потери, но положение группы солдат и интеллигентов на дороге было еще печальнее.

Внезапно, как пишут в романах, в тылу мятежников послышались густые очереди, из-за поворота выскочила боевая машина пехоты и, поливая склон из крупнокалиберного пулемета, высадила смешанный десант. Комбатанты срочно отступили и солдаты десанта, построившись, пошли в боевую проческу местности и преследование противника.

Болталин встал на ноги, сделал три шага и, видимо, наступил на еще одну мину. Взрыв был не так эффектен, как в фильмах, но Болталин, пораженный осколком в спину, упал и потерял сознание. Ватник его был весь изрезан осколками, но бог милостив, и только один осколок прошел вдоль всей спины по касательной...

Из броневика вылезли двое в штатском: в плащах и шляпах. Их вид напоминал гангстеров из голливудских фильмов. Они направились к профессору и принялись его укорять за беспокойство и напрасный риск своей головой. Неизвестный велел своей персональной охране заткнуться и помочь раненым. Раненых погрузили в БМП, груз приторочили сверху и через пару часов все были уже на пути к аэропорту. Раненых доставили в госпиталь, где Крошка Енот сердечно попрощался со своими попутчиками. Том, Теньков, профессор и Крошка Енот сфотографировались на память. Жаль только, Болталин был без сознания и его увезли в операционную. Обменявшись адресами и уговорившись побывать в гостях у каждого, все расстались.

Профессор, охрана, Том отправились первым же рейсом в Санкт-Петербург. Том сделал пересадку и вернулся в Калинин-

рад. Теньков еще воевал месяц, а позже уехал на месяц в Эритрею, где не прекращались бои с Эфиопией. Болталин, излечившись от ранения, возвратился домой в свой шахтерский поселок после двухгодичного отсутствия. Крошке Еноту вытащили пулю из мягких мышц ноги и он поехал к маме в Воронеж, где та жила на улице Лизюкова.

В самолете Том и Неизвестный обедали и долго беседовали.

- Вы не слишком рискуете своей жизнью. Погоня за сенсацией может привести к тяжелым последствиям. Я видел, как фотоаппарат отнимает у вас душу. После этой недели будет резко не доставать адреналина в крови. Ради бога, не лезьте на рожон. Времена сейчас мутные, скорбные. Умных людей катастрофически не хватает... - советовал профессор.

Том прибыл в аэропорт Калининграда и его встречал на старом опеле его закадычный товарищ Женька Милин. Опель принадлежал Тому, и Женька ездил по доверенности. Они обнялись, и Том сел за руль, машина рванула с места, быстро набрав скорость до ста километров в час... или в полчаса. Том включил приемник и услышал:

- Я люблю тебя жизнь, что само по себе и не ново...

- Я люблю тебя жизнь! - запел Том, и Женька засмеялся, довольный благополучным возвращением друга из горячей точки.

Потом они долго пили и посещали девочек платно и даром.

Дошло время до проявки пленок и печатания фотографий. Это было нечто, и снимки приняли около десятка агентств. Один снимок особенно потряс Тома. На нем улыбался молодой человек в камуфляже и с автоматом наперевес. Это был Крошка Енот, а над головой его сиял золотистый нимб. Том показывал снимок фотографам, и те говорили о фотомонтаже или фильтрах. Том готов был поклясться в натуральности съемки, но его предположение выглядело слишком фантастично и принималось скептически как атеистами, так и ортодоксальными христианами. Священник ближайшей церкви, близоруко вглядываясь в изображение, попросил оставить отпечаток и тем же вечером написал письмо в Патриархию с просьбой разобраться. Письмо кануло где-то в недрах духовной канцелярии.

Том разослал фото и своим недавним товарищам по войне. Особенно теплым было ответное письмо профессора Неизвестного:

"...По поводу Енотова и его изображения могу зафиксировать факт. За время моего отсутствия комнатное растение из семейства чертополоховых засохло. Ваш конверт с фотографией Крош-

ки Енота я положил на горшок и оставил на ночь, утром к вящему изумлению и радости обнаружил, что растение ожило и дало свежий крепкий побег. Видимо, мы скоро услышим много интересного о фронтовом друге и будем горды знакомством с ним.

Искренне Ваш Неизвестный”.

Через несколько дней после возвращения Том заскучал. Адrenalина не хватало, как и предсказывал Неизвестный. Том гонял по узким улицам и по еще более узкой загородной трассе. Он ругался словами молитвы неизвестным богам, но на скорости его никто не слушал. Его штрафовали, а он молча отдавал деньги и гнал все дальше и дальше. Том пил с бомжами и дружил с похитителями высоковольтных проводов, мечтая опять вспомнить то восхитительное мгновение субботнего утра, когда кассету фотопленки расходуешь за шесть секунд и не замечаешь, как они пропли.

У незнакомого пьяного прапорщика он купил по случаю три гранаты и взорвал две из них в заброшенном каменном карьере. У третьей Том сорвал чеку и, промедлив лишнего, бросил гранату высоко вверх.

Он не упал на землю “как положено”, а остался стоять, глядя, как превращается предмет, похожий на камень, в клубок огня и дыма. Ему не было страшно, но в одну секунду он стал мокрым от пота. Граната подняла столб земли, и в лицо Тому ударил комочек грунта, рассадив ему бровь.

Том обрадовался крови и приложил пальцы к ране, затем долго рассматривал свою кровь и облизал палец. Кровь была солоноватая и совсем не сладкая, как бывало в детстве.

Нет врага - нет удовольствия, нет боли - нет наслаждения от достижения цели. Что осталось Тому - его кровь, его боль, которую он причинил сам себе...

Том вывез из карьера и погнал «опель» в город.

Его остановила патрульная машина. Сержант потребовал права и сказал, чему-то улыбаясь:

- Будешь так ездить, быстро умрешь.
- Что ты знаешь о смерти?

Сержант расстегнул форменную рубашку и показал белый рваный шрам, ведущий от ребер к сердцу, продолжая улыбаться.

- Чечня?

- Карабах, - ответил сержант и отдал права. - Будешь так ездить, умрешь.

- А ты собираешься жить вечно?

- Как получится, у меня семья...

- А мне заботиться ни о ком не нужно, почти никого нет.

- Заведи кошку и рули по правилам. - Сержант застегнул рубашку и сел в машину, посигналив на прощание.

Том застал Женьку, собирающегося в карьер за янтарем, и подарил ему швейцарский нож - подарок Болталины. Он долго просил Женьку взять его с собой, но тот долго не соглашался, говоря об опасности данного предприятия. Опасность? То, что нужно! В конце концов Женька сдался, и Том обязался выполнять все указания Женьки беспрекословно.

Белесый луч прожектора скользнул по карьере. Друзья вжались в грунт. Охрана карьера обнаружила еще одного браконьера и теперь с увлечением травила его собаками и избивала резиновыми палками. Том сделал около сотни снимков, проклиная расстояния и испытывая огромное желание броситься вперед и снять еще, не взирая на опасность. Он сделал бы именно так, если бы не Женька.

Когда они выбрались из карьера, Том обнаружил, что его ветровка насквозь промокла от пота. Женька уже видел такие сцены и казался спокойным, хотя и волновался от увиденного. Собак Женька не любил еще с пятилетнего возраста, когда его совершенно без причины укусила здоровенная дворняга.

В машине Том закурил и запел свою песню.

Женька улыбнулся и достал из бардачка початую бутылку коньяка.

Сделав большой глоток, завинтил пробку и подставил голову свежему ветру.

- Я люблю тебя, жизнь, я люблю тебя снова и снова...

Фотографии карьера и его охраны, комментарий о браконьерах напечатал журнал «Ди Вельт» и они произвели эффект крушения поезда. Карьеру зарезали огромный западный кредит и сорвалось несколько крупных контрактов по продаже янтарной кислоты.

Было назначено расследование, и сотни очень заинтересованных людей искали неизвестного фотографа.

Том еще несколько раз ходил в карьер с Женькой и готовил книгу о войне в горах и в карьере. Но обстоятельства бывают выше человека. Журнал перевел деньги чеком, а для органов установить, сколько человек сотрудничают с журналом «Ди Вельт» - пара пустяков.

В 15 часов 45 минут к многоэтажке по улице Фрунзе подъехала кавалькада машин. Том стоял на балконе и курил. Он видел машины и знал, что это за ним. Он накинул рубашку и внезапно стал потеть как мышонок.

Включилось радио и Гребенщиков запел с полупhrазы: "Жить быстро, умереть молодым..."

- Я люблю тебя, жизнь, - усмехнулся Том и достал гранату из овощного ящика. Ему выбивали железную дверь, а он стоял на балконе, зажав рычаг взрывателя в руке. Кольцо валялось под ногами, Том улыбался.

Это хорошо, когда есть враги. Хорошо, когда их можно встретить гранатой. Хорошо, когда остается шесть секунд полета, ведь за это время можно сделать немецкой камерой тридцать шесть кадров.

Дверь выбили, и Том бросил гранату, а затем перегнулся через перила балкона.

- Я люблю тебя, жизнь...

А.П.

ЖАЖДА У ФОНТАНА

(Франсуа Вийон. 1431-1463?)

I

Однажды в детстве, когда мне было лет 13-14, читая газету, я наткнулся на странную фразу: «От жажды умираю над ручьем». Я уже давно забыл, какая это была газета, о чем была прочитанная статья и по какому поводу журналист, показав свою начитанность, использовал строчку из стихотворения Вийона. Тогда я еще ничего не знал об этом поэте. Но я хорошо помню ощущение какой-то таинственности, повеявшей на меня от этих слов, которые сразу же запали мне в душу и память. Наверное, это было предчувствие, предчувствие того, что мне еще предстояло многое узнать о человеке, для которого эти загадочные

слова стали эпиграфом его судьбы.

Несколько лет я хранил желание прикоснуться к этой загадке и надежду увидеть за ней нечто очень важное и интересное. Когда же я наконец открыл маленький томик стихов Вийона, то сразу же понял, что он оправдал и даже превзошел все мои ожидания. Вийон на самом деле оказался удивительным человеком, талантливым и веселым, смелым и остроумным, добрым к друзьям и неотразимо язвительным с врагами, мудрым и умеющим шутить даже на эшафоте, аристократически изысканным с вельможами и пользующимся доверием среди воров и бандитов, очень невезучим, но никогда не унывающим. Незаурядность и обаяние Вийона оказались столь велики, что мне захотелось побольше узнать не только о нем, но и о его современниках, об обществе, в кото-

ром он жил, и исторических событиях его эпохи.

И я стал собирать и изучать книги по истории Франции XV в., научную и художественную литературу о Столетней войне, чье завершение совпало с детством и молодостью Вийона, о прекрасной и восхитительной Жанне д'Арк, погибшей в год его рождения, которую он с любовью и почтением вспоминал в одной из своих баллад, и, конечно, о самом Вийоне. Но и все это вскоре мне показалось недостаточным. Я хотел непосредственного, живого общения с Вийоном без помощи переводчиков, литературных критиков и историков-комментаторов. Вот тогда-то я и начал читать произведения Вийона в подлиннике, не без труда вникая в грамматику старофранцузского языка, вслушиваясь в его звучание, делая подстрочные переводы. Уже имея к тому времени некоторый опыт рифмоплетства, я все же долго не решался на попытки собственных поэтических переводов его стихов. Ведь переводчик присваивает себе право представлять переводимого им поэта, говорить от его имени и должен быть ответственным за то, каким этот поэт предстанет перед иностранным читателем - во всей своей самобытности или как тусклое отражение своего подлинного дарования. А подводить своего любимца мне, конечно же, не хотелось. Но, убеждаясь раз за разом, как неточны, а порой и откровенно неудачны русские переводы Вийона, я в конце концов сам приступил к созданию поэтических переводов его стихов, стараясь доказать, прежде всего самому себе, что реальный, неискаженный Вийон может быть доступен русскому читателю.

II

А такая потребность в России, без сомнения, есть. Это видно хотя бы по тому, что сочинения Вийона большими тиражами издавались в России семь раз (один раз до революции; трижды - в советское время, одно из этих изданий в подлиннике, на старофранцузском языке; и трижды - за последние шесть лет). Кроме того, неоднократно издавались русские и зарубежные повести и романы о Вийоне, переведен на русский язык солидный научный труд о нем французского историка-модиевиста Жана Фавье, имеется огромное количество отдельных публикаций произведений Вийона в различных изданиях. И в этом нет ничего удивительного, ведь Вийон оставил значительный след в мировой литературе, в том числе и русской.

Кажется, Пушкин был первым из русских поэтов и писателей, упомянувшим Вийона в одной из своих литературно-критических статей, назвав его первым народным поэтом Франции, хотя и вос-

певающим кабаки и виселицу. Затем были И.Эренбург, Н.Гумилев, В.Брюсов, Э.Багрицкий и многие другие, чье творчество в той или иной мере испытало влияние Вийона. Незадолго до гибели О.Мандельштам посвятил ему одно из последних своих стихотворений:

*«Ладил с готикой, жил озоруючи
И плевал на паучи права
Наглый школьник и ангел ворующий -
Несравненный Вийон Франсуа».*

Думаю, это не было простой случайностью. Для Мандельштама, подвергшегося гонениям, Вийон в то время стал образцом стойкости и мужества перед всеми жизненными невзгодами, в вечном противостоянии поэта и власти, перед лицом самой смерти.

К сожалению, с тех пор мало что изменилось в лучшую сторону. Вот почему в наши дни русские поэты говорят о Вийоне с глубоким пониманием, искренней солидарностью и трогательным сочувствием, как, например, Л.Лавлинский:

*«Жил Вийон рассеянно и бурно.
Видели в подзорную трубу
При его рождении меч Сатурна.
Это, полагали, очень дурно
И сулит недобрую судьбу.
По Вийону плакала веревка,
Тосковали руки палача.
Но бродяжья муза - не воровка.
Сам король хихикал, бормоча
Дерзкие куплеты рифмача.
Сочинял бы умник пасторали!
Бунтарям нужна частица «бы».
Срам изгнания принял не вчера ли?
Даже след Вийона потеряли:
Меч Сатурна, омуты судьбы.
Уходи в бессмертие, скиталец,
Озаренный факелом стиха!
Дураки с поэтом расквитались.
Черепов сановная труха
Не расскажет людям, что глуха».*

У Вийона есть, чему поучиться, у него есть, что сказать любой стране, любой эпохе, тем более современной России, где все поставлено с ног на голову, как в его «Балладе перевернутых истин»:

*«Кто голоден, тот без забот.
Для службы только враг годится.
Лишь уголовником почет.
Лишь вор своим трудом гордится.
Правдива только небылица,
И уважаем лишь подлец,
И лишь избитый веселится,
И лишь влюбленный - не глупец».*

III

Как ни грустно, но подлинного Вийона русский читатель пока знает слабо. Дело в том, что Вийон - один из самых труднопереводимых поэтов. Его стихи при всей их образной содержательности и смысловой насыщенности очень лаконичны. К тому же они содержат множество реалий и намеков, которые были понятны во времена Вийона или даже только в его окружении, но совершенно непонятны современному читателю. Кроме того, сам жанр старофранцузской баллады, в котором написаны многие стихотворения Вийона, имеет одну из самых сложных поэтических форм со строгой системой рифмовки и требует от переводчика определенного поэтического мастерства. К этому еще добавляется сложность архаической грамматики старофранцузского языка. В общем, перед переводчиком Вийона встает труднейшая задача: в ограниченных рамках баллады передать образное, содержательное и смысловое богатство его произведений, сохранив при этом присущие им легкость и простоту восприятия, яркость и разнообразие поэтических метафор. К сожалению, имеющиеся русские переводы этими качествами отличаются не всегда. Ознакомившись с произведениями Вийона в подлиннике, я был поражен тем, насколько далеки русские переводы от своих оригиналов. Даже общепризнанные варианты переводов, считающиеся классическими, соответствуют подлинным стихам Вийона в лучшем случае только на 50-60%, а все остальное - авторская «отсебятина» переводчиков. Этим «переводам» нельзя отказать в талантливости, остроумии и других качествах, свойственных стихотворениям Вийона. Но это скорее самостоятельные произведения, написанные в стиле Вийона, подражающие ему, передающие его настроение, нежели переводы в точном смысле слова. Я уже не говорю о соблюдении стихотворных размеров и ритмике подлинников. Переводчики зачастую просто не обращают на это внимания.

Мне это кажется недопустимым, и не только мне. Прекрасный русский поэт Н.Гумилев - один из первых переводчиков Вий-

она - в своей статье о стихотворных переводах назвал поэтическую форму единственным средством выразить дух, а точное соблюдение строфы - обязанностью переводчика. По его мнению, переводчик поэта должен быть не только поэтом, но и внимательным исследователем и проникновенным критиком. Он должен забыть свою личность, думая только о личности автора.

Строго говоря, адекватный поэтический перевод стихотворений Вийона (как, впрочем, и других поэтов) невозможен в принципе. Но это не значит, что такие попытки - безнадежное и бесполезное занятие. Напротив, богатейшими средствами русского языка вполне возможно создать переводы, достаточно близкие к подлинным текстам Вийона и дающие русским читателям правильное представление о характере его поэзии. Именно к этому я всегда стремился, относясь к произведениям Вийона как можно бережнее. Даже если в силу разных причин мне не удавалось передать некоторые смысловые и образные тонкости его баллад, никакого произвола и «отсебятины» я не допускал.

IV

О Вийоне можно сказать так, как греки говорили о Гомере: «Каждому он дает столько, сколько тот может взять». Одни считают Вийона неумным авантюристом и искателем приключений, для других он - правдолюбец и бунтарь, не смиряющийся с

несправедливостями общества, третьим он кажется романтическим героем. Кто-то выделяет жизнерадостный юмор и оптимизм его поэзии, а кто-то - прежде всего его трагические баллады. Но, думается, было бы неправомерно разделять и противопоставлять юмористические и трагические мотивы его творчества. Они так же переплетены и неразделимы, как трагизм и комизм самой жизни. Это лишь две стороны одной медали. Юмор Вийона глубже, чем обычная веселость и примитивное зубоскальство. За видимостью смешного и забавного он раскрывает то, что серьезно и значительно. Вийон часто смеется над собой, не отделяя себя от смешного, потому что его юмор - это скорее примиряющая улыбка, часто улыбка «сквозь слезы», выражающая внутреннее приятие мира, несмотря на все его несовершенства. К поэзии

Вийона применимы высказывания философов Жан-Поля Рихтера, Зольгера, Шопенгауэра об универсальности юмора, содержащего целостный взгляд на мир, радость и скорбь, величие и несовершенство бытия, конфликт возвышенной души с низменной реальностью, борьбу жизни и смерти.

И все же для большинства читателей Вийон справедливо остается прежде всего автором забавных и ироничных стихотворений. Переводы некоторых из них и его поэмы юмористического и сатирического характера уже были опубликованы мной в димитровградских изданиях («25-й канал», №№44, 45, 1995; «ДП» №95, 1996). Но мне бы хотелось показать и другие стороны творчества Вийона, может быть, для кого-то менее известные.

V

Речь идет о серьезном направлении в поэзии Вийона, его трагической лирике, которая по художественному уровню и значению не уступает его шутливым и остроумным стихотворениям. Для Вийона, не раз стоявшего на краю гибели и терявшего своих друзей, тема смерти и ее неотвратимости была особенно важной. Вообще, не так уж много поэтов ощущали и выражали весь трагизм необратимости времени с такой же остротой, как это делал Вийон. Цикл его стихотворений на эту тему по средневековой традиции называют «Пляской смерти» (*La danse macabre*). Основой этого цикла, его центральными произведениями являются три баллады: «Баллада о дамах былых времен», «Баллада о сеньорах былых времен» и «Баллада на старофранцузском языке». «Баллада о дамах» - это, пожалуй, единственное стихотворение Вийона, не нуждающееся в новых вариантах перевода. В последний сборник Вийона вошло 11 (!) переводов этой баллады, выполненных разными авторами с различной степенью точности и поэтических достоинств. Вряд ли есть другое произведение зарубежной литературы, которое вызвало бы столько попыток перевести его на русский язык. Причем, в превосходных переводах В. Брюсова, Н. Гумилева, Ф. Мендельсона, В. Дмитриева сохранены не только размер, но и почти все персонажи и образы подлинника. Несмотря на все это, я сделал еще один перевод «Баллады о дамах», так сказать, из спортивного интереса.

В отличие от этой баллады «Баллада о сеньорах» и «На старофранцузском языке» такого внимания переводчиков не привлекли, хотя все они неразрывно связаны общей идеей и композицией. По крайней мере опубликовано только три варианта переводов этих баллад. Может быть, по моим переводам читателю труд-

но почувствовать ту почти философскую глубину, которой достигает Вийон в этих трех балладах. И все же простые, на первый взгляд, изречения Вийона содержат глубокий смысл и напоминают вечные истины Екклесиаста об одной участи, постигающей всех - мудрого и глупого, богатого и бедного, грешного и святого, - о земной жизни, которая суета сует и томление духа.

Переводы двух следующих баллад уже публиковались мной в городской прессе. И все же я повторно предлагаю их вниманию читателей, даже рискуя показаться навязчивым. Дело в том, что «Баллада состязания в Блуа» и «Баллада повешенных» являются самыми известными и, без сомнения, самыми лучшими произведениями Вийона. Эти баллады очень важны для понимания его личности, так как в них наиболее ярко выразились противоречивость его характера и трагизм его мировосприятия. Вот почему любой разговор о Вийоне без упоминания этих баллад был бы неполным.

На первый взгляд может показаться, что они хорошо известны русскому читателю, поскольку существует несколько вариантов их переводов. Однако все они имеют значительные отступления от подлинного текста. В особенности это относится к переводам «Баллады состязания в Блуа», в которых искажения начинаются уже с первой строки. Где только ни заставляли переводчики умирать от жажды бедного Вийона - и над ручьем, и над родником, и у реки, - но только не у фонтана, как это сказано в подлиннике. Даже в лучшем переводе, выполненном И.Эренбургом, лишь 20 строк из 35 в какой-то мере соответствуют французскому оригиналу, притом без всякого соблюдения их последовательности. Опять-таки я понимаю, что и в моем переводе эти баллады могут не произвести на читателя впечатления шедевров. Это вполне естественно, так как любой, даже самый точный, перевод в художественном отношении всегда будет ниже своего оригинала. Читатель должен учитывать это и не переносить недостатки и изъяны перевода на само произведение. В общем, если баллады Вийона кажутся слабыми, пусть это остается на моей совести, вернее, на скромном уровне моих способностей и знаний.

VI

Последняя представленная здесь баллада относится к 11-ти балладам, написанным Вийоном на арго кокийяров, т.е. на жаргоне французских уголовников XV в. Даже современники Вийона далеко не все понимали этот язык. И в настоящее время точ-

ное значение многих жаргонных словечек остается неизвестным, а о смысле большинства фраз приходится только догадываться. Хотя общее содержание этих баллад более или менее ясно, однако невероятно сложно выразить его на русском языке, сохранив дух, стиль и форму подлинника. Лишь совсем недавно, в 1996 г., были опубликованы первые переводы семи воровских баллад Вийона, а в 1998 г. наконец-то вышло первое русское полное собрание его сочинений, включая и все 11 баллад на блатном языке.

Однако к радости всех любителей поэзии Вийона в связи с выходом этой долгожданной книги подмешивается чувство некоторой досады. Наряду с не всегда точными, но уже привычными старыми переводами И.Эренбурга и Ф.Мендельсона и новыми добротными переводами Ю.Кожевникова и Ю.Корнеева в книгу Вийона вошли и очень слабые во всех отношениях переводы, авторами которых были малоизвестные посредственные поэты разных лет. Очевидно, составителю книги Е.Витковскому следовало бы проявить больше внимательности, чтобы выбрать действительно достойные переводы, да и в его вступительной статье о Вийоне имеется немало ошибочных и спорных суждений. Что же касается воровских баллад, то переводчики в своем стремлении передать их уголовный колорит явно утратили чувство меры. Они использовали либо слова из современного русского блатного жаргона, вряд ли уместные в стихах средневекового французского поэта, хотя бы и преступника (например: «менты», «урка» и др.) либо откровенные непристойности и даже нецензурщину.

Явьсьма далек от ханжеской морали. В прежние времена меня самого забавляли, а иногда и раздражали попытки переводчиков смягчить некоторые резкие выражения Вийона и заменить его чересчур крепкие словечки на более приличные. Но теперь, с нашей свободой слова, ставшей на деле свободой безвкусицы, пошлости и хамства, когда солидные литературные журналы не стесняются публиковать то, чему место на заборах, в грязных подворотнях, даже смелые поэтические хулиганства Вийона, по-видимому, кажутся уже недостаточными. Но каким бы задирой и сквернословом ни был Вийон, это не дает права переводчикам подменять его особенный сленг несоответствующей ему русской похабщиной и ненормативной лексикой. Хочу оговориться, что я вовсе не против использования русского блатного языка или даже непарламентских выражений при переводе воровских баллад Вийона, однако такое использование может быть оправдано только максимальной смысловой и стилиевой близостью к оригиналу. Мой перевод одной из этих баллад, конечно, тоже далеко не идеальный, но это, пожалуй, самое оптимальное сочетание духа и буквы

подлинника, на которое я был способен, выражая их на русском языке.

И все-таки новая книга Вийона чрезвычайно ценна, так как любая публикация его произведений, любое упоминание о нем в русской печати рано или поздно приведут к тому, что количество превратится в качество, и у нас, наконец, будет издание переводов Вийона, хорошо передающих содержание и сохраняющих все лучшие качества оригиналов.

Серьезного литературного значения воровские баллады Вийона не имеют. Они скорее интересны как оригинальное историческое свидетельство, сохраняющее специфические средневековые реалии, фрагменты повседневной жизни и живой язык самого «дна» французского общества XV в. Кроме того, эти баллады дополняют портрет самого Вийона, дают некоторое представление о его образе жизни, увы, не всегда праведном и добропорядочном. Историк и литературовед Жан Фавье, говоря о балладах Вийона на арго, называет их словесной игрой, фантазией поэта, потугами обыкновенного бродяги казаться настоящим крутым грабителем, которым он, якобы, на самом деле не был. Можно понять современных благопристойных французов, которым не хочется верить, что один из лучших французских поэтов был преступником, и они пытаются доказать обратное даже вопреки хорошо известным фактам. Но мы, русские, никогда не зарекающиеся от сумы и тюрьмы, понимаем, что Вийон не нуждается в оправдании и приукрашивании. Он интересен нам именно таким, каков он есть.

*Вийон - бродяга и мошенник,
Распутник, вор и прохиндей -
К петле, затянутой на шее,
Приговорен судом людей.
Но есть пред Богом оправданье,
И искупают все грехи
Улыбка, скрывшая страданье,
В тоске - веселые стихи.*

Но по большому счету, в главном Фавье прав, прав не формально, а по сути. По складу характера Вийон действительно не мог быть убийцей и бандитом. Это хорошо видно по его стихам, в которых напрочь отсутствуют злоба и ненависть, даже когда он говорит о своих врагах. Вийон очень тяготился своим неопределенным положением между неустроенностью и конфликтами с законом, он старался вырваться из замкнутого круга бедности и сомнительных связей. Отсюда и его попытки найти поддержку у крупнейших аристократов, в том числе герцогов Карла Орлеанского, Рене Анжуйского, Жана Бурбонского, которые ценили его талант. Весьма вероятно, что о Вийоне знал и сам король Людовик XI. Но все эти попытки в конечном итоге заканчивались неудачей из-за того, что Вийон, когда обстоятельства заставляли его выбирать между обеспеченным низкопоклонством, сытым пресмыкательством перед сильными мира сего, с одной стороны, и полуголодной вольностью с риском для головы - с другой, всегда выбирал второе. Прикрываясь от своих неудач шутками и бравадой, Вийон стремился к другой жизни - спокойной и благополучной, но только не в ущерб гордости и независимости. Однако его желание начать такую жизнь так и осталось неутоленной жаждой. Жаждой у фонтана.

Франсуа Вийон

БАЛЛАДА О ДАМАХ БЫЛЫХ ВРЕМЕН

*Скажите мне, куда ушла,
Где Флора - украшенья Рима?
Где мир Таиса обрела
С Архипиадою любимой?
Где Эхо, что могла незримо
У рек на звук давать ответ,
Чья красота неповторима?
Но где снега минувших лет?*

*Где Элоиза, что была
Мудрейшей, за кого казнимый,
Оскопленный Пьер Абеляр
Взял в Сен-Дени монашью схиму?
Где королева, кем, гонимый,
Был Буридан в мешок одет
И утонул, на смерть судимый?
Но где снега минувших лет?*

*Где Бланш, как лилия бела,
С сиреной голосом сравнима?*

Где Жанна, что войну вела,
Сожженная непобедимой?
Где Беатрис с Алисой чтимой?
Графиня Мэна? Где их след?
Мать Божья, где они хранимы?
Но где снега минувших лет?

Принц, те года невозвратимы,
И этих женщин больше нет.
Не бойтесь слов, тоской томимы:
Но где снега минувших лет?

БАЛЛАДА О СЕНЬОРАХ БЫЛЫХ ВРЕМЕН

Где Калист, вечного Творца
Святейший римский представитель?
Он папы римского венца
Четыре года был носитель.
Бурбонский герцог, благ даритель,
Артур, чья над Бретанью длань,
И Карл Седьмой, освободитель?
Но где отважный Шарлемань?

С пятном огромным в пол-лица
Король, шотландцев покровитель -
Где он? Альфонса-храбреца
Из Арагона где обитель?
Где Кипра венценосный житель,
Отдавший смерти злую дань,
Как и Испании властитель?
Но где отважный Шарлемань?

Никто не избежит конца.
Жизнь - сон, а я - бессильный зритель.
Не воскресите мертвеца -
Хотите то иль не хотите.
Князь Ласло, чешский повелитель, -
Как приказать ему: «Восстань!»?
Где он и где его родитель?
Но где отважный Шарлемань?

Где алансонский граф - воитель,
Клакен, чья родина - Бретань,
Оверни молодой правитель?
Но где отважный Шарлемань?

БАЛЛАДА НА СТАРОФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

*Будь то апостолы святые,
Что в стихари облачены
И одеяния златые,
Иль будь то слуги сатаны,
Что злобою опалены,
С кем церковь вечный бой ведет, -
Из жизни все уйти должны:
Всех ветер смерти унесет.*

*И император Византии -
Великой доблестной страны;
И тот окроль, кто в дни былые
Французской темной старины
Вершил дела, что так славны,
И верой приобрел почет, -
Как ни были б они знатны,
Всех ветер смерти унесет.*

*Мудрейшие и молодые
Правители и их сыны
В Гренобле, Вене и другие,
Герольды их, что им верны,
Оруженосцы для войны,
Трубач, чей горн на бой зовет,
Хоть сыты все и все пьяны,
Всех ветер смерти унесет.*

*И принцы все обречены,
Как те, кто в бедности живет.
Пусть тем они удручены -
Всех ветер смерти унесет.*

БАЛЛАДА СОСТЯЗАНИЯ В БЛУА

*От жажды умираю у фонтана
И мерзну я в тепле, огнем согрет.
Я родиной зову чужие страны,
Нагой как червь, я словно князь одет.
И суждено мне до скончанья лет
В слезах смеяться, без надежды ждать,
В унынии отвагу обретать.
Я, радуясь, всегда тоской томим.
Могуч, хоть силы неоткуда взять,
Я всюду принят и везде гоним.*

*Я верю лишь тому, что очень странно,
И сомневаюсь где сомненья нет.
Все то, что явно, кажется туманно,
Закат я принимаю за рассвет,
И знание для меня - ненужный бред.
Выигрываю, чтобы проиграть,
Богат, но не хочу гроша достать.
Не будучи наследником ни чьим,
Я обречен наследство ожидать.
Я всюду принят и везде гоним.*

*Не знаю, что правдиво, что обманно.
Беспечен я и огорчен от бед.
Приобретаю все, что нежеланно,
И злюсь на добрый дружеский совет.
Я верю, что вороны черный цвет
По белизне лишь лебедю под стать.
Мешает мне, кто хочет помогать.
Свет истины в насмешке мной храним.
Я помню все, чтоб обо всем молчать.
Я всюду принят и везде гоним.*

*Добрейший принц, что вам угодно знать?
Все, что без смысла, я могу понять.
Свободен я и подчинен другим.
Что делать мне? Как милость не терять?
Я всюду принят и везде гоним.*

БАЛЛАДА О ПОВЕШЕННЫХ

*О братья, вы живете после нас.
Пусть ваше сердце зла к нам не таит.
Коль нас вы пожалеете сейчас,
И вас Господь в грядущем пощадит.
Вы видите: нас шестеро висит,
И наша плоть от времени теченья
Становится теперь добычей тленья,
Чтоб ветер в прах скелеты превратил.
Не смейтесь, видя наши униженья,
Молите Бога, чтоб Он нас простил.*

*Мы братьями теперь считаем вас,
И вы не причиняйте нам обид,
Хотя нас умертвил судьи приказ.
Беспечная толпа нас не простит.
Пусть у людей к казненным жалость спит,
Святой Марии Сын - нам утешенье.*

*Чтоб в милости не ведал он сомненья
И адский гнев от нас бы отвратил,
Не наносите мертвым оскорбленья,
Молите Бога, чтоб Он нас простил.*

*Нас оmyвает дождь в ненастный час,
И солнце обжигает и чернит,
Клюют сороки дыры вместо глаз
И отрывают бороды с ланит.
Нас никогда покой не посетит:
Туда, обратно ветра дуновенье
Качает нас, меняя направление,
И ворон клюв в тела нам запустил.
Имейте к нашей просьбе сожаленье:
Молите Бога, чтоб Он нас простил.*

*Князь Иисус, прости нам прегрешенья
И сохрани от адского мученья,
За все грехи здесь каждый заплатил.
О люди, здесь не место для презренья,
Молите Бога, чтоб Он нас простил.*

БАЛЛАДА НА АРГО (III)

*Кокийяры, не лезьте в Рюэль.
Берегитесь! - я вам говорю.
Здесь вы сядете живо на мель,
Потеряете шкуру свою.
Как Колен д'Экайе залетел
И, к легавым на дыбу попав,
Раскололся, про всех им напел,
Вместе с шкурой башку потеряв.*

*В золотишке святом видя цель,
Подбираетесь к монастырю.
Зря затеяли вы канитель,
Вам совет я по дружбе даю.
Кто рваньё поменять захотел,
Словно плут Монтины, тот не прав.
Лишь мешок он с петлею надел,
Вместе с шкурой башку потеряв.*

*Вы за тридцать морей и земель
Лучше спрячьтесь в далеком краю.
Без решеток, замков и петель
Жизнь там будет как будто в раю.*

*Кореша, мы наделаем дел,
Будем с прибылью, наворовав.
Здесь лишь плаху найдете в удел,
Вместе с шкурой башку потеряв.*

*Принц, ты тоже не суйся в Рюэль.
Если ты не изменишь свой нрав,
Попадешь к палачам в карусель,
Вместе с шкурой башку потеряв.*

Примечания

Баллада о дамах былых времен

Вийон перечисляет имена мифических, литературных и исторических героинь, которые в Средние века считались идеалом женской красоты, ума, благочестия.

Флора - римская богиня цветов, юности и наслаждения. Но во времена Вийона ее считали одной из красивейших женщин древнего Рима.

Таиса - афинская куртизанка, сопровождавшая Александра Македонского в его походах. По рассказам античных историков Дидора, Плутарха, Курция Руфа, она инспирировала поджог древней столицы Персии - г. Персеполя (330 г. до н.э.).

Архипиада - это имя произведено от имени греческого полководца Алкивиада (V в. до н.э.), считавшегося в древности образцом красоты. Из-за этого через столетия его стали воспринимать как красивую женщину.

Эхо - в греческой мифологии нимфа, которая по воле богини Геры стала немой и лишь повторяла чужие слова.

Элоиза (1101-1162) - возлюбленная философа, теолога и поэта Пьера Абеляра (1079-1142). Ее родственники отправили их в монастырь, а Абеляр к тому же подвергся оскотплению. Трагическая история их любви получила широкую известность.

Королева - либо Маргарита Бургундская, жена Людовика X, либо Жанна Наваррская, жена Филиппа IV.

Буридан - французский философ (1300-1358).

Бланш - Бланка Кастильская (1188-1252), жена Людовика VIII.

Жанна - Жанна д'Арк (1412-1431), народная героиня Франции, ставшая во главе освободительной борьбы против англичан во время Столетней войны (1337-1462).

Беатрис и Алиса - популярные персонажи средневековых рыцарских романов.

Графиня Мэна - Арамбурж Мэнская (?-1220).

Принц - традиционное условно-риторическое обращение к главе объединения или «братства» поэтов.

В мой перевод не вошло упоминание Вийона о Берте по прозвищу Большая ступня, матери Карла Великого.

Баллада о сеньорах былых времен

В отличие от предыдущей, в эту балладу вошли реальные исторические личности, близкие по времени к Вийону или его современники (кроме Карла Великого).

Калист - Альфонсо Борджа (1378-1458), папа римский.

Бурбонский герцог - Карл I (1401-1456).

Артур - Бретонский герцог Артур III (1396-1458).

Карл Седьмой - король Франции (1403-1461), при котором Франция одержала победу в Столетней войне и была освобождена от англичан.

Шарлемань - по фр. Карл Великий (761-814), король франков, завоевавший большую часть Европы и провозглашенный императором.

Шотландцев покровитель - Яков II, король Шотландии (1437-1460).

Кипра венценосный житель - Иоанн III (?-1458).

Альфонс - Альфонс V, король Арагона (1385-1458).

Испании властитель - Иоанн II Кастильский (1405-1454).

Князь Ласло - король Венгрии, Польши и Богемии (1440-1457), жених дочери Карла VII, Мадлены, умерший в 17-летнем возрасте.

Алансонский граф - его имя в балладе не указано. Во всех русских изданиях комментаторы считают, что Вийон говорит об алансонском герцоге, погибшем в крупнейшем сражении Столетней войны - битве при Азенкуре (1415). Но, на мой взгляд, более вероятно, что Вийон имел в виду другого, более позднего герцога Алансона - первого из видных полководцев, поддержавшего Жанну д'Арк и сопровождавшего ее в походах в 1429-30 гг. Этот герцог был лучше известен Вийону и как знаменитый военачальник, и как его современник.

Клакен - французский военачальник во время Столетней войны (1320-1380).

Оверни молодой правитель - Бери Овернский (?-1426).

Баллада на старофранцузском языке

Баллада названа так потому, что Вийон использовал в ней архаичные для своего времени слова. Она продолжает тему двух предыдущих баллад.

Стихари - одежда священников.

Император Византии - в подлиннике Константинополь (столица Византии).

Тот король - Людовик IX Святой (1215-1270).

Кроме Гренобля и Вены у Вийона упоминаются Дижон, Сален и Доль, не вошедшие в мой перевод.

Баллада состязания в Блуа

Написана Вийоном во время его пребывания при дворе герцога Карла Орлеанского. Первую строку придумал сам герцог и предложил своим придворным сочинить продолжение. В переводе сохранены не только все оксюмороны Вийона, но и их последовательность.

Принц - в данном случае прямое обращение к Карлу Орлеанскому.

Некоторые из парадоксов Вийона и сам прием использования контрадикций были широко известны с древнейших времен. Подобные фразы встречаются, к примеру, в Библии (см. 2-е послание коринфянам св. Ап. Павла, 4, 8-9, 6, 8-10).

Баллада повешенных

Другое название - Эпитафия Вийона. Написана в тюрьме в ожидании казни. В то время публичные разнообразные казни были популярным зрелищем и развлечением. Осужденных на казнь зрители подвергали насмешкам и издевательствам. Поэтому Вийон, представляя себя повешенным, просит у людей сочувствия.

Баллада на арго

Кокийяры - банда грабителей и воров во времена Вийона и позже. В буквальном переводе с фр. - нищие. Возможно, первоначально кокийярами называли паломников к святому Иакову Компостельскому, эмблемой которого была раковина (по фр. coquille - «кокий»).

Рюэль - селение под Парижем, где часто собирались злоумышленники.

Направляться в Рюэль - на жаргоне означало заниматься грабежом на дорогах, ведущих в Париж.

Коленд"Экайе - сын слесаря, искусный взломщик, соучастник Вийона по одному крупному ограблению. Фавье пишет, что ему отрубили голову. По другим данным, он был повешен в сентябре 1460 г. Из баллады Вийона не ясно, о какой казни идет речь, но, на мой взгляд, вторая версия предпочтительней.

Подбираетесь к монастырю - в подлиннике монастырь Тамплъ, владение ордена тамплиеров неподалеку от Парижа.

Монтины - Ренье де Монтины, член шайки кокийяров, приятель Вийона, не раз упоминавшийся в его стихотворениях. Монтины имел дворянское происхождение, совершил несколько взломов и грабежей и был повешен в 1457 г., несмотря на усилия его родственников, влиятельных людей и даже членов суда и Ратуши.

Принц - прямое или условное обращение к главарю шайки.

Показательно, что в этой и других балладах Вийон призывает своих дружков не к отказу от преступного промысла, а к осторожности, чтобы избежать наказания.

**Вячеслав
ПЕРВУШИН**

ДАКОТА

Рассказ четвертый.

ЧАСТЬ II

Глеб ожидал чего угодно, только не этого. Он поперхнулся сигаретным дымом и закашлялся.

- Ребята... О, Господи... Это шутка что ли такая?

Теплые, влажные губы Женечки коснулись уха Дакоты, и он с удовольствием вдохнул терпкий запах алкоголя и духов «Опиум». Волосы пахли морем.

- А я не считаю, Глебушка, три пластических и одну операцию на голосовых связках шуткой. К чертям собачьим такие шутки, милый. Полгода под бинтами и почти два месяца молчания - это по-твоему шутки?

- Дай мне твою руку, - прошептал Глеб.

Её крепкая и в то же время по кошачьи ласковая ладошка послушно нырнула под рубашку и легла на сосок. Грудная мышца Дакоты превратилась в камень.

- Жен... Инга, что ж ты делаешь-то? Я же попросил твою ладонь в... Нет, нет, нет, не туда!.. Джокер, перестань ржать, как лошадь!...

- Ну, а ты, что, как девочка: «ой, ой, ой, не туда!»

- Да на месте у меня этот шрам, Глебушка, на месте. Куда ж 78 он денется? Это же от твоего ножа...

Личный дневник Глеба «Д».

**05.04.1991г. Базовый лагерь частей спецназначения «Стади-
но». Южный Урал.**

Сегодня, чёрт побери, меня называли зверем!.. Недоноски! Пятнадцатикилометровый марш-бросок по горам и десятиминутный рукопашный бой и всех дел-то. А у них поджилки трясутся. Оттаскивай. Всех... Размечтались, орлята! А не хотите парочку «вертушек» (да, каюсь, не было этого в учебном плане, я с ребятами договорился по-свойски, чтоб накрыли наш квадрат. Слегка. В два захода).

«Они что?! Ох...ли там все?!» - так закричала она, увидев двух «мишек», вынырнувших из-за скал и на бреющем заходящих для атаки в периметр. Наконец-то! Наконец-то наша девочка-эстонка матом выругалась! По-русски! Так-то, Инга. Это тебе не на рояле Шумана играть! Это тебе вообще не играть. И никакие крылышки, мать вашу, ни «олвейз», ни «олдэйз» не помогут! Выше собственной задницы не взлетишь! В ельничек, под камушки и мордой в грязь. Не желаете?.. Упокой, Создатель, ваши души, ребятки, если что... О, Господи, вот и руки затряслись. Что-то рановато. Что-то рановато фенамин отпускает... Это если мне сейчас так погано, то каково же сейчас этим маменькиным сынкам... и одной дочке... И какой придурок допустил девку в спецчасть?! В мой отряд! Ведь к беде всё это, чувствую, все к беде... Хотя с другой стороны... Беги от себя, не беги, а зеркало-вампир всё равно ткнёт тебя поутру твоей же мордой в твою же собственную харю. А мне вроде как плевать. Я, как кролик. Я всё равно бегу, задыхаюсь уже, ноги уже отказывают, сердце вот-вот лопнет, как воздушный шарик, а я - бегу. Круг за кругом. Еще круг, еще, еще...

Я не люблю её, не люблю, не люблю.. люблю. Люблю... Нет, пусть болтают что хотят, но я не специально распорол ей руку штык-ножом. Я... Я же просто показал ей что может быть, если ворон считать, глазки взводному строить, показуху, мать растак, устраивать! Ножки красивые выше головы с умом задирать надо, бить надо, а не о том думать, как камуфляж сидит... Боже, как хорошо на бумаге-то получается, а стоит к ней подойти - и будто с похмелья из-за угла мешком напугали. Словно кто-то в рот промакашку запихал... Может быть это всё-таки любовь? Скорее всего - да. И скорее всего у отряда нет на этот счет никаких сомнений, а у неё никаких возражений... И что должно было произойти, разумеется, в конце концов произошло. Она пришла сама. Она улизнула из госпиталя и пришла.

- У тебя давно не было женщины, командир? - спросила она,

прижимая к маленьким, крепким грудкам зашитую, перевязанную руку, пробитую мной. Моим ножом.

- Не помню, - честно сказал я.

- Хочешь меня, - спросила меня и кокетливо наклонила коротко стриженную голову.

- Да, - вырвалось у меня, прежде чем я вообще о чём-нибудь успел подумать...

Очухался (другого слова не подберёшь) я только на рассвете и чувствовал себя как боксёрская груша к концу тренировочного дня. Она улыбалась. Я никогда не забуду эту улыбку. Я думаю, что никогда.

-А ты не только хороший боец, - прошептала она и исчезла.

Так и начался, собственно, этот военно-половой роман...

МОСКВА. ВДНХ. 09.09.1998г. 12ч. 18м.

Новенький чёрный внедорожник «НИССАН ПАТРОЛ» был припаркован в редкой тени старых тополей, окрашенных в жёлто-багряные, ядовитые тона. Поляризованные стёкла джипа не позволяли любопытному взгляду проникнуть внутрь салона. По стёклам будто призраки скользили молоденькие девушки с цветными зонтиками, похожими на кляксы Роршаха.

Над Москвой шёл дождь.

Двое мужчин в джипе сосредоточенно курили и лениво беседовали. Каждый был по своему интересен. Тот, что сидел за рулём - лет сорока пяти, пребывал в строгом черном костюме с золотой булавкой в шёлковом галстуке, с роскошной седой шевелюрой и с таким выражением лица, как будто десять минут назад хряпнул стакан антифриза и всё еще никак не мог разобраться в своих ощущениях. В холёной руке он нервно вертел золотой «Ронсон», чудесно гармонирующий с изящным золотым перстнем, на котором была выгравирована латинская буква «K». На руке отсутствовал мизинец.

Второй, куривший «Честерфилд», был молод и трагически небрит. По изуродованным костяшкам пальцев и мощным дельтовидным мышцам можно было предположить, что игра на фортепиано не входила в круг его интересов, равно, как живопись, литература и балльные танцы.

Костюм на небритом тяжеловесе был дорогой и абсолютно дурацкий, и, вообще, выглядел он на три «Р» - «Ролекс», «Ронсон», «Рэйбан» - обязательные атрибуты русского бизнесмена средней руки и ещё более среднего интеллекта. «Честерфилд», как ему и должно, вонял не табачными заводами северной столицы, а солнечными полянами города Луисвилл штат Кентукки. К

уверениям «сделано по лицензии...» немусикант относился неуважительно. В изувеченных руках небритый молодец держал чётки.

- Ну?, - выдохнул он и поправил очки, сидевшие и без того, как влитые. - Что дальше?

Сидевший за рулем неодобрительно крякнул:

- Деньги получил?

- Ну. Пятнадцать грандов.

- Пятнадцать после подтверждения, как договаривались. Минут через... - седогривый посмотрел на часы, - ...минут через двадцать подъедет белая «девятка». Номера калининградские, документы - чистяк, ДБИЖО! - сказка, спидометр кладёт легко. Отвалишь на ней. Сразу. И без остановок... Вот, держи, - беспальный протянул объёмистый бумажный пакет, - Здесь паспорт, литовская виза, штука в марках - для таможи... Короче, всё, что надо и, разумеется, всё - настоящее. Легенда прежняя, изменений никаких.

- Прикрытие? Связь?

- Ничего. Никого. Ты один. Всё что нужно знать о них, ты знаешь... И, по-моему, даже то, чего тебе знать не полагалось.

- Не люблю, когда меня за придурка держат, - огрызнулся небритый и стал перебирать чётки. - «Обычные спецы...» Обычные, мать их, не проходят подготовку в Пакистане, Сенегале, Перу...

- Тише, тише, тише... Спокойно, Коля, не дёргайся. Ты тоже в «Руси» прошёл примерно такую же подготовку.

- «Примерно»? Так значит есть разница?

- Есть. Есть, Коля, голубчик. Одна, но серьёзная. Ты, Коля, извини за прямоту, десять классов с трудом, а Дакота хоть сейчас кандидатскую по лингвистике, или искусствоведению. Ты убиваешь, чтобы убить, неважно по приказу или за бабки, а Дакота, прежде чем убить, просчитывает всё на десять ходов вперёд... Сукин сын... От его убийства убитому - легче всего, вот в чём вся загвоздка. Последний раз он так двух ответственных товарищей подставил, что... Короче, сейчас они очень ответственно отдыхают в нижнетагильской 13-ой спецзоне за это убийство, которое сами и разрабатывали. И смех, и грех...

- Ни хрена смешного, - мрачно заявил Коля и насупился. - О таких вещах сразу нужно предупреждать, а не пудрить мне мозги - «парень свихнулся, парень загружен выше крыши, парень от собственной тени шарахается...» По-моему, это вы до сих пор от него, как от чумы шарахаетесь...

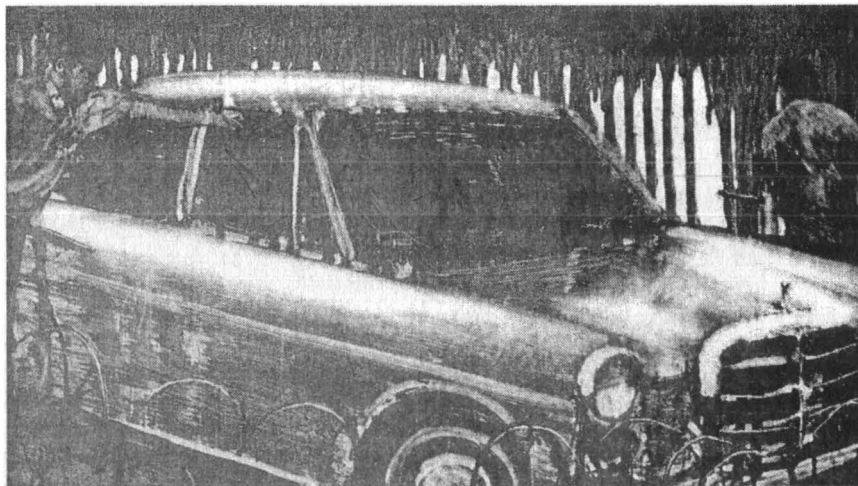
- А вот твоего мнения, Коля, никто не спрашивает и спрашивать не собирается, - оборвал его собеседник. - Если тебе что-то непо-

нятно, например, за что тебе тридцать штук зелени отвешивают, ты так и скажи, а не дёргайся.

Стокилограммовый Коля долго и угрюмо глотал табачный дым и сверлил озлобленным взглядом лобовое стекло джипа.

- Ладно. Работа есть работа. Я в отказ не иду, я просто говорю, что надо было мне сразу всё рассказать об этом супермене... Да где эта долбанная «девятка»?!

- Не шуми. Еще рано. Лучше усвой вот что. Постарайся отработать их поодиночке, отдельно друг от друга. Девку - первой. Постарайся - первой. Дакота - её бывший любовник, сыграешь ему на нервах - легче будет, сам знаешь сколько крутых ребят на бабах спалилось... Только будь осторожен с этой сучкой - змея хитрая. И не смотри, что баба, мурлом не щёлкай, иначе можешь сразу себе место на Ваганьковском покупать... Ага, вот и наша тачка...

Коля Римский был в принципе хорошим воином, отлично натасканным бойцом, но абсолютно недисциплинированным. Имеется в виду САМОдисциплина. И, что правда то правда, - недалёк был Римский, как утреннее похмелье у алкоголика со стажем. И как следствие, давно не имевший материальных возможностей кутнуть на полную катушку, бывший сержант спецподразделения «Русь», штурмового отряда «Кобра» и теперешний киллер, не преминул потратить сотню-другую долларов в ближайшем же кабаке города Смоленска, нарушая тем самым все инструкции своего нанимателя. О нанимателе Коля знал только одно - связан

наниматель был каким-то образом со Службой внешней разведки, и это давало ему острое беспокойство надеяться, что после выполнения своей работы кто-нибудь незамедлительно сработает его самого, а стало быть с исполнением заказа беспалого особой необходимости торопиться не было.

А ничем особым смоленские кабаки от любых других в России не отличались. Те же прибитые рожки с мобильными телефонами в лапах, те же молоденькие, но уже изрядно потасканные сучонки рядом с ними, тот же «Мальборо», сляпанный в подвалах Мариуполя, тот же «Мартини», разлитый из ржавых бочек где-нибудь в Осетии... Тоска, ребята. Ох и тоска...

КАЛИНИНГРАД. Ул. ПОБЕДЫ 5/23. 10.09.1999г. 18ч.35м.

После того, как бывшие сослуживцы перебрались из тёмного, грязного, крысиного, в прямом смысле этого слова, ангара №18 на квартиру к бывшей любовнице бывшего командира бывшей диверсионно-разведывательной группы «Паллада», а промозглый, осенний балтийский вечер навалился на город всей своей свинцовой тушей, и водка уже не пьянила, и воспоминания были жеваны-пережёваны, Глеб нервно размазал окурки по дну безликой хрустальной пепельницы:

- Ну, ладно, господа супермены! Вечер выпускников предлагаю закончить. Утром хрустальные слезы и высморкаемся. Мне, не спорю, понравились все ваши сюрпризы: особенно вот этот, - Дакота указал на валявшуюся пачку десяти- и двадцатидолларовых купюр на журнальном столике. - Мне импонирует, что за мою скромную персону вам отвалили такой щедрый гонорар, но... Есть во всём этом одно «но». И это поганое «но» не даёт мне покоя...

- О, командир, и куда ж это подевалась вся твоя романтичность, - приторно вздохнула Инга, с помощью денег и талантливых рук хирургов-косметологов, превратившаяся в Женю, к чему Глеб до сих пор никак не мог привыкнуть. Не к имени, конечно, и не к хриплому, с томным придыханием голосу, а к аппетитным ямочкам на щеках, пухлым, чувственным губам и лисьему разрезу светло-голубых глаз. «Всевышний, куда подевалась моя бесцветная эстонецка? - подумал он. - Уж не знаю радоваться мне этому преобращению или нет».

- Особенно романтично, наверное, я выглядел в Ялте, в кафешке возле «Юбилейного», когда ты рассматривала меня в оптический прицел «АСАХИПЕНТАКС»?

- Я понимаю твои сарказмы, Глеб, - пьяно и обворожительно улыбнулась Инга-Женя, - но тогда ты действительно выглядел очень-очень романтично. Как... как бездомный поэт.

- А-а. Знаю. Это те, кто пишет объясниловки ментам пятистопным ямбом и трёхэтажным матом? И что же? Море, солнце, горы, романтика и - Инга расчувствовалась? Она вспомнила Урал и любимого командира, который пробил ей кисть штык-ножом, чтобы показать, что баба в спецчастях - это еще хуже, чем трезвенник в пьяной компании?

- Инга вспомнила, как любимый командир целовал и ласкал ее...

- Не напрягайтесь, ребята, - встрял Саня Сивцов. - Что ты, Дакота, в самом деле заводишься? С тобой же по-людски.

- Это кто со мной «по-людски»? Это чьи шавки меня в стрип-клубе хотели пришить? И чей это стрип-клуб, а, Джокер? Кто это у нас теперь бизнесмен?

- Осади, командир, - положила Инга свою крепкую, сухую ладонь на плечо Глеба. - Джок же тебе объяснил. Ведь если даже я в Ялте тебя еле-еле узнала, и то по одному мне известному жесту, - Инга-Женя рассмеялась, - не при посторонних мужчинах будь сказано, то уж Саня-то тебя в таком обличье... Ты же сам нас учил: пока не будешь уверен на сто процентов...

- Госпожа Ризене, я не нуждаюсь в адвокате, - пробурчал Сивцов, машинально тасуя неизменную, хрустящую покерную колоду карт. - Глеб прав. Я разжирел тут, зажрался, zenки у меня заплыли, как у свиньи...

- Мозги тоже, - пропела Инга Ризене.

- Мозги тоже, - кивнул Джокер. - Ах, ты...

- Чисто, как дети, - покачал головой Глеб и впервые за вечер улынулся. - Знаете анекдот про то, как еврея в спецназ призвали?

- Так точно!, - в один голос гаркнули кавалеры орденов Красной Звезды и Боевого Красного Знамени и расхохотались.

- Приятно слышать здоровый детский смех, - пробормотал Дакота. - Особенно - соседям. Ладно, предлагаю тост. За единственную среди нас! За единственную среди нас в своём роде - я имею в виду - женском, за Ингу Ризене!

- За Евгению Ронскую! - поднял свою рюмку Сивцов и отбросил покерную колоду в сторону.

- За вас, джентльмены, - подмигнула Инга и повела плечиком, поправляя сползшую бретельку шикарного вечернего платья.

- Джентльмены пьют стоя, - поднялся Дакота. - Россия - превыше всего!

- С нами Бог, - рявкнул Джокер и опрокинул рюмку в глотку.

- Ребята, что за национал-социалистские лозунги? - погрозила пальчиком Инга.

- А что нам «Америка, Америка...» распевать? - Саня махнул рукой и полез за сигаретами, скользя взглядом по окрестностям стола в поисках зажигалки. - Эй, коллеги... Кто верит в приметы?

- А что случилось?

- Посмотрите, - указал он на распластавшуюся, рассыпавшуюся колоду карт. - Клянусь, специально я этого не делал. Чёрт побери, я слышал о подобных фокусах, но чтобы случайно... Самые обычные финские пластиковые карты, пятьдесят четыре листа - стандарт...

Инга и Глеб, как зачарованные, смотрели на карты. Вся рассыпанная колода веером валялась вокруг столика. И вся весёленькими рубашками в виде древнекеельского орнамента кверху. Вся. И только два джокера плотоядно скалились и косились безумными глазами на притихших людей.

- Очень интересно, - буркнул Дакота.

- И что это должно означать? - спросила Инга. - Ты-то уж наверняка знаешь, карточный специалист.

- Я может быть и специалист, но не гадалка... В картах джокер - это в общем-то всегда неплохо, если, конечно, он у тебя на руках...

- А если он на руках у другого? - спросил Глеб, поднимая карту с пола и рассматривая злобного клоуна в шутовском колпаке с бубенчиками. Казалось, шут сейчас скажет что-нибудь типа: «Что, попался, гад?»

- Если на руках у другого, - задумчиво проговорил Сивцов и поскреб пробивающуюся щетину на подбородке. - Во-первых, надо знать у кого он из играющих, во-вторых, что есть у играющего на руках ещё что-нибудь кроме этого шутника, ведь джокер сам по себе ни хрена не стоит, если рядом с ним нет сильных карт, а в третьих... - Саня замолчал и стал нарочито медленно разливать по рюмкам.

- Не томи, катала, - сказал Дакота, шлёпая картой о стол.

- В-третьих, никогда не надо забывать о том, кто твой противник и способен ли он на крутой блеф.

- Ты это сейчас о картах вообще, или...

- Или, - буркнул Джокер и криво ухмыльнулся, что Дакоте совсем не понравилось.

- Вот что, ребята, - Глеб откинулся в кресле, не упуская из вида глаза и руки Джокера и Инги, и пустил жирную струю в потолок. - Пора бы нам кое-что прояснить. Для начала я предлагаю поведать мне историю о том, кто, когда и для чего приказал ликвидировать нашу группу и, в частности, меня. И почему именно вам приказал,

а не, скажем, Вадику Чернову, или Пашке Заварзину, Царствие им Небесное.

Инга испытывающе и пронзительно посмотрела на Саню и барабанила маникюром по столу.

- К чему был весь этот маскарад в клубе, а, Инга? Ведь ты же знала, что я - это я? Ты не могла не узнать меня.

- Мне хотелось проверить узнаешь ли ты меня, - прошептала та и грустно улыбнулась. - Венский каприз. Глупо, конечно.... - она пожала плечами. - Я - женщина, чёрт побери! Да, я - снайпер, подрывник, диверсант, но я еще и просто баба! И, между прочим, любящая баба, дьявол тебя дери, Дакота!.. Дьявол тебя дери...

- Эмоции, - вяло махнул рукой Джок. - «Просто бабы» в спецвойска не попадают, тем более в «Палладу», или, например, в «Кобру». Ты, Инга, слезу-то не жми.

- Да пошёл ты, карточный король занюханый!

- Кончайте пьяный базар, - Дакота устало потёр переносицу. - Не нравится мне всё это. Недомолвки эти ваши, переглядки. И совсем не нравится, что ты, Саня, «Кобру» помянул... С чего бы это вдруг? Дружки появились? - от Глеба не ускользнуло, как вздрогнула и побледнела Инга. - Это, что ли, то самое твоё «правительство», на которое ты работаешь, которое пожелало всех нас похоронить за казённый счёт? Кстати, не напомним ли кому там «Кобра» конкретно подчинялась? Не персонально ли начальнику охраны Кремля?

- Дакота, ты стал непоследовательным, - не то прошипел, не то прошептал Саня. - То дружеский «вечер выпускников», как ты называл наши посиделки, то допрос. Между прочим, я мог тебя убить ещё в порту...

- Вот это-то меня и интересует больше всего. Почему ты этого не сделал. Ведь у тебя же контракт. И я, кстати, не осуждаю тебя за это-каждый зарабатывает на жизнь как может... Почему ты не выполнил главный, я так думаю, пункт этого контракта - ликвидировать меня? Мне плевать на то, кто и как прижал тебя, чтобы подписаться на это... хм... рискованное дело, но...

- Джок здесь не при чём, - Инга ударила по столу с такой силой, что опрокинулись рюмки. - Он же сам дал тебе наголку, что «джокер сам по себе ни хрена не стоит»!

- А я всё думаю - долго ты выдержишь, или нет, - совершенно равнодушно проговорил Дакота и достал из-за пояса мощный, тупорылый «Грач». - У тебя всегда было неважно с психологической подготовкой, Ризене, - и Глеб положил пистолет на стол, в лужу водки «Распутин». - Держи. С пятнадцати метров пробивает любой бронежилет.

- Инга!, - вскочил было со своего места Саня. - Не делай...

- Сидеть! - и Инга, она же Женя, взяла оружие со стола. - Дакота прав - зря ты «Кобру» помянул. А ты, Дакота, всегда «шерше ля фам»?

- Угу, - Глеб демонстративно закинул ногу на ногу. - Как только «фам», так я сразу её «шерше».

Инга побелела и навела пистолет на Дакоту.

42 километр трассы Смоленск-Минск. 20ч. 15м.

Рымский - злой, как собака и пьяный, как свинья, послушно остановил машину с действительно зверским движком возле милицейского блокпоста и, приглушив ревущую магнитулу, поинтересовался у подошедшего к нему младшего лейтенанта:

- Тебе чего, козёл? Деньги кончились?

- Выйдите из машины и предъявите документы, - заявил гаишник, немного опешив от такого приветствия.

- Я сейчас выйду, - пообещал бывший сержант-штурмовик «Кобры». - Я сейчас тебе предъявлю. Я тебе так предъявлю, что ты до конца дней своих заикой останешься... К лейтенанту спешили два сержанта с «АКМС»-5,45 на перевес.

- Что здесь происходит? - спросил тот, что поздоровей и понаглее, обращаясь к лейтенанту, обалдело наблюдавшему за выползанием Рымского из-за руля.

- Ваше увольнение из органов, - заявил Коля, принимая вертикальное положение и злорадно разглядывая гаишников с высоты своих ста девяноста сантиметров. Из внутреннего кармана пиджака он доставал документ. Документ представлял из себя ни много ни мало, удостоверение Генерального штаба, из которого явствовало, что предъявитель сего - Николай Петрович Рымский являлся майором вышеуказанного штаба и «офицером по особым поручениям». Если бы наниматель Рымского знал о существовании этого документа, документ был бы, разумеется, изъят из обращения и, возможно, сделка вообще бы не состоялась, но... Коля просто прикрывал свою задницу как мог и чем мог, учитывая особую специфику «задания» и собственного характера. А собственный характер, что само по себе делало ему честь, знал он прекрасно...

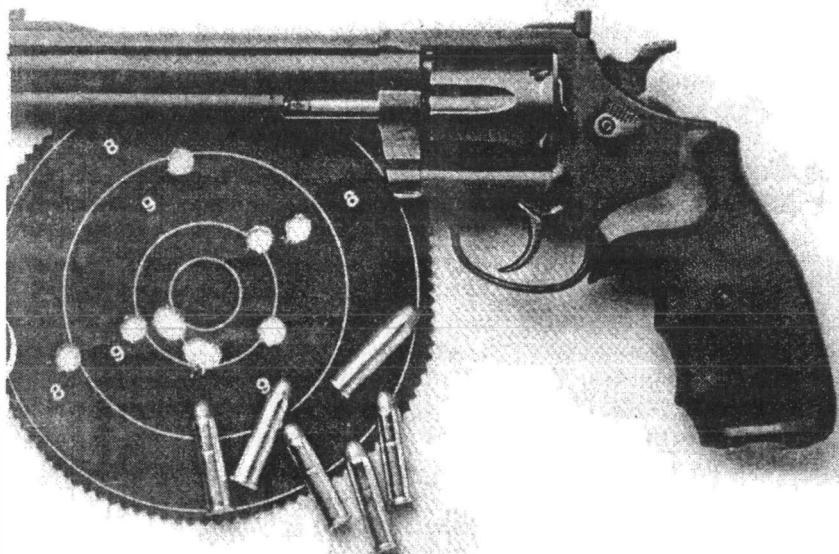
Когда «габариты» белой «девятки» с калининградскими номерами скрылись из поля зрения милиционеров на наплевательски недозволенной скорости, а младший лейтенант всё ещё переваривал колено обещание всех поувольнять «к ебе...м собачьим», сержант - тот, что поздоровей, - неуверенно проговорил:

- А может быть запросить...

-Я те запрошу, - вяло сказал «младшой». - У них в Москве свои проблемы, а мы потом отдувайся. Нет уж, на хер!

И младший лейтенант, так дороживший своей маленькой звёздочкой на погонах, который в корне мог бы изменить судьбы многих сильных мира сего, в сердцах плюнул на чёрный асфальт.

В это самое время Дакота под стволом пистолета, как казалось, совершенно равнодушно выслушивал исповедь своей бывшей любовницы.

Продолжение следует.

**Елизавета
ПАРФЕНОВА**

«Я СЛОВНО ЛОДКА В ОКЕАНЕ»...

О СУДЬБЕ

*Я пойманная птица, посаженная в клетку.
Ослабили мои крылья, но хочется летать...
Только в моей клетке дверей-окон нету,
И теперь мне волюшки больше не видать.
Выдежду ль неволю - я пока не знаю.
Бьюсь о клетку крыльями, но мне уж не взлететь...
И смириться надо - это понимаю,
Но боюсь, придется в клетке умереть.
Ну а что поделать, коль судьба такая:
Как она захочет, так и повернет.
Может быть и добрая, может быть и злая,
Как кому уж в жизни повезет.*

НЕ ЗАБЫВАЙ!

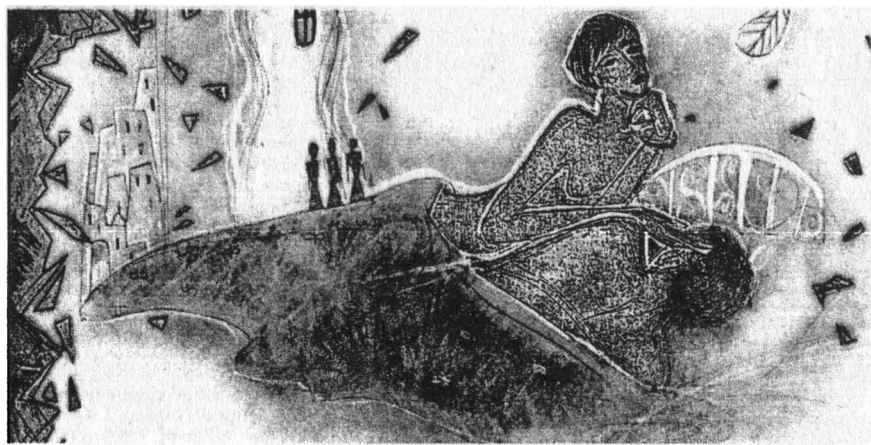
*Мать по тебе истосковалась,
А ты и писем ей не шлешь.
Ждала, ждала и не дождалась -
К ней ты не едешь, не идешь...
В глазах ее - печаль, тревога.
О, если б ты в них посмотрел,
То не была б длинна дорога,
Ты б не приехал - прилетел!
Но ты глаза ее не видел,
Морщинок, что теперь не счесть.
О, как же ты ее обидел:
Совсем забыл, что мама есть!
Не знаешь, как она страдает,
Все лишь надеждами живет,
О встрече день и ночь мечтает,
Тебя, сыночка, в гости ждет...*

- Елизавета Парфенова родилась в небольшой деревне Ека-териновке Инзенского района, среди пятерых детей родителей-крестьян. С 1941 года работала в отделении связи воинской дивизии. После войны - командирована в Литву, где создала семью, вырастила троих детей. В 1951 году переехала в Мелекес, работала в учреждениях связи, на фабрике им. К.Цеткин, в Госбанке, Госстрахе.
- Стихи писать начала рано, но серьезно работать над ними стала после вступления в литобъединение «Черемшан».
- Часто выступает перед читателями в трудовых коллективах города, печатается почти во всех местных изданиях.
- Среди мелекесских литераторов, которые оказали заметное влияние на творчество Елизаветы Ильиничны, она называет Дмитрия Лескина, Якова Рогачева, Альберта Мелешко, Якова Мулярчика, Валерия Гордеева.
- Стихи Парфеновой - незамысловаты, лиричны, во многом написаны на бытовые темы, но тем самым они всегда близки массовому читателю.
- Сегодня «Черемшан» впервые предоставляет свои страницы ветерану «поэтического цеха» Димитровграда.

*Для встречи все понакупила,
Стол белой скатертью накрыт,
Все стены в доме побелила, -
Теперь больная вот лежит.
Ее лекарством будет встреча.
Так приезжай же поскорей!
Увидишь, сразу станет легче
И лучше - матери твоей.*

*Тебе постель - траву душистую,
Ковер ромашек на лугу,
И шубу снежную, пушистую, -
Все для тебя я берегу.
И покрывало светло-синее
Тебе достану я с небес.
На платье, самое красивое,
Я подарю осенний лес.
А чтобы музыка звучала,
Я птичий хор к нам приглашу.
Сложу костер, но изначально
Рябиной пламя распушу.
Чтобы в пути тебе светило,
Я подарю фонарь-зарю.
А вдруг захочешь быть счастливой, -
Все звезды с неба подарю.*

Я, словно лодка в океане:
Без паруса плыву, без весел,
Меня бросает над волнами,
Потом куда-то вдаль уносит...
Эх, на весло бы опереться!
Но нет его, оно сломалось...
Все зябну. Мне бы чуть согреться,
Но не с кем плыть.
Одна осталась.

БЕРЕЗА

Стоит у дороги береза,
И ветер ласкает ее.
Роняет она свои слезы
На белое платье свое.
Слезами ее я напысью,
Себе ее влагу возьму,
Бедою своей поделюсь
И душу свою изолью.
Судьба нас обеих сроднила.
Остались мы с нею одни.
Как руки протянет мне милая
Зеленые ветки свои.
Ее одиночество скрашу
И рядышком с ней посижу.
Про дружбу с березою нашу
Я никому не скажу.

Волчью стаю, волчью стаю
На пути я повстречала.
Волки зубы отточили -
В один миг в меня вонзили.
Я кричу, кричу от боли:
Кто-нибудь, спасите, что ли!
Никого со мною рядом,
Пожирают волки взглядом!
Я от них бегу, бегу,
Взвять от боли не могу!
Волки где-то притаились,
Видно очень притомились.
Как уйти от них, не знаю,
Окружила волчья стая...

*Не бегите, года, не летите тройкой,
Хоть немного замедлите путь.
Мне хочется, хочется только
На тропинку с дороги свернуть.
Чтоб идти незаметно и тихо,
Чтобы тройку свою удержать.
Но проносятся лошади лихо,
И не могут меня подождать.
Понимаю, уже невозможно
Их, как годы свои, удержать.
Только разве так трудно и сложно
Хоть чуть-чуть о желанном мечтать?..*

О нашем земляке

Он зашел в редакцию в серой солдатской шинели, с чемоданом в руках и смущенно произнес:

- Здравствуйте...

Приятный, красиво улыбающийся, он сразу же привлек внимание сотрудников.

- Я только что с поезда. Пришел в редакцию встать на учет.

Все невольно переглянулись: шутит, мол, товарищ. Ведь ему в военкомат надо.

- В военкомат я успею, - догадался он, - а вот к вам через неделю дорогу раскислит. Я еду в совхоз имени Крупской, а туда добираться, сами знаете как.

Да, об этом в редакции хорошо знали. С заезжего двора в городе газетки обычно отправлялись на попутном тракторе, который тащил груженные сани, и, выехав с утра, к вечеру добирались до центральной усадьбы.

Посетитель вынул из кармана ученическую тетрадь и осторожно положил на стол. На корочке после слова «ученика» было четко выведено «А. Жукова».

- Я оставляю у вас эту штуку. Посмотрите. Если что подойдет, напечатайте.

Первое же стихотворение «Без привала» невольно заставило остановиться:

День солдатский
Был нелегким днем.
Солнце жарит
Навесным огнем...

Стихотворение понравилось и «без привала» отправилось к машинистке, затем к редактору и - в наборный цех. А через день - 23 февраля 1955 года - в Мелекесской объединенной газете были опубликованы стихи бухгалтера совхоза имени Крупской Анатолия Николаевича Жукова. Еще не все в совхозе знали о возвращении солдата домой, но солдатские стихи его с интересом читали на всех отделениях.

С того памятного дня Анатолий Жуков стал одним из активных селькоров и членов литературного объединения. От него посыпались не только стихи, но и добротные корреспонденции, хорошие очерки о земляках и свежие юмористические рассказы.

В летнее время он всегда приезжал на занятия литературной группы и всякий раз привозил с собой «охапку» материалов. Его очерки и рассказы нередко стали появляться в областных газетах. А вскоре Анатолий Жуков переходит на журналистскую работу в газету Старомайского района.

В начале шестидесятых годов в Ульяновске выходят первые сборники его рассказов «Опоздавший пассажир» и «Орлы остаются на памятниках». И, надо сказать, они сразу же привлекли к себе внимание читателей. Героирассказы А. Жукова - современники: рабочие, колхозники, солдаты и простые работники. Все они являются людьми высоких нравственных идеалов, горячо любящие Родину, труд, землю.

После окончания Московского литературного института имени Горького Анатолий Жуков закаляет и оттачивает свое перо, работая в журнале «Сельская молодежь». В Саратове и в Москве выходят его книги «Весенняя поверка», «Древняя тайна колоса», «Надежда», «Последняя шутка Гуляева», «Осенний крик журавлей», «Каждый отвечает за всех».

А в 1977 и 1979 годах в издательстве «Современник» двумя изданиями вышел роман А. Жукова «Дом для внука», который был тепло встречен читателями и литературной общественностью страны.

«Дом для внука» - это первое большое многоплановое полотно, отразившее многогранную жизнь средневолжской деревни пятидесятых годов.

Читателя глубоко волнуют судьбы героев романа, подкупает знание автором деревни, ее насущных проблем и хороший, сочный язык.

После этого в ряде центральных газет и журналов было опубликовано несколько обстоятельных статей, в которых дана должная оценка крупному произведению нашего талантливого писателя-земляка. Высокую оценку получил роман и в Союзе писателей, который удостоил Анатолия Жукова литературной премией имени К. Федина за лучшее произведение, посвященное проблемам современной деревни.

Вызвал роман интерес и у зарубежных книгоиздателей - издавался в Венгрии и Чехословакии...

В одной из своих статей Анатолий Жуков тепло вспоминал о годах своей творческой юности: «Уезжая в Литературный институт в Москву, я не один раз вспоминал на творческих семинарах наши литературные занятия при районной газете - они стали для меня начальной школой литературной учебы, запомнились как первые шаги профессиональной работы, они уберегли меня от одиночества и замкнутости...

Сейчас, более сорока лет спустя, уже седой, написавший три романа, несколько повестей, сборников рассказов и очерков, я с благодарностью вспоминаю город моей литературной юности - Мелекесс, спокойные воды равнинного Черемшана, моих дорогих земляков-литераторов, которые дали нашему литобъединению поэтическое имя родной реки...»

К этим словам писателя-земляка приятно добавить, что имя нашей любимой реки носит ныне литературно-художественный и краеведческий журнал «Черемшан», о котором в те годы мы даже и не мечтали.

Евг. Ларин, сопредседатель ДЛЮ

Анатолий ЖУКОВ

ИЗ РАННЕГО, НЕОПУБЛИКОВАННОГО...

ВТОРОЙ ВЫХОДНОЙ

Юмореска

- Ставь свой дубль, чего дрожишь!
- Нету.
- Нету? Раз, два, три, четыре... Правильно, нету. И не будет! Закрываю, считайте ваши.
- И колотят, и колотят... Целый день колотят в это домино, орут на весь двор, время убивают. Пошли в беседку, что ли.
- Козлы, козлы! Опять козлы!
- И ведь радуются... А чему радуются? Тому, что козлы?
- Мне все равно, где сидеть, лишь бы сидеть. Пошли в беседку.
- Все равно? Вы слышите - ему все равно! А если сядешь, к примеру, на пятнадцать суток?
- Налогом их обложить надо. Играешь в домино - плати!
- При чем тут пятнадцать суток, когда у меня сидячая профессия? Хулиган я что ли?
- Там две женщины сидят, в беседке.
- Ничего, потеснятся.
- Профессия сидячая и два выходных - сидит. Вот люди!
- Добрый день! Мы не помешаем?
- Напротив. Нам именно не хватало мужского общества. Подвиньтесь, милочка, сюда, рядом со мной садитесь. Вот так. И он ничего не сказал?

- Он по утрам почти всегда молчит. Зубы чистит, бреется и всегда молча.

- Да, тут вроде потише, тень...

- Правильно, милочка, он и должен молчать. Вы неопытная и не знаете мужчин, отсюда все неприятности. Бритье для мужчины есть размышление о том, что ему предстоит сделать за день, поэтому он молчит. И чистка зубов - тоже. Запомните!

- Запомните! Как же он будет говорить, когда во рту зубная щетка? А если бреешься, тем более.

- Не ваше дело. Курите? Ну и курите на здоровье, в женские дела не вмешивайтесь.

- Курить - здоровью вредить.

- Тогда не курите.

- Да-а, золотое времечко было, огневое... Вздохнешь и вспомнишь, вспомнишь и вздохнешь... У меня вот сидячая профессия, а все равно вспоминаю, и жалко молодые годы.

- А вечером, милочка, не набрасывайтесь на него с вопросами и разговорами. Муж вернулся уставший, дайте ему прийти в себя, покушать, переключиться с рабочей обстановки на домашнюю. Современная женщина...

- Мы, бывало, время не убивали, не до игры было. Смену отработал - на собрание, с собрания пришел - в ликбез.

- Да-а, вспомнишь и вздохнешь, вздохнешь и вспомнишь.

- Что же теперь, ликбез организовать и собрания два дня в неделю? Прошло ваше время, спутники вон летают!

- Спутники летают, это верно.

- И вы, милочка, не ревнуйте, не спрашивайте, где он был и что делал, он сам все расскажет. И не мешайте ему хоть раз в неделю почувствовать себя холостым, пофлиртовать - это поднимает его в собственных глазах.

- Да, трудное времечко пришло, непонятное. Вот сидим, а они тоже сидят и в козла дуются. А почему? Не известно. Главный бухгалтер у нас бульдога купил.

- Рыба-а!

- И здесь не спасешься, орут как оглашенные. «Рыба!» Играют в «козла», а кричат - рыба. Дураки.

- В деревне бы сидеть не стали. Сделай им пять дней выходных, и все равно дело найдется. Земля-матушка... Прошлым летом я к брату ездил - на заре встает: воды принести, дров нарубить... Хорошо живут, самостоятельно.

- Самостоятельно! Там еще натуральное хозяйство, в деревне-то. Телевизоры только покупают да галоши.

- Пр-р-приветствую! Как рабочий человек и диктатура пролетарьята, п-приветствую и хочу сесть.

- Ну вот, земля лопнула - черт вылез.

- М-м... Не желаете?.. П-понимаю. Я пьяный, но я вас понимаю: не желают... Вы солда-аты, мы ваши солда-атки, вы служи-ите, мы вас подожде-ем!.. А? И песню не желаете? Так. Значит, рабочий класс, гегемон не может выпить, да? После пятидневной рабочей недели, да? Извините, класс, он тоже выпить не дурак, а квас - безалкогольный напиток.

- А мой не пьет, по праздникам только. Ваш ведь тоже не пьет? Не пьет.

- Иди пропись, гегемон!

- И уйду. Стоять, думаешь, буду или в домино играть? Плевал я на домино!

- Иди, иди.

- И уйду! Не в этом счастье... И на гру-уди его свети-илась медаль за город Будапешт...

- Токарь с подшипникова завода. Хороший, говорят, токарь, две сотни зарабатывает, жена - полторы, детей нет.

- Дачи всем надо. Будут дачи, и тогда не «козел» на ум придет, а огород. Земля облагораживает человека, умнее делает.

- Что же ты тут сидишь? Тебе давно к земле надо.

- Чего-о?.. Это значит, ты намекаешь, да?

- Наменяю.

- А если я вот этой палкой намекну?! Умник :зшелся! У меня борода, волосы седые...

- Борода уму не замена.

- Идемте, милочка, здесь, кажется, назревает скандал.

- Куда я пойду? В кино рано, телевизор не работает, белье в прачечной погладили...

- Идемте ко мне, я научу вас вышивке. До свидания! Очень было приятно посидеть в мужской компании!

- До свиданья... язва! Компания ей не нравится. Разъелась, как корова, еле ходит, а «мужчины», «компания», губы накрасила! Старая лошадь!..

- А ты не лаясь, умник. Только и знаешь недостатки подмечать, на себя погляди.

- Козлы, козлы! Опять козлы!

- Господи, и тут покоя нет! Что же делать?

- Может, к ним пойдем? «Козлы» сейчас вылетели, два места свободно.

- Я не умею.

- Ничего, это просто, я научу.

- Пойдем, попробую...

В РОДДОМЕ

Сценка

- Товарищи! Не волнуйтесь, ждите своей очереди. Сейчас придет нянечка и заберет передачи на второй этаж. А потом на третий. Ждите.

- Ждите! Стоишь тут с передачкой, как в тюрьме. Тринадцать минут жду.

- Тринадцать - что! Я четверть часа здесь маюсь.

- Сестра, возьмите у меня вне очереди, я не могу ждать. Вот сумочка и записка - возьмите!

- Подождешь, все мы ждем.

- Бойкий!

- Сестра, милая, войдите в мое положение!

- Какое у вас положение, гражданин? Здесь все мужья и все ждут. Потерпите!

- То мужья, они могут ждать, а я... любовник.

- Ух ты, дьявол!

- Любовник? А не врешь? Любовники в роддом не ходят.

- А ты откуда знаешь?

- Знаю.

- А знаешь, так пропусти. Мне нельзя задерживаться, муж накроет, мы из одного учреждения.

- Вот что, милый, катись отсюда подальше, ладно? Катком. А то подумаем, и вправду наkostenялем. Здесь не место любовнику.

- Я сознательный любовник, любящий...

- Наглец ты.

- Эх, ребята... Просил же, правду говорил - видите, вот машина подъехала - муж. Заслоните хоть, пропустите в середину!

- Пусть встанет, видно, правду говорил: вон какой-то пузан из машины вылез.

- Ты, любовник, вставай сюда, прячься... Во-от так.

- Здравствуйте, товарищи!

- Здравсте...

- Здорово...

- Добрый день.

- Странно: рабочее время, и столько мужчин толпится без дела.

- А у вас не рабочее что ли?..

- Проходите, Валерий Петрович, проходите, пожалуйста! Главврач говорил мне о вас. Проходите, а сумку давайте сюда.

- Сестра! Как не стыдно только, говорили о порядке, а сами же нарушаете!

- Мне главврач сказал, я выполняю.

- Порядок-то для всех должен быть... Эх вы!

- Проходите, Валерий Петрович, проходите. Вторая дверь на- лево, а сумку я отнесу к жене. Главврач вас ждет.

- Н-да, дела...

- Такому везде дорога. На черной машине приехал. Наверно, позвонил и приехал - никакой очереди.

- Начальник главка, почти министр.

- Живут же люди!

- Не завидуй, он человек общественный. Все у него обществен- ное. Правда, любовник?

- Истинная правда.

- А жена-то хорошенькая, молодая?

- Лет на двадцать пять моложе его.

- Н-да, дела...

- Сын, что ли?

- Сын.

- А у меня девочку родила. К восьмому марта два подарка го- товь.

- Так ему и надо, пузану: не лезь за чужой молодостью, когда своя прошла.

- Анекдот есть. Армянское радио задает американскому воп- рос: изменял ли Адам Еве? Ну, американцы, конечно, глазами хлопают - как он мог изменить, когда на свете никого больше нет. «А почему же тогда человек произошел от обезьяны?»

- Иго-го-го!.. Ха-ха-ха!.. Молодцы армяне!

- Здорово! Молодцы!..

- Это известно давно, а вот ответьте мне на такой вопрос? Что появилось раньше - курица или яйцо?

- Конечно, курица!

- Философ! А откуда она появилась, если яйца не было?

- Тогда яйцо.

- Мудрец! А яйцо откуда, если курицы не было?

- Н-да, дела-а... Вот ходишь, передачи носишь, а ребенок, может, и не твой...

- Не горюй, твой или не твой, а коммунизм будет строить, ни- куда не денется.

- Женщинам уже сейчас коммунизм: мы для них общие.

- А они для нас.

- Как сказать. Она вот лежит, и ей две передачи сразу и от мужа, и от любовника. Выгодно ей, значит.

- Им тоже выгодно: на двоих одна, хлопоты пополам.

- Н-да, дела... Вот жди тут и майся.

- Подождешь, не начальник...

ДОМУПРАВ С.КУЛИК

На дверях каждого подъезда Семен Кулик наклеил объявления о том, что в пятницу в 21.00 состоится мужское толковище жильцов дома № 23 по важному мужскому вопросу. Явка женщин не желательна. И подписался: «Домуправ С.Кулик».

Описывать, как женщины пытались разгадать замысел беспокойного домуправа, как они останавливали беременную жену Ку-

лика во дворе, а она махала руками и тоже кляла непутевого мужа, который всю весну делал ребятишкам разные качели и ящики, всё лето хлопотал у зеленой ограды, у цветников и клумб, всю осень копался в земле, высаживая вокруг дома липы-трехлетки, забыв о своей жене, - всё это описывать слишком долго. Важен не сам процесс, а результат: в пятницу женщины не раскрыли тайных замыслов Кулика, даже после того, когда собрание закончилось и мужчины прибыли в семьи. Прибыли трезвые.

Был день получки, но Кулик заблаговременно предупредил обе заводские смены, что те трояки, которые они спрячут от жен, расходовать до намеченной мужской сходки не надо - успеем израсходовать. Предупредил таинственно, со значением.

И вот тут важен процесс, поскольку результат уже ясен: получка дома, рабочий класс как стеклышко, женщины терзаются неведением.

Собрав мужчин в подвале дома и предложив им рассаживаться на разные трубы, или попросту инженерные коммуникации, Сеня пересчитал их. В 120-квартирном доме жило 106 взрослых мужчин, на собрание явились 84 человека, значит активность примерно 80 процентов. Удовлетворившись этим, Кулик сказал короткую речь:

- Главное в человеке - голова: с неё карточки делают. На паспорт. На военный билет. На удостоверения. А так же на память. Надеюсь, это понятно? Пойдем дальше. За образцовое состояние нашего дома ЖЭКом выдана премия в сумме сто рублей. Я её получил, эту сумму. - Для убедительности он стукнул кулаком себя в грудь. - Спрашивается: что делать?

- На бочку! - крикнул слесарь Шатилов и оглянулся за поддержкой.

Стоящие и сидящие за ним мужчины тоже оглянулись, но уже на выход - нет ли там женщин.

- Тише, товарищи, - успокоил Кулик. - Главное в нашем деле - тишина, главное - спокойствие. И не на бочку, а скажем так: на культурный отдых. - Он заговорщицки подмигнул. - Вы устали от заводского шума, позади напряженная трудовая неделя, почему бы не отдохнуть. Есть такое право? Есть.

- Голова! - сказал мастер Ниточкин.

- Гений! - сказал инженер Бирюков.

- Молодец! - крикнул Шатилов.

На него опять зашикали.

- Пойдем дальше, - сказал Кулик, воодушевляясь. - Судя по виду, трояки у вас целые. У меня - тоже. - Кулик поднял над головой зеленую бумажку и опять сунул её в карман. - Кроме того, я заказал два автобуса, которые доставят нас на лоно природы.

- Лето тебе, что ли! - обиделся Шатилов. - Снегу по колено, мороз к двадцати, какое лоно!

- Не пешком же, - спокойно возразил Кулик. - И поедем мы подальше от городской суеты, поедем за село Сускан, где лежат нетронутые белые снега, где спит заиндевелый искрящийся лес, где течет под голубым льдом среди спящих лесов наш родной Черемшан. Вы только представьте себя там на минуту, представьте!

Вы в теплых пальто и полушубках, вы надели валенки и рукавицы, подняли воротники и вот идете, слушаете скрип снега под ногой и видите всю эту красоту...

- Голова! - сказал мастер Ниточкин.

- Гений! - сказал инженер Бирюков.

- Молодец! - крикнул Шатилов. - С морозцу да стопочку, да другую... И костерок горит-потрескивает, а?... Мо-олодец!

- Словом, договорились, - подытожил Кулик. - Сегодня уже поздно, отдыхайте, поедем завтра. Одевайтесь потеплее и в семь утра быть здесь.

- Почему так рано?

- А чтобы никаких подозрений. Если жены спросят, скажете,

что поехали на субботник. Сейчас помалкивайте, не выдавайте друг друга, если кто раздумает ехать.

- И вроде невзрачный с виду, маленький, худой, - восторгался вслух Ниточкин, - а вот же придумал для народа... Го-олова!

- Не буду повторяться, - сказал инженер Бирюков. - Идемте. Спасибо, товарищ Кулик.

- Не подведём! - крикнул Шатилов.

И мужское толковище было закрыто.

В шесть утра Кулик проснулся, позвонил в заводской гараж насчет автобусов и стал собираться. Поверх рубашки натянул теплую кофту жены, потом свитер, затем пиджак, а поверх всего этого - длинный полушубок. Ноги обул в высокие, с козырьками валенки.

- Куда это ты вырядился? - спросила жена, подымаясь с постели. - И не позавтракал. А где моя кофточка? Не ты ли надел?

- Отвечаю по порядку, - сказал Кулик. - Вырядился я на конференцию сторонников мира, завтрак беру с собой, кофта твоя на мне. Дополнительные вопросы будут?

- Обормот, - сказала жена и заплакала. - И ведь в армии служил, женился, отцом скоро будешь... Зачем ты женился, если на меня ноль внимания?!

- То есть как ноль! - удивился Кулак. - А это что, не внимание? - и погладил её по вздутому животу. - Это есть самое настоящее внимание, это любовь и забота о будущем. Эх ты, бестолочь!

Кулик чмокнул жену в розовую щеку, взял ключи от подвального помещения и побежал за рюкзаками, которые уложил вчера днём.

Мужчины уже собирались к первому подъезду, хлопали рукавицами, закуривали. На улице было морозно - пожалуй, побольше двадцати градусов: снег скрипел тонко, визгливо, луна была в двойном световом круге, дыхание вылетало из рта белым паром. Отличная погода!

- Привет рабочему классу! - еще издали крикнул Кулик.

- Доброе утро, Семен!

- Товарищу Кулику - низжайшее!

- Сеня, утешитель наш, будь здоров!

- Помогите-ка мне вытащить рюкзаки. - Кулик зашел за угол дома, открыл дверь в подвал, подтолкнул туда Шатилова, радостно прибежавшего помогать. - В углу они, забирай оба.

- Оба? - Шатилов поднял тяжеленный крайний рюкзак. - Ого! Я что, дурнее паровоза - оба! Пусть еще кто-нибудь... Бирюков! Степан Иванович! Держи рюкзак!

Приковылял тяжелый, медведеподобный Бирюков, ухватил рюкзак за лямки, тоже сказал «ого!» и восхитился, услышав в рюкзаке веселое звяканье:

- Ты и рюмочки взял, что ли?

- Неси, неси, там разберемся. - Кулик закрыл свой подвал и пошел за Бирюковым и Шатиловым к рабочему классу.

Мужчины окружили рюкзаки, недоверчиво щупали их, встряхивали, слушали приятное позванивание.

- Столичную взял?

- А на закусь консервы, что ли?

- Увидите, всё увидите на месте, - скрытничал Кулик.

Мастер Ниточкин степенно молчал, потому что рядом стоял его шестиклассник Петька - одного Ниточкина жена не отпустила.

Подошли, скрипя скатами, заиндеветшие, пахнущие дымом автобусы, и Кулик дал распоряжение входить по одному, чтобы он мог пересчитать участников культурного отдыха.

- Я в ответе перед заводом и семьями, - объяснил он. - Вдруг потеряем какого кормильца и передовика производства. Не спешите, места хватит всем.

Он насчитал двадцать два человека в первом автобусе, перешел ко второму - туда вошли остальные двадцать человек. Значит, всего сорок два человека вместе с Петькой. Кулик написал пальцем на заиндеветом борту автобуса «43» и сел сам. Очень хорошо. Пришли только половина от вчерашнего собрания, а если считать от всего мужского населения дома, то пьющих около сорока процентов. Многовато, но если подумать, не страшно.

- Трогай, - сказал он шоферу.

Город по причине выходного дня только просыпался, машин почти не было, но когда они выбрались на загородное шоссе, впереди замаячили красные огоньки идущего транспорта. Обогнали автобус соседнего завода «Химмаш», набитый битком, обошли два открытых грузовика, в кузове которых сидели тепло одетые мужчины с поднятыми воротниками, потом оставили позади «Техпомощь» с народом, а красные огоньки впереди всё еще маячили.

- Как наступающая армия, - сказал Бирюков.

- Точно, - сказал Ниточкин, тоже участник прошлой войны и орденноносец.

Они вспомнили Курскую дугу, Яссы-Кишневскую операцию, Зееловские высоты...

На рассвете приехали в длинное село Сускан, за околицей которого толпилось около десятка автобусов и машин. Здесь и остановились.

- Как видите, не одни мы такие сознательные, - сказал Кулик,

выгружая на снег тяжелые рюкзаки, - Теперь давайте по тропе вниз, к Черемшану.

- Да ты на рыбалку нас, что ли, привез? - догадался первым Шатилов. - Ты, Сеня, гляди, за это и схлопотать можешь. - Он потряс большим в меховой рукавице кулаком, величиной с голову Кулика.

- Не грози, твоё не пропадет, - сказал Кулик. - Бери мешок и дуй вниз.

- Для рыбалки снасть нужна, - рассудительно сказал Ниточкин. - А нас больше сорока человек. Надо головой подумать, прежде чем обвинять человека. Идем!

В снегу была протоптана широкая тропа через лес до Черемшана. С крутого берега они сразу увидели множество людей на реке - часто сидели, беспорядочно, как грачи, и некоторые уже колдовали над лунками, некоторые сверлили звонкий декабрьский лёд. Сомнений больше не было: домуправ их обманул.

- Жулик, - сказал Шатилов, бросая загремевший рюкзак.

- Голова, да дурная, - сказал Ниточкин. - Теперь обратно трясись сорок верст. А женам что скажем?

- Смотрите, смотрите, поймал! - радостно закричал Петька и скатился с обрыва вниз, к реке.

В самом деле, ближний к берегу мужчина поймал крупную рыбу, она отчаянно билась у его ног, взрывая искристый снег.

- Лещ, - оказал Кулик. - А вон еще один тащит, идемте посмотрим.

- Н-да, - сказал Бирюков. - Нам теперь только и осталось глядеть. А что у тебя в рюкзаках?

- Снасти, - сказал Кулик. - Полсотни удочек и четыре коловорота. И еще банки с мотылем.

- А жрать что? - спросил Шатилов. - Я не завтракал, на закуску надеялся.

- Обед в другом рюкзаке, - сказал Кулик. - Десять кирпичиков хлеба, пять банок и консервы. Рыбные, правда.

Мужчины топтались у обрыва, глядели вниз, соображали. Ехать домой сейчас нерасчетливо, день обещал быть солнечным, ведренным, а здесь такая тишина, красота: и снег хрустит и искрится, и деревья на том берегу стоят нарядные, в инее, и опять же ловится рыбка, ловится! Вон еще один вытащил - не леща, правда, но подлещика или густеру.

- Да что вы, алкаши, что ли! - сказал Кулик с обидой. - Посмотрите, сколько людей приехало, а за нами вон еще идут и все сюда. Ниточкин, бери мешок, а они пусть едут!

- Не кипятись, - сказал Бирюков. - Мы не алкаши и оскорблять

нас ты не имеешь права. Кроме того, ты должен был нас предупредить.

- Ладно, попробуем, - сказал мужчина из второго подъезда.

- Пошли.

На льду Кулик развязал один рюкзак и вывалил из него рыболовное снаряжение.

- Рыбка клюет на червяка, а пьяница на рыбку, - сказал он. - Разбирайте удочки и с богом. Шатилов, сверли лунки, чего стоишь? - Он взял коловорот и стал разгребать валенком снег на месте будущей проруби.

В четыре коловорота быстро насверлили с полсотни лунок, разделили из двух банок по спичечным коробкам мотыля, Кулик проинструктировал каждого, и культурный отдых начался.

Самым удачливым на первых порах был Петька Ниточкин. Одну за другой он поймал шесть красноперок, а потом подцепил такого леща, что он застрял в лунке и пришлось раздеваться, ложиться на снег и совать туда руку, чтобы вытащить добычу. Петьке это не удалось, и тогда снял полушубок старший Ниточкин, который поймал несколько ершей и ревниво поглядывал на удачливого сына.

- Мастер купаться собрался, - кричали от лунок. - Не утони, Ниточкин!

Посмотреть Петькиного леща сбежалось человек двадцать. Смотрели однако торопливо, завистливо и тотчас возвращались к своим удочкам. Шатилов оказался на редкость беспокойным удильщиком, он сверлил одну лунку за другой и бросал их, посидев не больше минуты.

Бирюков был расчетливым и терпеливым. Он ушел к низменному берегу, где удил местный сусканский старик, уселся у тальников и с полчасы шевелил, подергивал мормышку без всяких последствий.

- Ничего, подойдет, - успокаивал его старик. - Окуня здесь тьма, надо его подманить. Ты брось в лунку несколько червячков и жди. А удочкой-то играй, играй, дразни его!

И правда, окунь подошел стайей, Бирюков только успевал вытаскивать. Он до того разошелся, что обнаглел и перестал насаживать мотыля, ловил на голую мормышку.

Кулик охотился с блесной на хищников. Крупную блесну он снарядил тройником, прицепил её к толстой леске 0,8 мм и ходил от лунки к лунке, попутно наблюдая за своими рыбаками. Когда Шатилов убежал сверлить очередную лунку, он вынул его удочку, прицепил к ней ерша, с расчетом взятого у Ниточкина, и, за-

сунув ему в рот окурок, опустил в лунку. Потом стал дергать блесну в соседней проруби.

Ему скоро повезло: после семнадцати рывков - Кулик и рывкам вел счёт, больше сотни в одной лунке не делал - он почувствовал тупой удар, удочка вырвалась из рук, но он успел перехватить леску и, чувствуя сопротивляющуюся тяжесть, стал выбирать её осторожно и быстро, не останавливаясь. У самого льда сопротивление усилилось, и Кулик понял, что на крючке - щука, судак ведет спокойней. Он завел её в лунку и вытащил, подхватив на выходе под жабры.

- Вот это да! - ахнул подбежавший Ниточкин. - Да как же ты её, а? Да в ней ведь больше полпуда!

Кулик и сам не верил, что это он вытащил такую образину. Полпуда не полпуда, но килограммов на шесть потянет. У него еще дрожали руки, и он не мог говорить от волнения. Метровая щука билась на снегу, разевавая длинную лошадиную пасть, шлепала хвостом.

Прибежал с коловоротом Шатилов, за ним - Петька Ниточкин, потом двое мужчин из шестого подъезда. Остальные смотрели издали, уже не покидали своих удочек.

- И у меня что-то есть! - крикнул Шатилов, увидев опущенный сторожок своей удочки. - Ну, ребята!.. - Он подбежал к лунке и стал выбирать леску. - Что-то небольшое для начала, легкое... Вот сволочь! - Он вытащил ерша с окурком во рту. - Ты что же это, а? Такой маленький и куришь?! Ребята, ерша с папироской поймал!.. Вот гад, «Беломор» курит!

Его тут же обступили, смеялись, разглядывали ерша.

- Он, может, и пьёт? - спросил мужчина из шестого подъезда. - Ты понюхай-ка, Шатилов.

Шатилов серьезно понюхал рыбешку, вынул мокрый окурок и поглядел на улыбающегося Кулика.

- Ничего, Сеня, ты не гордись, - сказал он. - Мне только начать, а там не остановишь.

И в самом деле: он скоро напал на стаю плотвы и в полчаса натаскал десятка два. И крупной, граммов по двести. А Кулик до обеда только одного щуренка выудил - маленького, на полкило.

Изменила удача и Петьке Ниточкину. Отец его дергал одного за другим ершей, а Петька ушел к Бирюкову на окуня и оборвал леску с мормышкой. Он сидел возле лунки и плакал, а сусканский старик его утешал:

- Не плачь, сынок. Подумаешь, мормышка утонула! У меня разок сапоги утонули, и то я не плакал. На рыбалке всяко бывает.

Кулик дал Петьке новую удочку, но счастье к нему не вернулось.

До двух часов, пока был активный клев, никто не вспомнил про обед, даже Шатилов. Потом рыболовное дело стало разлагиваться, Кулик смотал свою удочку с блесной и занялся организацией обеда. Вместе с Петькой он наломал в лесу сухостоя, разложил под берегом один коллективный костер и, объявив большой сбор, стал разогревать консервы.

Собирались весело, шумно: все были с добычей, все крепко проголодались и намерзлись, а тут прямо на снегу полыхал костер и соблазнительно пахли разогретые консервы. Хлеб тоже пришлось разогревать - замерз на морозе.

Обедали на корточках, группами по четыре человека вокруг каждой банки консервов, ни ложек, конечно, ни вилок не было, руками действовали, но именно эта бивуачная обстановка и придавала что-то особенное, диковато-праздничное общему обеду. Вот только водки явно не хватало.

- Хотя бы стопочку, хоть бы одну на двоих! - сокрушался Шатилов.

- Голова, а не додумался, - грустно сказал Ниточкин.

- Товарищ Кулик, разумеется, не гений, - сказал Бирюков. - Теперь это ясно со всей очевидностью. Однако я думаю, товарищи, что дело он затеял перспективное. Вот куда только девать рыбу? В общий рюкзаки?

- В общий, - сказал Кулик. - Сдавайте счетом, дома получите. А в следующий раз возьмете свои рюкзаки.

- А когда «в следующий»?

- Через неделю.

- А завтра день пропадет? Ведь воскресенье же!

- Давай, Сеня, и завтра, чего там!

- Нет. Завтра автобусов не дадут, я договаривался на один сегодняшний день.

- А зачем автобусы, когда водохранилище рядом! Ты просто не дотумкал и поволок нас за сорок верст. Водохранилище в двух километрах от завода!

- Можно мне? - спросил Петька, подняв руку как в школе. - Там никто не ловит, у вашего завода, пенсионные дяденьки только. Лещ там пахнет, плотва пахнет, а ершиков и совсем не попадает.

- Слышали? - спросил Кулик. - А теперь доставайте трояки.

- Это зачем? - удивился Шатилов. - Ни одного пузырька не взял, а трояк давай! Ты что, Сеня, спятил? С тебя еще причитается!

- В самом деле, - сказал Бирюков. - Ведь у нас сто рублей премии. Вот приедем домой и...

- Не было премии, - сказал Кулик, обводя взглядом толпу. - И не будет до тех пор, пока в нашем доме есть пьяницы. Я снял с книжки последние полтора ста рублей, жена еще не знает, на детское приданое их берегла. Удочки я покупал на эти деньги и коловороты тоже, и мотыля, и хлеб, и консервы. И за оба автобуса внес в заводскую кассу. Понятно? В ЖЭКе вы можете узнать, премировали наш дом или нет.

- Но мы ведь так не договаривались, - жалобно сказал Ниточкин, доставая мятую трешку. - Ты же сам предложил, Сеня! Если бы не ты, мы согласны и на водохранилище, пешком...

Кулик взял у него трешку, бережно расправил и потребовал внимания:

- Главное в человеке - голова, - сказал он. - И с нее не только карточки делают. Голова нам дана для того, чтобы думать, а как же она будет думать, когда она пьяная или с похмелья?

- Не каждый же день! - обиделся Шатилов.

- Еще бы каждый! - Кулик усмехнулся. - Не каждый, но через день Шатилов выпивает. И дома буянит. А товарищ Бирюков, ученый человек, инженер, на Доске почета висел, а теперь как последний пьяница, как алкаш, утаил от жены, от родных детей утаил трудовую трешку и вместо того, чтобы в выходной побыть с ними, в семье побыть, кинулся за сорок верст, в мороз и холод за какой-то несчастной стопкой!..

- Юморист! - сказал Бирюков с неловкостью. - Прямо талант! И ведь серьезно говорит, без улыбки.

- Могу и улыбнуться, - сказал Кулик, улыбаясь. - Целый год только и делал, глядя на вас. Такой вы веселый народ. Вы в домино хлыщите - я вашим детям качели делаю, вы с пивными кружками стоите - я липки у вашего дома сажаю, цветы. Очень весело! Ниточкина вот жена не пустила одного, сына послала - чтобы не свалился где-нибудь, не замерз. И про водохранилище остроумно придумали, весело. Прямо умереть можно от хохота! Сначала изгадили его своими заводскими стоками, испоганили, а теперь согласны рыбку ловить - весело!.. Где же совесть у вас, где разум, голова где?!

- Да ладно, Сеня, хватит, - оказал Шатилов смирно. - Так ты нам всю рыбалку испортишь. Вот с нового года вторую очистку пустим и наладится...

- Который год вы её пускаете? Третий, четвертый? А ведь вы хозяева здесь, всему хозяева: и дому нашему, и реке, и самим

себе. Премия им! Культурный отдых! Да знаете ли вы, что культурный отдых заслуживают только настоящие, культурные люди! А вы - кто? Сорок человек, сорок взрослых мужиков приехали на природу, на такую-то красоту и зачем - пьянствовать! Эх вы, жители-родители!..

- Мы же рыбачили, Сеня, - сказал Ниточкин. - И что это натура такая у человека: сделать приятное, а потом всё самому же испортить!

- Хватит, слышал я эти песни. Возьми свою трешку и топайте домой пешком. На свои деньги обратно я вас не повезу. - Кулик подобрал на снегу пустые рюкзаки и полез по крутому берегу вверх, к автобусам.

Описывать, как размышляли рыболовы, озадаченные речью своего управдома, как они уговаривали его не сердиться и принять тут же собранные сто двадцать три рубля (Петька не в счет, у него денег не было), как потом складывали в рюкзаки мерзлую рыбу, как всю обратную дорогу вспоминали недавнюю ловлю и составляли планы на будущий выходной - всё это описывать слишком долго. Тут опять важен не процесс, а результат.

В следующую субботу из дома № 23 поехало на рыбалку шестьдесят семь человек, то есть больше половины взрослого мужского населения, причем Сеня Кулик уже не писал объявлений и не хлопотал об автобусах - сами позаботились. Не взяли только по его настоянию инженера Бирюкова, мастера Ниточкина и слесаря Шатилова. Ведь именно они работали на очистных сооружениях завода и, следовательно, не только позорили честь рабочего человека, но и наносили прямой ущерб интересам рыболова-любителя. А рыболовы, как известно, люди безоглядные и верные своей земной страсти.

Как пьяницы.

Евгений ЛАРИН

ДНЕВНИК СЕРДЦА

Рис.
Юрия Сорокина

ЗАРУБКИ ПАМ'ЯТІ

*Говорят: «Почему у тебя восемь строк?
Ведь стихи-коротышки бледнее.
Разве ты написать подлиннее не мог?..»
А зачем их писать подлиннее?
Восемь строк - восемь струн,
 восемь нежных лучей,
Восемь радуг из цвета и света.
Ну, а если сказать позвучней и точней,
Это - восемь артерий поэта.*

О сердце много поём и пишем
И как мерило берем в пример:
Глухой Бетховен все сердцем слышал.
Все сердцем видел слепой Гомер.
Ты ж не без сердца, моя родная,
Так что ж на чувства ты так скупа?
Меня не слышишь, хоть не глухая,
Меня не видишь, хоть не слепая.

Ах, ресницы твои - не ресницы - тайга!
Даже хвоей запахло в квартире.
Но в глаза заглянул - и завывла пурга
Из обоих зрачков, как в Сибири.
Непогоду души не пора ли сменить?
Тебе следует крепко влюбиться,
И от жаркого чувства тогда, может быть,
Климат сердца немного смягчится.

Хочу тебя я просто видеть,
Глядеть в глаза твои любя.
Да разве я могу обидеть
Какой-то дерзостью тебя?
Не замахнусь я своевольно
На твою ангельскую честь.
Ах, мне и этого довольно,
Что ты на белом свете есть.

Ни слова, ни взгляда, ни даже намека,
Скажи, а не слишком ли это жестоко?
Скажи, а зачем тебе холодность эта,
Коль вся ты пылаешь, как знойное лето?
Но снова и снова - ни взгляда, ни слова,
Ни доброго слова, ни самого злого.
А, может, не надо ни слова, ни взгляда,
А что-то еще посерьезнее надо?

Я - исток, ты - реки моей русло,
Я - твоя персонально река.
У реки очень бурные чувства,
Но зато высоки берега.
И никто не отыщет такую
На физической карте реку...
Я с тобой половодьем бушую
И с тобою до устья теку.

Оглушили душу трели,
Словно в сердце соловьи
По-весеннему запели
Гимны нежные свои.
Мною ж песня на запета,
Может, вместе запоем?
Пусть в ней будет столько света,
Сколько в имени твоём.

Ух, как прозрачна неба бирюза,
Она мне нынче так напоминает
Твои бездонно-синие глаза,
Которых мне сейчас и не хватает.
Ах, как синеют в поле васильки,
Как будто ниву синькой подсинили.
Напомнили они твои зрачки -
И снова сердце мне разбредили.

Всему наступает и время, и срок -
Взорвалась в душе тишина.
Не твой ли ее взбудоражил звонок,
Что вздрогнула сразу она?
Проснулась она, как весною река,
И тронулся памяти лед.
И вновь о тебе зазвенела строка
И сердце мажорно поет.

Когда в обществе рядом с другими
Нам с тобою приходится быть,
То твое очень редкое имя
Я стараюсь не произносить.
Равнодушие мое - показное,
Лишь в глазах нескрываемый свет,
А душа изнывает от зноя, -
Ничего в ней поддельного нет.

О, как ты ласково шептала
Свои горячие слова,
И мою душу затопляла
Твоя густая синева.
Ах, сколько раз я в этой сини
Тонул и плавал без ветрил!
Но бесконечно, как святыню,
Я эту синь боготворил.

Что такое радость? Это - ты,
Если ты, как солнышко, сияешь,
Если в мои светлые мечты
Солнечного света добавляешь.
Что такое песня? Это - ты,
Если ты веселая такая,
Если от зари до темноты
В сердце ты звенишь не умолкая.

Какой пароль, какое слово,
Какой секретный знаешь код?
Захочешь в сердце - и готово -
И сердце дверцу распахнет.
Когда бы ты ни появилась, -
Светло и радостно в груди.
Моя душа не затворилась,
Добро пожаловать, - входи!

Когда ты разговор по телефону
Со мною так естественно ведешь,
Какой тогда ты кажешься влюбленной,
Что вмиг меня охватывает дрожь.
И все из уст твоих звучит лирично,
Но понял я, как ни хитри,
Что в своем личном ты дипломатична:
В словах - тепло, а холодок - внутри.

Из какой пришла ты сказки,
Что мне сказочно с тобой?
Где взяла ты столько краски
Голубой-преголубой?
Все цвета вокруг пропали,
Все слилось в единый цвет:
Голубые стали дали,
Голубой и снег, и свет.

Ты даже внешне необычна,
Скажу тебе я, не тая.
Все в тебе супергармонично,
Как говорят, - от А до Я.
Я в каждой женщине прохожей
Всегда ищу твои черты.
Но только нет пока похожей,
Такой же солнечной, как ты.

О тебе мне нашептала эта ночь.
Без тебя, признаться, было мне невмочь.
Но и сердце, но и душу и мечты -
Все собой заполонила только ты.
И хотя своей незримою рукой
Отмела ты и мой сон, и мой покой,
Все же сладостны минуты эти мне:
Без тебя я был с тобой наедине.

Ты как-то мне всерьез сказала:
- Я не жила еще, любя.
Я от поклонников устала,
До боли мучая себя.
- Какая все же ты смешная,
Больнее будет от того,
Когда краса твоя земная
Совсем не тронет никого.

Петр Первый, надев робу,
Много славных дел творил.
Это он окно в Европу
Для России прорубил.
У меня ж с тобой в поселке
Все равняется нулю.
В твою душу даже щелки
Все никак не прорублю.

Зачем иногда обвиняют вино
В бутылке с наклейкой нарядной?
Скажите, а чем виновато оно,
Вино из лозы виноградной?
Пьют люди вино с допотопных времен
В столице, в деревне - повсюду.
Вот я, дорогая, тобой опьянен,
Кого ж виноватить я буду?

Если в душе твоей снова тревога,
Если вернулся амур на порог,
Не позабудь осчастливить немного
Автора этих бесхитростных строк.
Раз «не бывает любви несчастливой»,
Значит, одно остается - любить.
Вывод поистине очень красивый,
Надо его на носу зарубить.

Не могу я тебе не писать,
Хоть ответа навряд ли дожждаться,
Хоть словам перестал доверять,
Чтобы вновь на бобах не остаться.
Я хотел все в душе утаить,
Только чувства никак не упрячу.
И боюсь потому, может быть,
Что опять потерплю неудачу.

Ты думаешь, просто о чувствах молчать?
Глядеть на тебя и не сместь улыбнуться?
Быть рядом с тобой и тебя не обнять?
Быть вместе с тобою и не прикоснуться?
Притихла под нами густая трава,
Так тихо, лишь слышатся шороха звуки.
Когда на устах замолкают слова,
Тогда говорят только губы да руки.

Ты обрывала у ромашки цвет,
Словно гадала - любит или нет,
И над тобой ромашки лепестки
Кружились, все равно что мотыльки.
Но налетел вдруг вихрем ветерок -
И резко вырвал с корнем стебелек...
Когда любовь не очень глубока,
Она ничуть не крепче стебелька.

Не могу не сказать, не могу и сказать
И боюсь, что взорвусь от молчанья.
Может, надо об этом стихи написать
И по почте отправить посланье?
И тогда ты поймешь, почему я таил
От тебя свое чувство большое.
Ведь на то и стихи, чтобы в сердце без крыл
Устремляться амурной стрелою.

Зачем ты хочешь отмолчаться?
Зачем не хочешь отвечать?
Боишься разочароваться?
Боишься лишнего сказать?
А я иначе поступаю,
Не получив еще ответ:
На дно в твои глаза ныряю,
Не зная, выплыву или нет?

Я не забуду эту встречу,
Надолго в сердце сохраню,
Коль даже ямочки в тот вечер
Меня поймали в западню.
Какие - спрашивать не надо,
Ты лучше в зеркало взгляни -
И сразу их увидишь рядом
Две этих милых западни.

Шар солнца горел и светился все лето.
Вдруг встретился с осенью, словно с кометой.
И надо ж случиться такому несчастью -
Сияющий шар разлетелся на части.
Слетает с деревьев листва золотая,
Осколками солнца повсюду блистая.
А мы с тобой медленно, как по иголкам,
Шагаем по солнечным этим осколкам.

Не излечил любви простуду,
Не бросил пить стихов вино.
Я чуда ждал. Я верил в чудо.
Я думал, что придет оно.
Я думал: поздно или рано,
Но все ж дождусь целебных дней,
Что ты облегчишь сердца рану...
Но рана - глубже и больней.

Известны миру трели соловья,
Весной поет он и смолкает летом.
У соловья не научился я
Быть лишь весной влюбленным и поэтом.
Душа моя без умолку поет
И нежно, и светло, и мелодично.
Ты знаешь и сама не первый год,
Что я тебе пою круглогодично.

О тебе мои строки, как ливень, шумят,
Что ни слово - дождевка, что ни строчка - струя.
Пусть, как ниву, тебя они оросят,
Чтоб ты стала щедрей, дорогая моя.
Чтоб на светлые чувства не была ты скупой,
Чтобы души у нас накалялись, как печка,
Чтобы так было жарко обоим с тобой,
Что хотелось бы сразу бултыхнуться в речку.

*Стихи, что я тебе лишь посвящал,
В альбоме я увидел у соседа.
Не у тебя ль он брал оригинал?
И ты, смеясь, ответила на это:
«Так, значит твои строки неплохи,
Любой их записать имеет право.
Когда в альбом заносятся стихи,
То для поэта - это честь и слава».*

*Не ждал я нежданной минуты,
Такое не снилось во сне;
Что - первая Мисс института, -
Ты первой признаешься мне.
Не ждал, что ты мне улыбнешься,
А я о тебе запою,
Что ты буреломно ворвешься
И в сердце, и в душу мою.*

*Как Онегину Татьяна,
Ты решила написать.
Только я тебе не стану,
Как Онегин, отвечать.
Мне письмо твое - награда,
Радость. Праздник. Торжество.
Ну, а ты - души отрада
И святое божество.*

*Как у школьницы невинной,
Твои письма клятв полны,
А слова порой, как вина,
Одинаково хмельны.
Я поверил в них мгновенно,
Я от них сегодня пьян...
И мне - море по колено
И по пояс океан.*

Мне о тебе уже нечего писать,
Все выражено, сказано, известно.
А может, о себе пора сказать?
Только не знаю, будет ли уместно?
Я с юных лет тебя боготворил,
Ты мне всегда и грезилась, и снилась...
Вот видишь: о себе заговорил,
Но о тебе все снова получилось.

Что еще для счастья встречи
Не хватает мне сейчас?
Твоих рук и твоей речи,
Твоих губ и твоих глаз.
Лишь с тобой, от счастья пьяным,
Я замру - и оттого
Из души хлестнет фонтаном
Песня сердца моего.

Отцвели мои школьные годы,
Только мне на забыть до сих пор,
Как нырнул я отчаянно, с ходу,
В глубину твоих синих озер.
То ныряю, то снова всплываю
На твою голубую волну...
До чего ж глубина ледяная,
Что я в ней и поныне тону.

Ты скажи, почему избегаешь меня?
Почему ты меня сторонисься?
Тянешь руки к огню, а боишься огня,
Хочешь света, а света боишься.
Зря ты жмуришься - я ослепить не могу
Да и зря ты меня избегала.
Я пожара в тебе все равно не зажгу -
Ты уже несгораемой стала.

*В жаркий день на волжской круче
Обнимались мы с тобой.
Вдруг закрыла небо туча,
Хлынул дождик проливной.
Не спешим мы в лес укрыться,
Не страшна для нас вода.
Что в душе у нас хранится, -
Не размокнет никогда.*

*В груди моей что-то клокочет, клокочет,
Не сердце ли это проклюнуться хочет?
Ах, как оно трепетно-трепетно бьется!
Боюсь: от тебя оно скоро взорвется,
Как мина чеченца в горах Дагестана,
Но я разминировать сердце не стану.
Пускай все на прежнем останется месте,
Уж если рванет, то взорвемся мы вместе.*

*Ты спишь иль нет? - не знаю точно.
Возможно, все же скажешь мне?
Ведь ты со мной и днем, и ночью,
В душе и в мыслях, и во сне.
То обнимаешь, то ласкаешь,
То что-то шепчешь мне в ответ...
И я, ей-боженьки, не знаю:
Ты спишь когда-нибудь иль нет?*

*То ль прямо идти, то ли вправо идти,
То ль - влево? Все было неясно.
Не знали с тобой мы в начале пути,
В какой стороне безопасно.
Когда же узнали о верном пути,
То, кажется, поздно уж было.
Нам некуда было с тобою идти -
Судьба все пути перекрыла.*

*А и Б - две буквы алфавита
Неразлучно рядышком стоят.
Чем они собою знамениты?
Кто расположил их в один ряд?
Эти буквы - азбуки начало...
Для меня ж, признаюсь не тая: -
Это - Ты. Твои инициалы,
Моя радость и печаль моя.*

*На строки о тебе - официально
Мне снова рецензент прислал ответ,
Что о любви строка, увы, банальна,
Что ничего в ней нового и нет.
Ну что ему сказать на это сразу?
Признаться, что стара моя строка?..
Да, «я люблю тебя» - банальна фраза,
Но всеми повторяется - века!*

*А ты не всеобщего праздника жди,
Придет он и без ожидания.
Ты лучше ко мне поскорее приди -
И праздником будет свиданье.
В степи ли мы встретимся или в лесу,
В саду или около хаты,
Но я этот день в календарь занесу,
Как самую светлую дату.*

*Ты пришла - и победила,
Лишь глазами повела -
Завлекла, заморозила,
Опалила, обожгла.
Не сужу я очень строго
Твоих глаз горячий взор,
Но от этого ожога
В сердце шрамы до сих пор.*

Пепелища, руины сегодняшних дней,
Как их много повсюду у тысяч семей!
Разрываются дружды, разлучаются дети,
Разрушаются семьи каждодневно на свете.
Дорогая моя, до чего же я рад,
Что сердца обошли и разрыв, и разлад.
Я молюсь об одном: дай же, Господи, нам
Никогда не узнать ни трагедий, ни драм.

Пальцы мои несмело
По шее твоей скользят,
Белому храму тела
По-своему говорят.
От нежности и волненья
Склоняется голова,
Ведь музыка прикосновенья
Понятнее, чем слова.

Спасибо тебе за минуты волненья,
За то, что в душе наступила весна,
Спасибо за праздничный взлет настроенья,
За песню, что в сердце тобой рождена.
Теперь, как молитву, в минуты разлуки,
Я эту пресветлую песню пою.
Спасибо тебе за волшебные звуки,
За музыку сердца и песню твою.

И Адам тоже в Еву был очень влюблен
И «люблю» говорил ей когда-то.
Это светлое слово с библейских времен
И до нашего времени свято.
Сохранилось оно неизменным в веках,
Как великого чувства основа.
Потому я тебе бесконечно в стихах
Повторяю адамово слово.

Обрывая сережки сирени,
Что в пахучем саду сорвала,
Ты сидишь у меня на коленях,
Как пушинка, легка и бела.
На душе моей солнечно стало, -
Она этих минут заждалась.
Долго сердце об этом мечтало,
И мечта наконец-то сбылась.

Ты на пляже совсем пред мной обнажилась -
И тотчас у меня голова закружилась.
Ты была и бела, и прекрасна, как Ева,
Не хватало лишь яблока с грешного древа.
О, Венера, Венера российского лета!
Ты была бы не только стихами воспета,
Если б сам Рафаэль увидал тебя нынче,
Иль великий маэстро Леонардо да Винчи!..

Да, страшное дело,
Опасное дело,
Коль думает сердце
Отдельно от тела.
Когда ж меж собой
У них нету согласия,
То трудно им сладить
С любовью и страстью.

Поспели ягоды твои
И соком налились,
И два пленительных холма
Над грудью поднялись.
Ты прикрываешь их рукой,
Движеньем оробелым,
А губы тянутся мои
К холмам, как сахар, белым.

Хоть была наша встреча
Чересчур коротка,
Все равно про тот вечер
Зазвенела строка.
Видно, все же недаром
Под крышу села
Я к тебе за нектаром
Прилетел, как пчела.

Автобуса шины шуршат и шуршат,
Меня от тебя увезти норовят.
Умчать от того, что дороже всего, -
От милого сердцу лица твоего...
Стремительно мчится автобус в пути,
Все хочет меня от тебя увезти.
Но как от тебя увезет он, чудной,
Когда ты и в сердце, и в мыслях со мной?

О, сколько глаз завистливо глядят,
Когда с тобою вместе уйду я!
Какою злобой их зрачки горят,
Как будто взял я собственность чужую.
Их ослепляет нашей дружбы свет,
Их бесит, что давно с тобой мы рядом...
И мстительные сплетни нам во след
Завистники, как змеи, брызжут ядом.

Зачем тебе восторженно пишу
Про красоту твою и обаянье?
Зачем тебе сравнения ищу?
Ты и без них полна очарованья.
Что ты прекрасна - знаю я давно.
Что ты любима - и об этом знаю.
И все, что мной тебе посвящено,
Я, как молитву сердца, повторяю.

Счастье мое не во сне - наяву:
Счастье, что рядом с тобою живу,
Счастье, что душу мою подожгла,
Счастье, что в сердце и в строки вошла.
Счастье, что вижу и слышу тебя,
Счастье, что таю, сгорая любя.
Счастье, что есть ты в душе и в судьбе
И не даешь позабыть о себе.

Пусть трезвонят-барабанят,
Брызжут ложью без конца,
Все равно не опоганят
Наши души и сердца.
Слух не первый, не последний,
Знаю я и знаешь ты.
Не запачкать грязной сплетне
Чистоты и правоты.

Если б не было рек, кто бы море питал?
Если б не было пашни, кто бы колос рождал?
Если б не встретился в жизни с тобой,
То в душе у меня не гудел бы прибой.
Если ты бы прекрасной такой не была,
То бы в моем сердце ты огня не зажгла.
Если б не было солнца улыбки твоей,
Никогда не родиться бы песне моей.

Что такое - л ю б о в ь ? -
Это нежности свет,
Это солнце души,
Это сердца рассвет,
Это музыка грусти,
Это счастья цветы,
Это радуга песен -
И во всем - только ты.

Как я, сердце мое, пред тобой виноват,
Как я часто тебя заставлял ошибаться!
Сколько раз я влюблялся в неверных девчат,
А тебе приходилось за все волноваться.
Не щадил я тебя и ничуть не берег,
Хоть от женской неверности было нам тяжело.
Только все ж извлекли мы с тобою урок,
Коль не раз за алмаз принимали стекляшку.

Приятно книгу памяти листать,
Освободив ее от пыли.
Приятно вспоминать и сознать,
Что мы друг друга все-таки любили.
При встречах было нам светло всегда,
Казалось, будет это длиться вечно...
Какие ж дети были мы тогда -
Смешны, слепы, наивны и беспечны!

Говорят об осколках комет,
Что Земли достигают обычно, -
Это «кости» погибших планет
И в Галактике все драматично.
Дорогая, запомни: когда
Замолчат мои нежные строфы,
То, считай, что и я, как звезда,
На земле потерпел катастрофу.

Когда я с тобой и когда не с тобою,
То бедное сердце не знает покоя,
Трепещет и бьется все чаще и чаще,
Как будто разлуку предчувствует нашу.
Я пью порошки и таблетки глотаю,
Я сердце свое успокоить пытаюсь.
Но только лекарство теперь не поможет,
Ведь рейс самолета уже не отложат.

Чудеса, чудеса, где же вы, чудеса?
Иль за горы ушли, или скрылись в леса?
Что-то вас, чудеса, не видать, не слышать,
Видно, в древние сказки вернулись опять.
Ой, чудесные сказки, много слышал я вас,
Подарите мне чудо, хотя бы на час.
Чтобы чудом явилась любимая вдруг
И улыбкою все озарила вокруг.

Где ты сейчас? Где твой затерян след?
Ну почему не хочешь отозваться?
Я жду тебя уже немало лет
И до сих пор все не могу дождаться.
Не прячься, не скрывайся, не таись,
Будь человечна и мягкосердечна.
Откликнись, наконец, и объявись,
Ведь ожидания тож не бесконечны.

Ничего о тебе я не знаю,
И душа извелась от тоски.
Из киргизского южного края
От тебя ни единой строки.
Ни письма, ни короткой записки
Я не стал от тебя получать.
Видно, мыслишь теперь по-киргизски
И не можешь по-русски писать.

В карманном блокноте на первом листочке
Ты мне по-киргизски написала две строчки.
И сразу душа у меня загорелась.
О как мне прочесть эти строчки хотелось!
Уехала ты и почти через год
Мне сделали строчкам твоим перевод.
Ах, Боже, какой в них таился секрет:
«В тебя я влюбилась, а ты - еще нет».

Я жду тебя в любое время года,
Я жду тебя в любой и день, и час.
Забыл я наши прежние невзгоды
И пламень в моем сердце не угас.
Не упрекну, ни словом не обижу, -
Обиды перемолоты уже...
Я жду тебя. Ты слышишь? Приходи же -
Все двери настезь - в сердце и в душе.

Вновь к тебе стремится слово
Из родного далека.
Пусть летят без остановки
За строкой моя строка.
Пусть они в твой край далекий
Мою нежность принесут.
Пусть мои скупые строки
В сердце молнией сверкнут.

Что мне с собою делать?
Куда от раздумий деться?
Встреча с тобой невозможна,
Забывать же тебя не могу.
Гляжу на тебя сердцем,
Думаю о тебе сердцем,
Пишу о тебе сердцем
И в сердце тебя берегу.

ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ - имя твоё поёт,
РОДИТЕЛЬНЫЙ - радость во мне родит,
ДАТЕЛЬНЫЙ - свет твой душе даёт,
ВИНИТЕЛЬНЫЙ - в том, что не пишешь винит,
ТВОРИТЕЛЬНЫЙ - стихотворение
Творит, ничего не тая.
ПРЕДЛОЖНЫЙ - а вот предложение
Сделал другой, а не я...

Единым словом приказала,
Все взбудоражила в груди.
Я бросил все, едва сказала
Одно лишь слово: «Приходи».
Стремглав к тебе явился снова -
И вновь услышал твой ответ...
А ты сказала только слово,
Одно-единственное: «Нет».

*Зачем меня ты поманила,
Понапустив надежд туман?
Моя душа и так ранима,
В ней без того хватает ран.
Зачем глаза твои , что скальпель,
Мне вскрыли душу в час хмельной,
Коль никаких сердечных капель
Нет у тебя душе больной?*

*Разве наша любовь отцвела?
Неужели она отсыяла?
Неужели осталась зола
От того, что так ярко пылало?
Неужели все наши мечты
Навсегда уже канули в Лету?..
Вероятно, ни я и ни ты
Не сумеем ответить на это.*

Когда бываешь ты со мной,
То я затылком чувствую,
Что за стеной и за спиной
Незримо муж присутствует.
Скрипит зубами он со зла,
Глядит, как на раскольника...
Но что же делать?.. Три угла
Всегда у треугольника.

Муж за тобой следит в четыре глаза -
Биноклем обзавелся муженек.
Но, к счастью, он пока еще ни разу
Нигде с тобой нас вместе не засек.
Он без конца грозит тебе расплатой
И бесится от ревности слепой...
И без тебя он чересчур богатый,
Так пусть чуток поделится тобой.

Я как-то тебя своей милой назвал
И, кажется, этим тебя напугал.
Потом я любимой решился назвать,
И ты, побледнев, напугалась опять.
Чего ты боишься? Чего ты молчишь?
Чего ты скрываешь и в сердце таишь?
А, впрочем, теперь уж и я замолчу,
Я больше пугать тебя так не хочу.

Для него ты завидно красивая.
Ты и вправду прекрасна собой.
Но я знаю, что ты несчастливая
Оттого, что он рядом с тобой.
Говоришь, что и тяжело, и больно
От меня к нему в дом уходить...
Слава Богу, хоть можем подпольно
Мы друга друга, как прежде, любить.

Не боюсь ни разговоров,
Ни досужих шепотков,
Ни попреков, ни укоров,
Ни поганных языков.
На рассвете от тебя я
Неспеша иду домой.
Взгляды женщин ощущаю
И шагаю, как сквозь строй.

Я помню наше расставанье:
Ты резко руку подала
И вместо слова «До свиданья»,
Смутясь, «Прощай» произнесла.
Ушла решительно и смело,
Пресветлой дружбе изменяя.
Ты от меня уйти сумела
Да вот не вышла из меня.

С каждым днем все сильнее волненья,
С каждым часом все сердцу больней.
Наполняется чаша терпенья
Все полней и полней, и полней.
Отпиваешь ее, отпиваешь
И никак до конца не допьешь.
Ну, а ты все в нее доливаешь
То неверность, то грубость, то ложь.

Говорят, что теперь ты иная.
Как давно я не видел тебя!
Я о прежней тебе вспоминаю
И о прежней тоскую, любя.
От тебя мы хмелили когда-то,
Но от нас не была ты пьяна.
А теперь, говорят, и сама ты
Во хмелю, но - увы - от вина.

Нет измены этой хуже,
Если всем ты неверна.
Изменила ты и мужу,
И со мною не честна.
Вновь другому ты в постели
Шепчешь жаркие слова...
Видно, ты в интимном деле
Не живешь без воровства.

Скажи, зачем ты лживая такая?
Не хмурь от удивления бровей.
А я, наивный, все стихи слагаю
О чистоте и верности твоей.
Да, может, я с тобою был несмелым,
А ты хотела видеть не таким.
И втайне от меня душой и телом
Давно была ты связана с другим.

В который раз ты обещала
Начать все «с белого листка»,
Но, к сожалению, «начало»
Не начиналось все пока.
И я теряюсь в размышленьи -
Что будет лучше для сердец:
Начало или продолженье?
Или в конце концов - конец?

Ты думаешь, я не смогу устоять?
Умру, от тоски изнывая?
Ты думаешь, так я и буду вздыхать,
В глазах равнодушье читая?
Ты думаешь, я никуда не уйду?
Утешусь твоею игрою?..
Я сам открывал голубую Звезду,
Так сам я ее и з а к р о ю.

Остывшая любовь, как пепелище,
Не возгорится, прогорев дотла...
И память сердца, словно на кладбище,
Меня на пепелище привела.
Как все, что у нас было, почернело!
Какая беспросветная тоска...
Сгорело. Ничего не уцелело -
Ни искорки уже, ни уголька.

Писал я много посвящений,
Влюбляясь в женщин иногда,
Но о них строки, к сожаленью,
Как о тебе, звучат всегда.
Ты уже образ обобщенный,
Вобравший женщин всей земли,
От рафаэлевской мадонны
До Гончаровой Натали.

Твои письма читаю с улыбкой,
Что писала полвека назад.
Сколько мы совершили ошибок,
Что камнями на сердце лежат!
Ничего не стереть, не исправить,
То, что было, нельзя изменить,
Ни убавить уже, ни прибавить,
Не подкрасить и не побелить.

Я много о многом стихами сказал,
Бери, что тебе пригодится.
Наверно, я все же тебе доказал,
Что ПРОСТО строка не родится.
Ей нужен внезапный сердечный порыв,
Конкретное имя и чувство, -
И в сердце раздастся интимный мотив,
А все остальное - и с к у с с т в о.

Пока не ведают родители,
Когда на твой зовущий взгляд,¹
На всех путях автоводители,
Снижая скорость, тормозят.
И невдомек еще родителям,
Чем в тайне ты от них живешь,
Что ты водителям-блудителям
Себя за доллар продаешь...

Я хожу по знакомым местам,
Где сердца наши трепетно бились.
И везде - там и тут, тут и там -
Наших встреч острова притаились.
Отзвенели здесь наши слова,
Продолжая мне душу печалить...
Острова, наших встреч острова,
Мне уж к вам никогда не причалить.

Твоих зрачков холодных просинь
Все ж согревает душу мне.
Ты - моя «болдинская осень»
В Причеремшанской стороне.
За все тебя благодарю я,
За то, что сердцем рождено.
А все, что сердцем говорю я, -
Тебе одной посвящено.

За большой литераторский срок
Много пройдено троп и дорожек.
О тебе много сделал я строк
Сильных, слабых, плохих и хороших.
Пролетят и года, и века
И, наверно, настанет минута:
Уцелеет лишь только с т р о к а,
Та, что будет полезной кому-то.

Я в памяти много протопал с тобою,
Где только я мысленно не был с тобой?!
Но не было бедному сердцу отбоя,
Теперь наступил, как солдату, отбой.
Прошел я дороги, ухабы и кочки
В лавровом венке и терновом венце...
И - вот она точка (не высшая точка),
А точка, что ставится только в конце.

Все я боли выдохнул, всю я душу выказал,
Хоть всего, что памятно, выразить не мог.
Все, что надо высказать, все тебе я высказал
В дневнике лирическом, в восмиречьи строк.
Не бросай в лицо мое камни осуждения,
Накрест перечеркивать строки не спеши.
Это - мыслей зеркало, сердца отражение,
Золотая исповедь осени души.

МАТЕРИ И ВОЛГЕ МОЙ ПОСЛЕДНИЙ ВЗГЛЯД

**Неизвестные страницы
жизни поэта, нашего земляка
Александра Ширяевца**

Александр Ширяевец (Александр Васильевич Абрамов) родился 2 (14) апреля 1887 года в селе Ширяево-Бурлак, входящем тогда в Симбирскую губернию, в семье бывшего дворового-крепостного. Здесь, «в одном из живописнейших мест на Волге», как выразился сам поэт, с детства вошли в него впечатления, вдохновившие на всю жизнь: красота родной природы, былины древних Жигулей, мотивы разинской и пугачевской мужичьей стихии.

И Волга - главный источник его творчества!

*Вот снова я мальчишка озорной,
Вино весеннее глотаю жадно,
И мать с отцом беседуют со мной
Под песни Волги - девушки нарядной.
Хрустальные, сверкающие дни!
В кроватку юркну, словно суслик.
А мамин голос надо мной звенит
Что золотые самогуды-гусли!*

Вадим Сергеевич Баранов родился в 1937 году в городе с хорошим именем - Добрянка - Пермской области. С 1968 года работал на ВАЗе конструктором и, естественно, по несколько раз на неделе бывал в нашем Димитровграде, хорошо знает многих даазовцев. С 1973 года живет в Самаре, работает на заводе им.Масленникова ведущим конструктором отдела главного технолога.

Все это время у Баранова одна страсть, одна любовь - Сергей Есенин. Он уже стал известнейшим в мире есениноведом. Его книги «В селе под Рязанью», «Алый свет зари», «Адреса Сергея Есенина», как и сам автор, были участниками российских и международных конференций по творчеству Есенина. Предлагаемая сегодня публикация новой работы Баранова приоткрывает нам малоизвестные страницы из жизни нашего земляка поэта Александра Ширяевца, большого друга С.Есенина.

В.Баранов - член Союза писателей России.

«Отец тогда служил на известковом заводе, - писал Ширяевец в автобиографии. - Из-за каких-то неприятностей с владельцем завода в 1893 рассчитался, и мы переехали в с. Бинарадку под Мелекесс (Самарской губернии), где отец поступил в лесные объездчики. Жили в глуши, в лесу. Потом перебрались в село. Там я поступил в земскую школу. Окончить ее не пришлось. В 1897 г. отец бросил службу и мы обратно переехали в Ширяево. Отец открыл свое маленькое дело - торговлю камнем... Я поступил в единственную в селе школу - церковно-приходскую, которую я окончил в 1898 г.

Читал книги, приносимые в село торговцами-лубочниками, вроде «Бова-королевич», «Еруслан Лазаревич» и т.д. Первым прочитанным поэтом был Кольцов, потом Лермонтов. Иногда отец выписывал «Родину» или «Ниву»... Писать стихи начал еще в Бинарадке, когда мне было лет 9-10...»

Сохранилась тетрадь в клеенчатом переплете, которую Ширяевец вел в 1896-97 г.г., аккуратно переписывая в нее стихи Жуковского, Лермонтова, Козлова, Плещеева.

«...В 1900 отец скончался... Погоревали, погоревали и, «ликвидировав» свое дело, переехали в Самару. Начал учиться в городском училище, но средств не было и пришлось уйти из 2-го класса. Страшно бедствовали... В 1902 поступил чернорабочим на бумагокрасильную фабрику. Пробыл там 9 месяцев... В 1903 поступил писцом в канцелярию казенного лесничества в г. Ставрополь-Самарский... В 1904 написал два рассказа... В 1905 поступил учеником в почтово-телеграфную школу (в Ташкенте)».

В 1905 году семье Абрамовых пришлось покинуть родные края и переселиться в Ташкент, куда давно звала их служившая там прислугой сестра матери. Мать Александра, Мария Ермолаевна, певица и рукодельница, жила ради сына, верила в его талант, и не случайно писал он о ней, что это был человек, которому он «очень многим обязан».

В 1906 году Ширяевца назначили чиновником почтово-телеграфного ведомства, и началась трудная жизнь бедного казенного человека. Менялись города и станции Средней Азии - Ташкент, Коканд, Асхабад, Чарджуй, снова Ташкент. «Настроение мое испорчено стычками с нашим «падишахом», - писал он другу. - Придирается к тому, что хожу не в форме, грозится донести и т.д... Невзлюбил меня, ибо чувствует, что не чиновник я, что смеюсь над разными дурацкими правилами, постановлениями, параграфами...

Ну ладно, черт с ними, этими передразыгами... Над любимыми книгами забываю о шипах и терниях службы, хороший рассказ, красивое стихотворение волнуют меня. Можно ли думать о параграфах, когда в мире есть Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Чехов и целая плеяда славных современных поэтов».

...И под могучий говор Юза,
Уйтстона, Морзе drobный стук
Ко мне слетала ты; о Муза,
Мой старый неизменный друг...
И утомленному мне пела,
Несла с собой небесный свет...
И забывал я свое дело, -
Был не чиновник, а поэт...

Первая его публикация появилась в 1908 году в газете «Туркестанский курьер» - фельетон в стихах и прозе «Наградная», из почтово-телеграфной жизни. С этого года он помещал стихи почти во всех туркестанских изданиях, а свой псевдоним - «А. Симбирский» скоро заменил новым - «Ширяевец».

В 1911 году в Ташкенте издан поэтический сборник, где целый раздел - «Ранние сумерки», принадлежал Ширяевцу. В 1914 году вышел из печати коллективный альманах-сборник «Под небом Туркестана».

Ширяевца привлекали поэты, обращающиеся в своем творчестве к народному искусству: И. Бунин, В. Брюсов, С. Городецкий, Н. Клюев, А. Коринфский, Д. Цензор. Он посылал им свои стихи с просьбой высказать мнение о них. И опытные литераторы того времени живо и заинтересовано вступили в переписку с молодым автором, доброжелательно оценивая его литературные опыты. Вот что писал Бунин: «Многоуважаемый Александр Васильевич, рад был бы сделать для вас что-нибудь. Вы несомненно талантливы, - даже в стихотворении «Стенька», которое мне очень не понравилось, потому что оно пахнет лубочной олеографией, Коринфским, Скитальцем и т.д., есть живые проблески... Стихотворение - «Зимнее» - ...очень хорошо задевает по сердцу... Жму Вашу руку и желаю настоящей работы над собой. Пишите только свое, живое, то что в Вашем сердце и вокруг Вас - хотя Чарджуй».

Клюев советовал Ширяевцу: «Твоя «Матросская песня» размашиста и ярка, но сразу видно, что море-океан не знаком тебе. Пиши свое - телеграфное или домашнее, или бухарское».

Ширяевец был заочно принят в члены Суриковского литературно-музыкального кружка в Москве, и юный Сергей Есенин сам написал ему: «Александр Васильевич! Приветствую Вас за стихи Ширяевца. Я рад, что мое стихотворение помещено вместе с Вашим. Я давно знаю Вас из ежемесячника и по второму номеру «Весь мир». Стихи Ваши стоят на одинаковом достоинстве стихов Сергея Клычкова, Алексея Липецкого и Рославлева... Извините за откровенность, но я Вас полюбил с первого же мной прочитанного стихотворения...»

Первый столичный литератор, оказавший существенную поддер-

жку Ширяевцу, - Екатерина Константиновна Замысловская, писательница и редактор «Народного журнала», где она регулярно публиковала в 1912-13 годах произведения поэта. Она была его литературным наставником, пересылала в далекий Туркестан статьи и книги, знакомила с поэтами-единомышленниками, убеждала Ширяевца приехать в Петербург и лично встретиться с интересовавшими его издателями и поэтами.

Такая поездка состоялась в 1915 году. Современник свидетельствует: «...вернулся после долгого сравнительно скитания, веселый, бодрый и уверенный в себе, как потом никогда. Посетил московских и петербургских писателей. Виделся с Бальмонтом, Горьким, Бунным, Мережковским, Гиппиус и др. и в особенности был очарован Сергеем Городецким. Привез книги с автографами писателей и бережно их хранил всю жизнь... Сильно горевал, что не добился свидания со своим любимым поэтом А. Блоком. Также грустил, что не повидал Орешина, Клюева и др. С этой поездки он ожил и стал неузнаваем. Песни начал петь бодрые, Волга с курганами снилась ему во сне».

Не все принял он из увиденного, и позже появилось стихотворение «Братья-писатели»:

Алкал услышать вещие я речи,
Чуть не пророков чаял я узреть, -
Ну и пророки! Ой, до них - далече!
Не золото чеканить им, а медь...
Так и гудело: «выпивка», «авансы»,
«Заказчик» на стихи, роман, рассказ...
- Ах, лучше быть бы мне
в глубоком трансе,
И лучше бы не видеть вас!

Сильно задела его «история» с А. Блоком. Ширяевец пришел к нему с запиской: «Глубокоуважаемый Александр Александрович, не откажите в просьбе надписать эту книгу стихов Ваших о России. Я глубоко уважаю Вас за них и вообще люблю Вашу поэзию. Мне страшно хочется иметь Ваш автограф - если можете, прошу исполнить мою просьбу. Я уже писал Вам, но Вы не ответили. Больше надоедать не буду, т.к. сегодня уезжаю в Азию (около 5000 верст отсюда), где, наверное, и подохну. Имею автографы З. Гиппиус и Д. Мережковского, надеюсь, и Вы не откажете. Напишите хотя бы в таком духе - «убирайтесь к черту...» С совершенным почтением Александр Ширяевец. 1. VI. 1915 г.»

Обыкновенное письмо собирателя автографов. Ничего, кроме просьбы подписать книгу, в нем нет. Блок это и сделал. А Ширяевец обиделся. Он писал Миролубову: «Сладко журчащий о России, о русском народе г. Блок, оказывается, не расположен заводить зна-

комства с писателями из народа, не принял меня, а до меня не принял Сергея Клычкова... Знакомство мое с г. Блоком кончилось тем, что после нескольких писем к нему, проторчал в прихожей, и горничная вынесла мне книгу его «Стихи о России», которую я купил в магазине и с которой явился к их степенству с просьбой дать автограф. Автограф-то в книге был, но автора видеть не сподобился... Мерси и на том, что увидел горничную знаменитости».

Обида на Блока осталась надолго. Вернувшись домой, он писал товарищу: «Шлю привет из экзотической Бухарщины! В Питере Блоки, а здесь скорпионы, фаланги и проч. и проч...»

А через год Ширяевец послал Блоку свою книгу «Запевка» с надписью: «Александру Александровичу Блоку в память приветливого приема. Александр Ширяевец».

В своем творчестве Ширяевец откликался и на события начавшейся мировой войны:

Схватился за грудь и на глину
Упал, - на кровавую грязь...
И к дому, к родному овину
Последняя мысль унеслась:
«Все ждут письмеца от солдата,
Гадают, вернусь ли здоров...
Прощайте!..» Стучали лопаты
Среди безымянных бугров...

Следуя советам Бунина и Клюева, писал Ширяевец и о Туркестане:

Ем сочный виноград янтарно-хризолитовый,
А в небе бирюза, и мысли бирюзовы...
Чайханщик Ахмеджан с усердною молитвою
Сидит на коврике и бьет поклоны снова...
Приходит девушка... Из под чимбета глянули
Глаза лукавые, без робости и страха.
Вот скрылись за углом...
Прощай, прощай!..
Ну стану ли роптать на жизнь, на мудрого аллаха?..
Смущен мой Ахмеджан, знать, то же за молитвою
Увидел старый плут... Не прочь пожить он снова!..
... Ем сочный виноград янтарно-хризолитовый,
А в небе бирюза, и мысли бирюзовы...

Но есть у него и такие строки:

Край солнца, хлопка, рисовых полей,
Лоз виноградных, ароматов пьяных,
Ты не люб мне неподвижностью своей,
Ты не живешь, ты - в чарах снов дурманных!..

Это горькое признание души, рвавшейся из душного чиновничьего бытия куда угодно, лишь бы «на волю». А мечта была связана с милой Русью, с размахом буйной удали и народного богатырства дорогих его сердцу волжан:

Я из города - из плена
К вам приду
И на травы и на сено
Упаду...

В первой книге Ширяевце «Запевка», вышедшей в 1916 году, проявляется песенный характер его лирики и типы его песенных героев - бурлаки, разбойники, запорожцы, отчаянные, с сильным характером девушки, Стенька Разин с его вольницей. Их окружает романтический пейзаж, такой же, как они, влекущий вдаль, к мечте, к другой жизни. Это высокие кручи, волжские дали, разыгравшиеся волны, темные ночи и грозы. В отечественную поэзию Ширяевец вошел как «певец Волги». Ни у кого из новокрестьянских поэтов пейзаж не насыщен так историческими ассоциациями, как у Ширяевца. Он хранит в себе отзвук исторического былого:

Черные шорохи слышатся с гор,
Дикие ущелья и склоны.
Где-то, как будто бы точат топор,
Посвисты, выстрелы, стоны!..

Ритм его «запевок» почти всегда разработан на богатстве плясовых мотивов:

Опьянил - вскружил черемух
Белый цвет...
- Ах, весной сидеть в хоромах
Силы нет!
По зеленому лужку
Убежала к мил-дружку...
- Мать родная, не брани:
Свои весны вспомяни!

Ширяевец, по словам одного из современников, увидел Русь «лихую, веселую, масленичную, пышущую задором и ширью».

Отвечая на слова поэта В. Ходасевича - «...мне не совсем по душе весь основной лад Ваших стихов...», - Ширяевец писал: «...Отлично знаю, что такого народа, о каком поют Клюев, Клычков, Есенин и я, скоро не будет, но не потому ли он и так дорог нам, что его скоро не будет?.. И что прекраснее: прежний Чурила в полковых лапотках с припевками да присказками, или нынешнего дня Чурила, в американских штиблетах, с Карлом Марксом или «Летописью» в руках, захлебывающийся от открывающихся там истин?.. Ей-богу, прежний мне милее!..»

Критик Львов-Рогачевский так сказал об органическом сочета-

нии тоски и удали в стихах Ширяевца: «После Кольцова только у Ширяевца раскрылась во всей своей силе ширь вольнолюбивой души... Он был силен, когда в его образах билось его романтическое сердце, одержимое тоской по буйной удали».

О своей близости к Кольцову Ширяевец говорил:

Ты с Дона, с Волги - я. Наш жребий одинаков:
В передней жались у надменных бар...
Нам не плела судьба венков из рдяных маков.
Ты у степей, у Волги взял я дар...

В марте 1917 года Есенин на открытке из Петрограда приветствовал Ширяевца: «С красным звоном, дорогой баюн Жигулей и Волги. Цвети крепче».

В 1820 году он же писал: «...Ты, по рассказам, мне очень нравишься, большой, говорят, неповоротливый и с смешными думами о мнимой болезненности...»

И только в мае 1921 года Есенин, посетивший киргизские степи и работающий над поэмой «Пугачев», встретился, наконец, с Ширяевцем в Ташкенте. Ширяевец не принимал есенинского имажинизма, Есенин подчеркивал отрицательное влияние Клюева на поэзию Ширяевца:

«...Брось ты петь эту стилизованную клюевскую Русь с ее несуществующим Китежем...» Но, встретившись, они лучше поняли и оценили друг друга. Можно даже предположить о взаимопонимании, когда рождаемая еще поэма «Пугачев» подтолкнула Ширяевца к написанию «Мужикослова», а позже - сказовая форма поэмы Ширяевца «Палач» подсказала Есенину замысел его «Песни о великом походе».

В поэме «Мужикослов», написанной в ноябре 1921 года, поэт дает нам возможность ощутить крепость его исторических корней:

Мамыньки! Баушки!
Арины Родионовны!
Зацапанные барами -
Блуднями!..
...Радости видано много ли?
Не вы ли
Поили
Песнями, сказками ярыми
Пушкиных, Корсаковых, Гоголей...

В 1922 году Ширяевец переезжает в Москву и вступает в члены литературного объединения «Коллектив рабоче-крестьянских писателей», руководил которым Александр Неверов, самарский земляк, автор известной книги «Ташкент - город хлебный». Ширяевец много и напряженно работает: в 1923 году выходят его книги - «Волшебное кольцо», «Мужикослов», «Узоры»; в 1924 году - «Раздо-

лье»; готовит к печати поэму «Палач»; работает над циклом стихов.

Вот как вспоминает о Ширяевце его друг Семен Фомин:

«...скупоречивый, вдумчивый, широкоплечий увалень-парень в картузе и огромных яловочных сапогах... Нередко бывал он резок и груб, но это заложено от природы в его характере. Он был восторжен, запальчив, но при всех обстоятельствах правдив... Вел самый подлинный солдатски-лагерный образ жизни: жиденькая прогибающаяся железная кровать, корзина с бельем и, хорошо, если находился какой-нибудь столик... Аванс, полученный за принятие в редакциях стихи, шел на ремонт сапог, на замену износившейся подкладки пиджака...» Стихотворение «Портрет мой» написано Ширяевцем в 1922 году:

Орясина солидная! Детина!

Русоволос, скуловат, медведя тяжелей...

Великоросс - что между строчек: финна,

Славян, монголов помесь. В песнях - соловей...

Боюсь чертей, возню их ухо слышит,

Дышу всем тем, чем Русь издревле дышит.

В феврале 1923 года Ширяевец выступал со своими стихами в «Литературном особняке», но, как он выразился, «был облаян бульварной сволочью». А ведь еще в 1920 году он писал:

«О, «маги» рифм изысканных донельзя, Волхвы с бульваров Питера, Москвы, Не стойте вы пуговицы Эрзы И волоса с Коненковской главы!»

Ширяевец сделал попытку найти общий язык с пролетарскими писателями и стал членом пролетарского литературного объединения «Кузница». В 1923 году «Кузница» отказалась от смычки с крестьянством и Ширяевец был исключен. Солидарности ради «Кузницу» покинули и Кириллов, и Неверов, и Герасимов.

О встречах с Есениным узнаем из писем Ширяевца: «Вернулся из Берлина Есенин. Затекает то же, о чем думали и говорили с тобой. Осенью что-нибудь тиснем обязательно». Это говорилось об издании крестьянского журнала. И еще: «Дня три тому назад на Арбате столкнулся с Есениным. Пошли, конечно, в пивную, слушали гармонистов и отдавались лирическим излияниям. Жизнерадостен как всегда, хочет на лето ехать в деревню, написал много новых вещей».

Очень скоро крестьянские поэты почувствовали себя обманутыми: увидели, что мужицкому социализму не бывать. Не было никакого желания участвовать в одних сборниках с именитыми пролетариями. Достаточно привести гневное письмо Ширяевца одному из составителей: «Участвовать в агитационном сборнике и конкурировать с Демьяном Бедным и иными «пролетариями», вкушающими кремлевские пайки, я не согласен. Посему будьте добры вернуть все присланное Вам.

Я сын крестьянской полевой Руси, а не той, которая проповедуется в сферах».

Можно не сомневаться, что если бы Ширяевец дожил до тридцатых годов, он тоже разделил бы участь расстрелянных крестьянских поэтов - Николая Клюева, Сергея Клычкова, Петра Орешина и других.

Весной 1924 года Ширяевец заболел менингитом и 15 мая скоропостижно умер в возрасте тридцати семи лет. Его смерть потрясла Есенина. Написанное им через несколько дней стихотворение так и называлось - «На смерть Ширяевца»:

Мы теперь уходим понемногу
В ту страну, где тишь и благодать.
Может быть, и скоро мне в дорогу
Бренные пожитки собирать...

Недаром Есенин пророчески говорил: «Ведь все там лежать будем - около Неверова и Ширяевца...»

Так и случилось. Многочисленные почитатели Есенина, проходя в наши дни к его могиле на Ваганьковском кладбище, навещают и Ширяевца, поэта, которого мы уже не забудем, который навечно оставил нам всем свои сокровенные строчки:

Есть ли что чудесней
Жигулей - хребтов!
А какие песни
С барок и плотов!
А какие сказы
Ходят с голытьбой!
Услыхал - и сразу
Закипел гульбой!
Жемчуг пьяных весел!
Паруса, суда!
- Все бы кинул бросил
И махнул туда -
С озорной волною,
В эту синь и ширь!
Добывал бы с бою
Новую Сибирь!
...Пенные осколки
До небес летят.
- Матери и Волге
Мой последний взгляд!

Из альманаха «Росское эхо». Выпуск 4. г. Самара.

Инга

ВЕТКА ОМЕЛЫ

Поэтическая сказка

*В дубраве, где вечная прячется тень,
Тропою заросшей бредет менестрель,
Мешок за плечами, гитара и плащ,
Собою хорош, молод, весел, горяч.*

*Идет не спеша, осторожно ступает,
Картинки из жизни лесной подмечает.
То пень, раскорячась, цветы раздвигает,
То корень, на волю стремясь, разрывает*

*Шершавую землю, то травы свились
В зеленые пути, то ключик струится
Из недр каменистых на гальку цветную,
То бабочка в струях воздушных танцует,*

*Трепещет крылами над майником бледным
Увядшим недавно, настигнутым летом.
Здесь ветрениц нежных кудрявятся листья,
Там норы прорыли веселые лисы,*

Здесь шапочки эльфов на стеблях купены,
Там бронзовка кружится в центре Вселенной.
Шумлив и подвижен тенистый мирок...
Но вечер уж близок. Пора б костерок

На сонной поляне, где шепчет ручей,
Уже разложить да умыться скорей.
Снять грязь и усталость прозрачной водой,
Продрогнув насквозь, в плащ закутаться свой.

Съесть ужин нехитрый из сыра и хлеба,
Свернуться клубком под звездящим небом,
И сладко заснуть... А поутру опять
Под сенью дубравы шагать и мечтать.

Но кажется лесу не видно конца,
И тропка пропала, и ночь как гонца,
Прохладные росы спустила на листья,
И в сумерках лунник повсюду искрится.

Ну что ж, о поляне и думать забудь,
Был долог и труден сегодняшний путь,
Придется к ночлегу готовиться в чаще,
С подобным уютом бывало и раньше,

В дороге мириться ему приходилось,
Одно не понять как же он заблудился?
Тропинка вилась, все дразня и маня,
И где же опушка? Тупик, западня...

Под дубом раскидистым плащ расстелив,
Поблизости скарб немудреный сложив,
Съел ужин, зевнул, от души потянулся,
И вмиг на потертом плаще растянулся.

Но дрема недолго беднягу качала
В объятьях своих. Что-то сверху упало
И прямо на лоб. Менестрель пробудился,
Брезгливо потрянув головой, удивился,

Что мрак до сих пор не рассеял рассвет.
Сна как не бывало, уныло поэт
Уселся и принялся песни слагать -
А чем заниматься, коль не дали спать?

И пальцы скользнули по струнам умело,
Гитара на зов отвечает несмело,
Потом разошлась, зазвенела, запела...
И смолкла внезапно. То ветка омелы

Певца уколола подсохшим листком,
Он охнул, гитару оставил, потом
Нашарив злосчастную ветку хотел
Отбросить ее. Только вспомнив омел

Чудесные свойства, решил сохранить:
Способна все хвори она исцелить,
От глаза избавить и клад отыскать,
Ночные кошмары от дома прогнать...

Вдруг вспышкой света дубы озарились,
На них удивленно поэт наш воззрился,
Гитару схватив, плащ накинув на плечи
Пошел посмотреть с кем подарена встреча

Ночную порою. Кто там на опушке?
Разбойник ли греет продрогшую душу,
И пламя бессильное тщится помочь.
А может лесничих оставила ночь,

Под сенью дубов и ее коротая,
Они о былом за вином вспоминают, -
Кто б ни был вдали у огня - хоть злодей,
Хоть добрый бродяга - а все ж веселей

Прожить до зари, а наутро проститься
И вновь по тропе на край света пуститься.
А свет то погаснет, то ярче взыграет,
То мягко разлившись, спокойно мерцает.

*И колокольчики женского смеха
До слуха доносит полнощное эхо.
И вот деревья и кусты расступились
И взору большую поляну явили.*

*И пень посредине замшелый стоит
Жарком полыхая - не грея, горит.
И рыжими струями пламя стекает
По коже морщявой, в траву убегая.*

*Средь леса дремучего, словно вулкан,
Цветком распускается пень-истукан.
Пылают златого венца лепестки,
И стебель, и листья - огня язычки,*

*Трепещут и бьются, взмывают и гаснут,
И вновь начинают безумную пляску.
На диво лесное поэт засмотрелся,
Потом спохватившись, вокруг огляделся.*

И видит - в лохмотьях седые старухи,
Согбенные спины, костлявые руки,
Стоят вокруг костра и безмолвно бормочут,
То хлопнут в ладоши, то вдруг захохочут,

И смех их разносится - нежный и звонкий -
Так утром на речке смеются девчонки,
Все в радужных брызгах, венках и сорочках,
Расшитых прозрачной, причудливой строчкой.

От них отделилась взъерошенной птицей,
Хромая горбунья и быстро кружится
На темной, высокой траве принялась,
Стройнее и тоньше в кругах становясь.

Рассыпала корни калгана по лугу,
Они засветились. По знаку подруги
К горящему пню чередой идут
И угольки золотые гребут.

Кто в космы седые уголья вплетает,
Кто плечи и шею огнем украшает,
А главная их взобралась на пень,
Объятая пламенем, странную песнь,

Запела, хрустальные капли роняя,
В прозрачную воду, за ней повторяют
Таинственный, дикий, прекрасный распев,
И множится эхо меж старых деревьев:

«Подмаринник и марьянник,
Чина, ветреница, майник,
Ландыш, лунник, ясенец,
Дремлик, лютик, воронец,
Незабудка и дубравник,
Недотрога и герань,
Вероника, колокольчик,
Пикульник - ключи от тайн,
Что хранит лесная чаща,

Где лобзаний воздух слаще,
Где приветливый ручей
Не таит своих речей,
Где поют чудесно птицы,
Где зверью спокойно спится,
Мы - Хранительницы леса,
Каждая из нас - принцесса,
Хоть собой не хороши, -
Вечно длится наша жизнь.
Вечно мы в чащобах бродим
В одиночку и гурьбой,
Вечно радость мы находим,
Мир баюкая лесной».

Зачарованный дивным звучанием этим,
Забыл менестрель обо всем белом свете,
В блестящих его отражаясь глазах,
Другие творятся уже чудеса.

Лохмотья старух опадают листвою,
И что же скрывали они под собою?
Не скорбную память увядшей красы,
Не дряхлые станы, седые волосы,

Не немощи символ с печатью уродства,
А девушек нежных - букет благородства.
Скромны и прелестны, как в чаще фиалки,
Воздушны как сильфы, гибки как русалки.

«Ах, ветка омелы - причуда природы,
Тоску изжила в моем сердце голодном,
Открыла ты мне столь желанную тайну:
В дубраве собрались волшебницы - кайны!

Они как орех, что в невзрачных одеждах
Ревниво скрывает и сладость, и нежность,
В обличье старух девы-кайны рождаются,
Седы и угрюмы, в лохмотья рядятся,

Но кто из людей не искал с ними встреч,
Мечтатель любой дал бы руку отсечь,
Чтоб кайна свой истинный облик открыла,
Падучей звездой небосклон прочертила,

Красой неземной на мгновенье сверкнув,
В скорлупку уродства опять ускользнув!..
Зачем я отмечен, что сделал такого,
За что мне подарок судьбой уготован?»

И вкрадчиво льнет самолюбивый ответ:
-Твой гений отмечен богами, поэт!
Но кубок целебных испив впечатлений,
Теперь я стыжусь своих жалких творений...

Я видел красу, я пред ней преклонился,
Невиданных таинств лесных причастился,
Но явь или сон? Как наутро поверить,
Что грезу о кайнах мне лес не наваял?

Но что происходит - по кудрям деревьев
Прошелся густым гребешком свежий ветер,
И клочья тумана ползут через кущи,
И гнили болотной зловонье все гуще...

И небо колыхается зыбким мельканьем,
Пища и толкаясь, кружат над поляной,
Вампиров-мышей оголтелые орды,
И пеной кровавой пузыряются морды,

И крыльев прозрачных несносно шуршанье,
Сжимается сердце в немом содроганьи,
И страшен, и гадок ночной легион,
Вот ноги бы в руки и броситься вон!

Но мысль недостойную прочь отгоняя,
Развитие драмы поэт наблюдает.
Кричат, и рыдают, и плещут руками,
Красавицы - кайны, над их головами

*Как смерч пронеслись, никого не затронув,
Вампиры в одну лишь впились, что на троне
Недавно, красуясь, еще восседала,
И в воздух взвились. Королева упала...*

*И вновь ветерок босиком, в тишине,
Траву потревожил. Луна в вышине
Роняет лучей серебро безучастно,
И небо спокойно, и лес безопасен.*

*Лишь песни умолкли, и пляски угасли,
И кайны хлопочут над жертвой несчастной,
Виски растирают, и мох поджигают,
Из ран ядовитую кровь выжимают.*

*Настоем целебным уста оросив,
Черемухи соком укусы промыв,
На ложе из мягкой душистой травы
Ее уложили. Как ветра порыв*

*Пронесся протяжный, отчаянный стон -
Услышал поэт погребения звон,
Из зарослей выбрался к девам печальным,
И ужаса воплем был встречен вначале*

Таким, что и сам не на шутку струхнул,
Но виду не подал, а грязь отряхнул
С одежды и громко, протяжно зевает,
А кайны, от страха дрожа, вопрошают:

- Кто ты, незнакомец, чем можешь помочь?
Коль бродишь без дела, не лучше ли прочь
Тебе поскорее отсюда убраться,
Пока не решили с тобой разобраться!

Не должно границы лесной преступать,
За таинством нашим нельзя наблюдать,
Наказан сурово ты был бы, несчастный,
Запомнив надолго полночный наш праздник.

Но нынче ступай восвояси отсюда...
- Был сладок мой сон под развесистым дубом,
Но ветка омелы его прервала,
Сквозь дебри к поляне меня повела.

Влекомый чудесной неведомой волей,
Нежданно свидетелем вашего горя
Я стал, и на помощь решился прийти,
Хотя и не знаю спасенья пути.

Я лишь менестрель, я бродяга - поэт,
В стихах и на струнах моих белый свет,
Во всех отраженьях своих проявился,
А магии, лекарству я не учился...

И юноша грустный у ложа больной,
В траву опустился, поник головой,
Со щек охладевших стирая росу
И жадными взорами нежит красу,

Что смерть по кусочкам уносит украдкой...
И вдруг в голове промелькнула догадка,
И молнией ринулся он сквозь кусты,
Не чувствуя в спешке сплетений густых.

В потемках нашарив гитару с плащом,
Опять на поляну несется бегом,
Через пни и коряги оленем он скачет,
У менестрелей есть нюх на удачу.

На пень-раскорячку удобно усевшись,
По струнам провел поначалу небрежно,
Потом взял аккорд и мелодии нити,
Сплелись - расплелись в кружевной перевити.

То волны о берег рассыплются пеной,
То птица к свободе стремится из плена,
То легким вином наполняется чаша,
То звуками рога встревожена чаша,

То двое влюбленных у края Вселенной,
То шепот волшебных камней - олдуэнов,
Баллада сменяет другую балладу,
А голос поэта по-прежнему сладок,

И нежен, и грустен, и полон тревоги.
Рассвет раздвигает лесные чертоги,
И луч по лицу проскользнул королевы,
И розовым щеки окрасил несмело.

И дрогнули веки, ресницы трепещут,
Колышется грудь, и дыхание легче,
А менестрель все поет и поет,
В пучину кошмара уйти не дает.

Он в детстве от деда легенду услышал,
Как в доме их старом, летучие мыши
Напали на девушку, прямо в постели,
Но выпить до капли ее не успели,

На помощь к бедняжке родные пришли,
И бледную тень от нее лишь спасли.
Настои целебные, мази и травы,
И мед, и вино не находят управы

На яд, и рассудок бедняжки мутится,
Она в своих грезах на лошади мчится,
И в пене кровавой и руки, и губы,
Во мраке крошечном любого погубит!

Все глубже она погружалась в безумье,
Когда в ее спальню вбежал полоумный,
Кривляясь, смеясь, он играл на свирели,
Родные опешив, не сразу сумели

Прогнать дурака, он увивал ловко
Да так и свистел, пока руки веревкой,
Ему не скрутили, в подвал не замкнули,
Обломки свирели в огонь зашвырнули.

А дальше - девица в сознание пришла,
Вернула из страшного, чудного сна
В наш солнечный мир ее песня свирели.
И кайну спасти удалось менестрелю...

Алмазные брызги блестят в паутинках,
Навстречу теплу потянулись травинки,
Кузнечики первые робко стрекочут,
Стрекозам ручей свои сказки бормочет.

Уж день далеко убежал от рассвета,
Когда помешала колючая ветка,
Под бок подвернувшись, ее проклиная
Поэт пробудился. Глаза открывая,

Он видит поляну в цветастом наряде,
Прозрачный ручей, где зеленые пряди
Полощутся ив, а дубравы могучей
Уже не видать. Это сон или случай?

Осталась лишь ветка омелы в руке,
Гитара и плащ, скудный завтрак в мешке,
Да груз на душе неизбывной печали.
Вздыхнул менестрель, над водой зазвучало:

- В дубраве, где вечная прячется тень,
Заросшей тропой брел вчера менестрель...

НАС**МИНУТ...**

«ВЕСТНИК» Союза писателей России (май 1998-декабрь 1998 г.) - за 1999г.

«СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

**ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНЫХ СОБЫТИЙ, ВСТРЕЧ. СЕКРЕТАРИАТЫ И ЮБИЛЕИ
СЕНТЯБРЬ**

Тульская область. Никольское-Вяземское (170-летие Л.Н.Толстого).

Тула. Оперный театр. Вечер, посвященный 170-летию Толстого. Присуждение премии имени Л.Н.Толстого Валентину Курбатову.

Ясная поляна. Писательские встречи. (Делегация СПР - В.Ганичев).

10-14/IX Нижний Новгород. Расширенный секретариат СП России - обсуждение журнала «Нижний Новгород», прием новых членов в Союз писателей, встреча с губернатором И.Скляровым. Рассмотрение вопроса об учреждении Всероссийской литературной премии имени Кузьмы Минина (В.Ганичев, С.Лыкошин, П.Проскурин, Л.Баранова, А.Сегень, М.Попов и др.)

14-19/IX Тула, Новомосковск. Всероссийский семинар молодых писателей (Л.Баранова, А.Казинцев, Н.Шестаков, Н.Иванов и др.).

23-25/IX Ульяновск, Димитровград - выездной секретариат СПР. Участие в работе совещания молодых писателей и в торжествах в связи с 50-летием Ульяновской писательской организации (Н.Переяслов, Г.Иванов, А.Тер-Маркарян, Е.Лазарев, Н.Данилов).

ПРАЗДНИК СИБИРСКОЙ ЛИРЫ

Ульяновская областная писательская организация Союза писателей России отметила свое 50-летие. На этот юбилей съехались литераторы из Москвы и Самары, из Сызрани и Чувашии. А в городе Димитровграде состоялся даже семинар, занятия в котором проходили по секциям прозы и поэзии. По такому случаю ульяновские литераторы принимали у себя выездной секретариат Союза писателей России под руководством известного литературного критика и куратора нашего отделения Николая Переяслова. Вместе с ним прибыли также секретари правления Союза писателей России - Г.Иванов, возглавляющий отдел поэзии при издательстве «Художественная литература», Н.Данилов, заведующий отделом художественной прозы при Московском отделении писателей, А.Тер-Маркарян, заведующий отделом поэзии в газете «Литературная Россия». Среди гостей были также известный поэт Б.Сиротин, возглавлявший делегацию из Самары, Виктор Трошин, возглавлявший делегацию из Сызрани, заместитель редактора журнала «Русское эхо» А.Громов (Самара) и многие другие.

Выездной секретариат Союза писателей России ознакомился с творчеством молодых димитровградцев и ульяновцев. В результате проделанной работы Ульяновское отделение пополнило свои ряды. В члены Союза писателей России были приняты Сергей Гогин, Василий Коробков (Ульяновск), Нонна Алиева, Александра Белова, Александр Никонов (Димитровград).

родской библиотеке Ульяновска. Переполненный зал и теплая атмосфера встречи сказали о главном, о том, что русская литература жива и развивается, что у нее много поклонников и верных читателей.

Ульяновская областная писательская организация собрала в этот день своих подлинных друзей. Трогательно прозвучали поздравления от Ульяновской областной организации Союза художников России, от сотрудников единственного в нашей области Литературного музея И.А.Гончарова и всех тех, кто разделит этот праздник с литераторами.

От начала и до конца торжественный вечер пронизывали выступления поэтов: гости и хозяева читали стихи. Даже прозаик Н.Данилов, у которого недавно вышла новая книга «Жернова», исполнил свои первые произведения в стихах.

Не забытыми в этот день были и те, кто стоял у истоков нынешней писательской организации, люди, чей вклад в нее с годами только укрупняется. Это В.Дедюхин, Г.Коновалов, П.Бейсов, Н.Краснов, Н.Рябинин, Н.Благов... Те поэты и прозаики, кто в трудные послевоенные годы создавал произведения о правде жизни, о подвигах человека и, конечно, о вечной любви и дружбе.

Симбирская лира с нами. У нее славные корни и большое будущее. Мы, читатели, уверены в этом.

Н.НИКИФОРАКИ

СЕМИНАР МОЛОДЫХ

В старинном приволжском городе Дмитровграде (Малекессе), который недавно отметил свое 300-летие и в котором в разные времена жили и работали известные русские писатели С.Аксаков, В.Соллогуб, В.Татищев, А.Толстой, Н.Шелгунов, Артем Веселый, братья Тургеневы, А.Неверов и другие, по инициативе глав Ульяновской области - Ю.Горячева и Дмитровграда - В.Паршина состоялся региональный семинар молодых литераторов Среднего Поволжья.

Руководители семинаров - москвичи Н.Переяслов, Г.Иванов, Н.Данилов, самарцы Е.Лазарев, А.Громов, Б.Сиротин, дмитровградец В.Гордеев, ульяновская поэтесса С.Матлина обсудили произведения более двадцати молодых дарований. По итогам совещания были рекомендованы в члены Союза писателей России несколько человек.

Участники совещания встречались с главами Дмитровграда и Ульяновска. С большим успехом прошли вечера поэзии в библиотеках НИИ атомных реакторов и Ульяновской центральной городской.

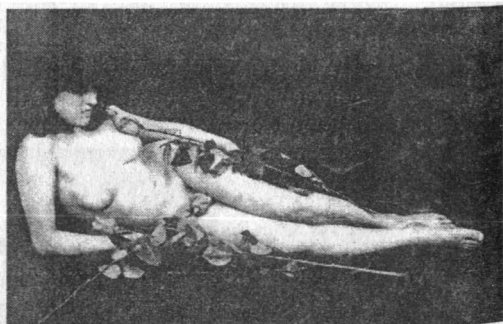
Аршак ТЕР-МАРКАРЬЯН.

МЕЛЕКЕСКИЕ АМЫ

Слева - известная большевичка
Дуся Наумова, справа - мелекес-
ская мещаночка (1917-1918гг.)

Слева - студентка ДИТУДА на показах
моделей в Санкт-Петербурге, справа -
димитровградка Ирина, решившая предста-
вить нам в жанре «ню».

Вверху слева - Елена-прекрасная на пленере, справа - одна из участниц студии при ЦКиД «Восход», внизу - Татьяна, - все красавицы из нашего города.

Снимки из коллекции фотомастеров дореволюционного Мелекесса и фотохудожника В.Пчелинцева.

Храни нас
сень Святого
Православного Креста

ИЮЛЬ-АВГУСТ
1999 7-8 литературно-художественный
и краеведческий журнал